ВЕСТНИК

КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 2(4)
2017

ISSN 2500-3372 (print)
ISSN 2542-1190 (online)

СЕРИЯ:
Политические, социологические
и экономические науки

ISSN 2500-3372 (print) ISSN 2542-1190 (online)

ВЕСТНИК
КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
Серия: Политические, социологические и экономические науки

2017 № 2(4)

Издается с 2016 года

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кемеровский государственный университет»

Объединенная редакционная коллегия:
Невзоров Б. П., д-р пед. наук, профессор, ответственный редактор, КемГУ (Кемерово, Россия) – председатель коллегии; *Бабич О. О.*, д-р техн. наук, профессор, проректор по научной и инновационной работе, КемГУ (Кемерово, Россия) – зам. председателя.
Редакционная коллегия:
Морозова Е. А., д-р экон. наук, профессор, КемГУ (Кемерово, Россия) – главный редактор.
Антонов К. А., д-р социол. наук, НГТУ (Новосибирск, Россия).
Зеленин А. А., д-р полит. наук, профессор, КемГУ (Кемерово, Россия).
Желтов В. В., д-р филос. наук, профессор, КемГУ (Кемерово, Россия).
Косинский П. Д., д-р экон. наук, профессор, КузГТУ (Кемерово, Россия).
Кремер Раймунд, д-р, профессор Потсдамского университета, главный редактор журнала «WeltTrends» (Потсдам, Германия).
Омеличкин О. В., д-р полит. наук, профессор КемГУ (Кемерово, Россия).
Слинкова О. К., д-р экон. наук, профессор, Белгородский национальный исследовательский университет (Белгород, Россия).
Силин А. Н., д-р социол. наук, профессор, ТюмГНГУ (Тюмень, Россия).
Солодова Г. С., д-р социол. наук, профессор, Институт философии и права СО РАН (Новосибирск. Россия).
Суслов В. И., д-р экон. наук, чл.-корр. РАН, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН (Новосибирск, Россия).
Шабашев В. А., д-р экон. наук, профессор, КемГУ (Кемерово, Россия).

BULLETIN
OF KEMEROVO STATE UNIVERSITY
Series: Political, Sociological and Economic Sciences

2017 no 2(4)

Founded in 2016

Founder: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Kemerovo State University

United editorial board:
B. P. Nevzorov, Dr. of Pedagogic, Prof., Executive Editor, Kemerovo State University (Kemerovo, Russia) – Chair;
O. O. Babich, Dr. of Technical Sciences, Prof., Vice-rector for scientific and innovative work, Kemerovo State University (Kemerovo, Russia) – Vice-Chairman.
Editorial board:
E. A. Morozova, Dr. of Economics, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia) – Editor-in-Chief.
K. A. Antonov, Dr. of Sociology, Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russia).
A. A Zelenin, Dr. Political Science, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
V. V. Zheltov, Dr. Philosophy. Sciences, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
P. D. Kosinski, Dr. of Economics, Prof., Kuzbass State Technical University (Kemerovo, Russia).
Raimund Krämer, Dr., Prof. at Potsdam University, Editor-In-Chief of WeltTrends Journal (Potsdam, Germany).
O. V. Omelichkin, Dr. Political Science, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
O. K. Slinkova, Dr. of Economics, Prof., Belgorod National Research University (Belgorod, Russia).
A. N. Silin, Dr. of Sociology, Prof., Tyumen State Oil and Gas University (Tyumen, Russia).
G. S. Solodova, Dr. Sociology, Prof., Institute of Philosophy and Law of SB RAS (Novosibirsk. Russia).
V. I. Suslov, Dr. of Economics, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).
V. A. Shabashev, Dr. of Economics, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Журнал издается по решению редакционно-издательского совета Кемеровского государственного университета.

Выходит 4 раза в год.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС 77-67376

Адрес редакции:
Россия, Кемеровская область, 650000, г. Кемерово,
ул. Красная, 6

Сайт издания: http://vestnik-pses.kemsu.ru

Адрес учредителя, издателя:
Россия, Кемеровская область, 650000, г. Кемерово,
ул. Красная, 6.
Тел.: 8(3842) 58-12-26
Факс: 8(3842) 58-12-26
E-mail: rector@kemsu.ru

Подписной индекс:
Объединенный каталог «Пресса России» – 94233

Журнал представлен в открытом доступе на сайте Российской универсальной научной электронной библиотеки и включен в базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

Правила для авторов опубликованы на сайте издания.

Контакты для сотрудничества:
Невзоров Борис Павлович,
ответственный редактор
Тел.: 8 (384-2) 58-13-01
Факс: 8(3842) 58-38-85
E-mail: nevzorov@kemsu.ru

Старикова Людмила Семеновна,
технический редактор
Тел.: (3842) 58-13-01
Факс: 8(3842) 58-38-85
E-mail: vestnik@kemsu.ru

Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.

16+

© Кемеровский государственный университет, 2017
© Авторы научных статей, 2017

Printed by the decision of Scientific Editorial Publishing Council of Kemerovo State University

Published 4 times a year

The Journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor)
Certificate of registration: ПИ № ФС 77-67376

Editorial Office Address:
Russia, Kemerovo region, 650000, Kemerovo,
6 Krasnaya St.

Web-site: http://vestnik-pses.kemsu.ru

Address of the founder, publisher:
Russia, Kemerovo region, 650000, Kemerovo,
6 Krasnaya St.
Tel.: (3842) 58-12-26
Fax: (3842) 58-12-26
E-mail: rector@kemsu.ru

Subscription indices:
94233 – in the United catalogue "The Press of Russia"

Free access to the Journal is provided at the website of the Russian Universal Scientific Electronic Library. The Journal is included into the database of the "Russian Science Citation Index".

Information for Authors published on the website Edition.

Contacts for co-operation:
Boris P. Nevzorov,
Executive Editor
Tel.: 8 (3842) 58-13-01
Fax: 8(3842) 58-38-85
E-mail: nevzorov@kemsu.ru

Lyudmila S. Starikova
Technical Editor
Tel.: 8 (3842) 58-13-01
Fax: 8(3842) 58-38-85
E-mail: vestnik@kemsu.ru

No part of the Journal can be republished without the permission of the authors or the publisher.

16+

© Kemerovo State University, 2017
© The authors of scientific articles, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Политическая и гражданская активность россиян
Юрий Л. Говоров, Борис П. Невзоров **4**

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Роль политических символов в «обществе спектакля» по Ги Дебору
Елена А. Белик **11**

Толерантность: есть ли альтернатива?
Анаталий М. Кулемзин **17**

Имидж Кемеровского государственного университета глазами преподавателей
Елена А. Морозова, Анна В. Сухачева **22**

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Повышение производительности труда как основной фактор экономического роста
Татьяна А. Бельчик **29**

Совершенствование управления многоквартирными домами в муниципальном образовании
Евгений М. Каратаев **34**

Концептуальные основы кластерной политики региона (на примере Омской области)
Альбина М. Киселева, Анна Г. Бреусова, Кирилл А. Самодинский **39**

К вопросу о сущности понятия «сберегательный потенциал домашних хозяйств»: системный подход
Ирина В. Маратканова **45**

Комплексный подход к оценке ситуации на рынке труда
Лариса Г. Миляева **52**

Различия в мотивационных профилях руководящих и рядовых сотрудников
Анна В. Мухачёва **58**

Сельское хозяйство Кемеровской области: современное состояние и перспективы развития
Елена А. Федулова, Светлана А. Кононова, Никита А. Вакутин **65**

CONTENT

POLITICAL SCIENCE

Political and Civil Activity of Russians
Yury L. Govorov, Boris P. Nevzorov **9**

SOCIOLOGY SCIENCE

The Role of Political Symbols in «The Society of the Spectacle» by Guy Debord
Elena A. Belik **15**

Tolerance: is There an Alternative?
Anatoliy M. Kulemzin **20**

The Image of the Kemerovo State University as Viewed by the Academic Staff
Elena A. Morozova, Anna V. Sukhacheva **27**

ECONOMICS SCIENCE

Labor productivity improvement as the major factor of economic growth
Tatyana A. Belchik **33**

Improving the Management of Apartment Buildings in the Municipality
Eugene M. Karataev **37**

The Conceptual Framework of the Cluster Policy in the Omsk Region
Albina M. Kiseleva, Anna G. Breusova, Kirill A. Samodinskiy **44**

The Matter of the Essence of the Concept «The Saving Potential of Households»: System Approach
Irina V. Maratkanova **49**

An Integrated Approach to Labour Market Situation Assessment
Larisa G. Milyaeva **56**

Differences in Motivation Profiles of Leaders and Series Employees
Anna V. Mukhacheva **64**

Agricultural Sector of the Kemerovo Region: Modern Condition and Prospects of Development
Elena A. Fedulova, Svetlana A. Kononova, Nikita A. Vakutin **70**

УДК 32.019.5 + 316.662:316.462

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ГРАЖДАНСКАЯ АКТИВНОСТЬ РОССИЯН

Юрий Л. Говоров[1, @1], Борис П. Невзоров[1, @2]

[1] Кемеровский государственный университет, Россия, 650000, Кемерово, ул. Красная, 6
[@1] govorov@history.kemsu.ru
[@2] nevzorov@kemsu.ru

Поступила в редакцию 20.10.2017. Принята к печати 17.11.2017.

Ключевые слова: политическая активность, гражданская активность, демократия, конформизм, патернализм, индекс счастья, общественная деятельность.

Аннотация: Используя данные социологических исследований мнения граждан России, в том числе по вузам, ряда лет, авторы обнаружили значительные совпадения в выводах, полученных разными исследовательскими центрами относительно снижения уровня политической и гражданской активности россиян в последнее время. Обусловлено это в значительной степени отчуждением от власти и государства существенной части населения, полагающего, что не способно влиять на принимаемые государственные решения, которые, как правило, мало влияют на улучшение повседневной жизни граждан.

В постсоветский период практически все выборные процедуры построены так, что обеспечивают чиновничеству высокую степень самодостаточности и относительную независимость от общественного мнения. Общество в целом и отдельные коллективы в результате формализованных выборов легитимизируют эту ситуацию как демократическую: формирование управляющих структур проходит многоступенчато с охватом значительной части коллектива (народа). И, как показывают социологические исследования, в итоге на отношение населения к власти и ее носителям большое влияние оказывает рассогласование между восприятием ценности демократии и ее реализацией в реальной политической практике. С одной стороны, ценности демократии достаточно прочно укоренились, а с другой – процессы демократизации в общественном восприятии носят номинальный характер, т. е. не соответствуют своему назначению. Управление в такой ситуации принимает канцелярско-бюрократическую форму: доминирующим типом политического поведения в современном российском обществе является патерналистско-подданнический. Личные свободы и демократические права, хотя и важны, не являются решающими и отступают в тень перед другими соображениями – интересами общности.

Очевидна всеобщая установка на адаптацию, на поддержание статус-кво сегодня, чтобы не стало хуже завтра – это относится к поведению и так называемых политических сил, и непотопляемых чиновников разного уровня из руководящей «обоймы» новой номенклатуры, и точно так же к поведению электората. Описанная ситуация свидетельствует о ритуализации политической жизни, связанной, с одной стороны, с отчуждением между властными элитами и массами, а с другой стороны, с взаимной заинтересованностью власти и электората в сохранении сложившейся политико-психологической стабильности.

Для цитирования: Говоров Ю. Л., Незоров Б. П. Политическая и гражданская активность россиян // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2017. № 2. С. 4–10.

В последние десятилетия в условиях значительного снижения роли граждан России в принимаемых в стране решениях все более заметной становится апатия участия их в политике. Более 50 % (точнее 52 % по данным опроса «Левада-центра» 2016 и 2017 гг.) граждан России заявили, что не готовы участвовать в политике лично [1].

А начинается это с неучастия граждан в различных выборных кампаниях. Разработанные положения по выборам, как в верховные, так и муниципальные органы власти, не всегда ориентированы на активизацию гражданских масс. Аналогично политика формирования органов управления в государственных организациях (например в вузах) локализует эти процедуры в определенной системе, где участие членов трудового коллектива определенно носит заведомо формальный характер, поскольку лишь номинально альтернативные выборы заведомо гарантируют избрание предопределенного кандидата.

Согласно опросам, в РФ устойчиво формируется представление, что политика – не для рядовых граждан страны, поскольку они, вроде бы, ничего не понимают в политике (26 % респондентов), занятие политикой дело властей (30 % респондентов), а граждан – заниматься своими делами (25 %): а главное, что «ничего изменить нельзя (23 %) – как верхушка власти решит, так и будет» [1].

В другом исследовании [2] также получены очень похожие результаты: нежелание участвовать в политике россияне чаще всего мотивируют уверенностью в том, что их вовлеченность в политический процесс все равно не спо-

собна ничего изменить в сложившихся условиях – «плетью обуха не перешибешь» (34 %). На втором месте – убежденность в том, что политикой должны заниматься профессионалы, а не рядовые граждане (24 %). На третьем месте среди причин неготовности россиян к более активному личному участию в политике – отсутствие времени для этого (23 %). Однако согласно известному афоризму («если ты не идешь в политику, она придет за тобой») россияне периодически все же вспоминают, что они не только жители страны, но и ее граждане: а 6 % (в основном бюджетники) работают во время кампаний как агитаторы, наблюдатели, сборщики подписей и т. д.

Представление об отсутствии возможностей влияния на процесс принятия политических решений отчасти объясняет низкий уровень политической активности населения. В сознании граждан уживаются две модели: патерналистская, унаследованная от прошлого, и индивидуалистическая, выступающая для большинства как навязанная обстоятельствами жизни, но все-таки уже принятая модель решения собственных проблем [2].

Откровенное пренебрежение элитой нравственными и правовыми нормами, равнодушие к проблемам социального самочувствия рядовых россиян вызвали вполне естественную реакцию общества: уже к середине 1990-х гг. подавляющее большинство россиян (до 80 %) пришло к твердому убеждению, что «российские власти мало интересует мнение таких простых людей, как мы», что «людям, правящим страной, безразлична судьба отдельного человека» [3]. Поэтому почти половина россиян (46 %) убеждены в том, что эффективных способов отстаивания своих интересов в общении с властью в сегодняшней России не существует, а 78 % опрошенных за последний год и не пытались прибегать к ним, хотя почти каждый второй за прошедшие три года сталкивался с нарушениями своих прав и интересов [4].

Утрата характерных для эпохи перестройки надежд на быстрый рост благосостояния после перехода к рыночным отношениям привела к заметному ослаблению патерналистских настроений и установок. Как отмечает известный социолог Ю. А. Левада, «граждане все больше стали рассчитывать на собственные силы» и перестают видеть в государстве гаранта своего материального благополучия. Следуя этой позиции, 47 % россиян остаются инертными с электорально-политической точки зрения, исходя из принципа «Своя рубашка ближе к телу», «митинги можно и по телевизору посмотреть, всем не поможешь, а «там наверху лучше знают».

При этом, как гласит пословица: «Тем, кто любит колбасу и кто интересуется политикой, лучше не знать, как делается то и другое» [2], а потому к политике как таковой у граждан отношение достаточно настороженное, и 43 % россиян предпочитают в нее «не лезть» ни в какой форме [4]. Хотя последнее утверждение вовсе не аксиома. Социологи Института социологии РАН (ИС РАН) выяснили, каким политическим, общественным и прочим структурам наши сограждане доверяют, а каким нет. Картина получилась достаточно наглядная: меньше всего россияне доверяют как раз тем, кто без массового актива обращается в ничто и должен (по идее) всеми силами крепить свой авторитет, – политическим партиям. Считают их достойными доверия 15 % граждан, отказывают – 55 % [2]. Ниже мы приведём ещё некоторые из данных, которые по исследованию доверия других объединений и государственных структур, получили ученые ИС РАН.

От года к году из-за коррупционных дел в верхах усиливается мнение, что «политика – грязное дело» (так считает уже 15 %, хотя 5 лет назад таковых было всего от 5 до 7 %). Многие материально обеспеченные (квартира, машина, дача, зарплата) граждане с активной жизненной позицией могли бы «пойти в политику» и «влить новое вино в старые меха», но боятся выделиться (по данным исследования таких – 6 %). Связано это с необходимостью доказывать легальность источников благосостояния за честно заработанные деньги. В результате 6 % потенциально активных граждан в данной ситуации не рискуют продемонстрировать свою активность. И это вовсе не постыдная, а чисто житейская ситуация, в которой и великие личности пасуют: Е. Евтушенко образно объяснил исторический факт отречения Г. Галилея от поддержки идеи о вращении Земли вокруг Солнца тем, что «Он знал, что вертится Земля, но у него была семья…».

По этой причине, как показывают исследования [1], 61 % опрошенных живёт, как можно дальше дистанцируясь от власти и «полагаясь только на себя». Вместе с тем 24 % считают, что их жизнь во всём зависит от власти, а 9 % указали, что, вступая с ней в контакт, добиваются от неё того, что им нужно. Весьма любопытно, что заметное улучшение жизни в последние 15 лет укрепило убеждение многих граждан, что улучшения вполне могут быть достигнуты и без их участия. Складывается впечатление, что усиление индивидуализации граждан в добывании средств к существованию в условиях развития рыночных отношений, постоянная забота о поддержании на экономически приемлемом уровне своего дела, а также опасение лишиться созданного благополучия, привели к тому, что 90 % россиян не проявляли в последние 2 года никакой политической или гражданской активности (сведения опроса фонда «Общественное мнение» (ФОМ) [5].

В тех же исследованиях указывается, что 95 % опрошенных не состояли в партиях и не участвовали в сборе подписей в поддержку каких-либо политиков, к тому же были пассивны 94 % в части агитации за или против какой-нибудь законодательной инициативы, а более 90 % не принимали участия в качестве наблюдателей на выборах, не участвовали в каких-либо массовых акциях, не являлись ни добровольцами, ни волонтёрами.

Крушение советской государственности и связанных с ней общественных отношений в 90-е гг. прошлого столетия привели к полнейшей идейно-политической дезориентации российского общества. Однако, по данным ВЦИОМ, в результате восстановительного экономического роста и «вставания с колен» в последующие годы индекс счастья в России достиг исторического максимума 83–85 % за всю историю наблюдений с 1990 г. [6]. Наиболее оптимистичны молодежь в возрасте 18–24 лет (95 %) и люди с высоким достатком (94 %). Значительно выросла доля людей, которые отвечают на вопрос о счастье «определенно да» – с 32 до 39 %.

Именно так выглядят результаты ответов россиян на вопрос о «счастье», хотя в это верится с трудом, поскольку в стране сохраняется множество нерешенных проблем. При этом рост благополучия в жизни россиян по данным

августовского опроса (2017 г.) [7] не подтверждается, поскольку среди опрошенных меньше всего довольны жизнью пенсионеры (82 %) и те, кто испытывает нехватку средств к существованию (63 %).

Наиболее важными проблемами в стране, по мнению россиян, является низкий уровень жизни, экономика и социальная политика. Об этом говорится в исследовании ВЦИОМ, поступившем в РБК [7]. Опрос показывает, что почти четверть россиян (24 %) считает низкие зарплаты и уровень жизни в целом самым проблемным вопросом. К тому же год назад такого мнения придерживались 14 % респондентов, а в январе 2017 года – 18 %. Каждый пятый респондент (21 %) заявил, что обеспокоен состоянием экономики, в начале года в числе основных проблем этот пункт назвали 16 % опрошенных. Вопрос социальной политики считают проблемным 18 % опрошенных, в 2016 году этот показатель составлял 9 %. Кроме того, возросла обеспокоенность россиян проблемами здравоохранения. Этот вопрос волнует 17 % респондентов, против 10 % годом ранее. Помимо вышеперечисленных проблем россиян беспокоят безработица (14 %) и проблемы в сфере образования (12 %). Еще 12 % респондентов обеспокоены низким уровнем пенсий. По данным опроса, также в числе основных проблем 10 % россиян назвали высокую инфляцию и рост цен, коррупцию (10 %) и проблемы в сфере ЖКХ (8 %). Большинство опрошенных (53 %) беспокоят цены за услуги ЖКХ, 44 % недовольны низким уровнем зарплат, 42 % переживают из-за роста цен на товары и услуги. И люди испытывают все большее раздражение из-за расхождения официальной риторики о преодолении инфляции и росте доходов, в то время как эти доходы не растут. Их раздражает, что от властей нет ответа на вполне простые и понятные вопросы о коррупции [8].

Пора перестать врать, что ситуацию в стране большинство граждан считает «благополучной». Никто не отрицает, что велика степень доверия президенту (60 %), но деятельность других институтов (кроме МИД, МЧС, Минобороны, РПЦ, РАН и TV) имеет низкие (порой почти отрицательные) оценки. Неоднозначное отношение к общественным и правозащитным организациям: им доверяют меньше трети (31 %) россиян, но в этом случае количество позитивных отзывов хотя бы превышает число негативных на 2 %. А вот профсоюзам верят лишь около четверти граждан (24 %), но 41 % гроша бы ломаного им не сдали на хранение. В глубоком минусе – полиция, судебная система и Госдума [2].

По данным социологов [9], фиксируется рост социальных неравенств, все большее противоречие между бедными и богатыми: статистика говорит, что 10 % наиболее финансово успешных жителей страны получают в 14,5 раз больше, чем 10 % находящихся в самом низу пирамиды распределения состояния. В Европе в целом это различие составляет 7 раз, а в ещё более социально справедливой Финляндии – 5,6 раза. Когда добиться этого не получается, многие люди замыкаются в себе и своем «микрокосме», устраняются от любой общественной активности. В последние годы, правда, можно отметить некоторый рост гражданской активности, но пока довольно невысокий и неустойчивый. «Аллергия на политику» у людей пока не прошла – или, скорее, проявляется вновь после митингового всплеска 2011–2012 гг.

Проблемы, связанные с различием в доходах, в кризисе последних лет встали особенно остро. Согласно исследованиям ООН по труду и социальной политике, когда различие в доходах достигает 8 раз, общество перестаёт быть стабильным, а после 10-кратного различия в нём начинает созревать революционная ситуация. Первый заместитель председателя комитета Госдумы по труду и социальной политике Михаил Тарасенко считает категорически необходимым ввести ограничение, которое приведет соотношение уровней зарплат к более приемлемой цифре хотя бы в государственном секторе.

Серьёзным источником имущественной пропасти между бедными и богатыми в России служит минимальный размер оплаты труда (МРОТ), индексируемый крайне редко и не учитывающий реальные инфляционные изменения. Но поскольку он признан официально, именно его в качестве ориентира берёт солидный пласт работодателей при установлении тарифной сетки для персонала, что отбрасывает миллионы людей за черту прожиточного минимума. Безусловно, проблема бедности и неравенства существует не только в нашем отечестве. Экономический форум в Давосе среди 50 самых серьёзных глобальных рисков признал её одной из самых серьёзных, если не самой важной угрозой для бизнеса, поскольку такое неравенство ведёт к внутренней общественной нестабильности. «Нормальное развитие любого государства при наличии столь серьёзного разрыва невозможно – не получится скомпоновать внутренний рынок, обеспечить внутри страны спрос на инновации» [9]. А это зависит и от государства в целом, властей на местах и активности самих граждан в защите своих прав, что пока далеко от реализации. Поэтому неудивительно, что 87 % граждан не считают себя способными влиять на принятие государственных решений, а 81 % не видят возможности улучшить что-то в своем регионе путем голосования. По самым свежим исследованиям ФОМ, более трети россиян (35 %) думают, что жизнь в стране не изменится в ближайшие три-пять лет [10].

На наш взгляд, представление об отсутствии возможностей влияния на процесс принятия политических решений отчасти объясняет низкий уровень политической активности населения. К тому же с каждым годом среди избирателей уменьшается доля поколения, воспитанного на патерналистской модели, и возрастает доля нового поколения, воспитанного на других шаблонах, один из которых – презрение к демократическому институту, последовательно воспитанное политикой власти. Как отмечает политолог Дм. Орешкин [5]: «все понимают, что всё останется как есть», а чем ниже явка на выборах, тем больше управляемого электората среди голосующих. «В стране социальная шизофрения – разница между намерениями и реальностью. Люди в глубокой депрессии, они понимают, что от них ничего не зависит, но при этом продолжают выдавать одобряемые обществом ответы» (см. данные ВЦИОМ об индексе счастья).

В этой связи выглядит закономерной такая реакция граждан на действия властей, в которой преобладают конформизм и отчуждение. В настоящей статье мы не будем рассматривать подробно явление конформизма, поскольку его роль в современном обществе достаточно обстоятельно проанализирована в работе О. А. Смагиной [11]. Но в интерпретации статистических данных выделим те

показатели, которые дают представление о влиянии конформистских позиций на людей в социуме, тем более, что «явление конформизма очень сложное и к нему нельзя относиться однозначно» [11].

Учитывая отмеченное выше, заметим, что проявление конформизма в государственном управлении, которое проявляется в безынициативности, пагубно влияет на состояние общества [12]. Известное в народе такое определение конформизма, как «пофигизм», приводит к большим экономическим потерям, к ухудшению состояния во всех сферах жизни и деятельности общества. А это, как показывают исследования, рассматриваемые нами, приводят к снижению стабильности в обществе, порождает недоверие к власти, особенно в тех случаях, когда она утверждает что всё идёт к лучшему и в нужном направлении.

Это в какой-то степени закономерно, что в стране, находящейся в незавершенном процессе модернизации экономики и трансформации социально-политической структуры, значительное большинство граждан подвержено конформизму в форме приспособленчества, пассивного принятия существующего порядка вещей, законов, господствующих мнений и т. д. Конформизм проявляется в отсутствии собственной позиции, беспринципном и некритическом следовании любому образцу, обладающему наибольшей силой давления, то есть мнению большинства (такое в нашей истории было – «есть мнение» и «Партия считает»). Данному явлению свойственно проявляться там, где происходит столкновение мнения индивида и группы [13].

Конформизм как социальное явление современного российского общества имеет для его разных страт и сегментов как положительные, так и отрицательные стороны. К положительным, с точки зрения правящей элиты, характеристикам можно отнести:

– легкую достижимость единства при принятии решений (в сложных ситуациях при пассивном отношении к процессу большинства общества и коллектива);

– легкую управляемость обществом и коллективом, упрощение оргусилий (в связи с отсутствием возможных альтернатив);

Однако для общества в целом явно преобладают минусы конформистской модели поведения:

– снижается творческое начало, заложенное в человеке и в коллективе [11; 14];

– задача сохранения стабильности в ее конформистском варианте отодвигает на второй план задачи обеспечения поступательного развития посредством выбора альтернативных, более эффективных стратегий.

Вместе с тем следует различать такие понятия, как конформизм и уступничество. Если конформизм проявляется в форме смены собственных убеждений индивида под давлением внешнего окружения, то уступничество – в форме согласия-принятия мнения окружения без потери собственных убеждений [14]. В любом случае снижается уровень активности граждан во всех делах.

Исключением из этого правила является решение общественных проблем по месту жительства (этим занимались 27 % респондентов) и помощь незнакомым людям (72 %). Но все-таки о потенциальной готовности поучаствовать в некоторых акциях заявляет гораздо больше респондентов [1]. И в основном гражданская (точнее общественная) активность проявляется только при решении бытовых проблем по месту жительства. Например, на вопрос о готовности принять участие в очистке от мусора соседней с лесопарковой зоны, положительно ответили 88 % опрошенных. В данном случае люди говорят об общественной норме, но одно дело быть готовым, а другое – что-то реально делать, объясняет ведущий социолог ФОМа Инна Иванова [5]. По ее словам, за последние несколько лет ничего не изменилось: в России очень низкая гражданская компетентность и нет цивилизованных моделей защиты, люди резко разделяют общественное и политическое.

Самая социально-активная часть россиян – так называемые волонтёры – составляет всего 8 % населения России. Ещё три группы относительно активных страт дают в совокупности 34 %. «Социальный балласт» – это так называемые «веб-обыватели» (20 %), не интересующиеся ничем вне виртуальной жизни, а также «гражданские обыватели» (23 %). Основные составляющие социально-активной жизни – высшее образование, доход выше среднего и ежедневное пользование интернетом. Активно выступать за существующую власть готовы 10 % россиян, за внесистемную оппозицию – 5 %. Остальные россияне – индифферентные наблюдатели [15]. В указанной работе приведены характеристики всех акторов гражданского участия в зависимости от их включенности в деятельность.

Пёстрая, аморфная, хотя в целом спокойная, картина настроений возникает, когда речь заходит о политической активности: участие в массовых акциях, митингах, демонстрациях. Большинство респондентов (51 %) не намерены поддерживать ни сторонников нынешней власти, ни их противников. Пятая часть (20 %) респондентов говорили, что будут высказываться в поддержку властей, но на митинги ходить не намерены, ещё 10 % готовы были пойти на митинг в поддержку властей. И всего лишь 5 % респондентов заявляли о своей готовности принять участие в митингах и демонстрациях против власти [15].

Общественная деятельность и побудительные мотивы заниматься ею в последние 25 лет существенно поменялись. Если в советское время общественная работа могла дать некие ощутимые блага, то теперь только один активист из сотни считает, что участие в общественной жизни поможет «сделать политическую карьеру». В основном же люди становятся «активными общественниками» из расчёта на то, что это позволит им защитить свои права, не быть «стадом», т. е. от общественной активности люди не ждут выгоды и славы. На это указывают 18 % опрошенных. Кроме того каждый девятый (11 %) хочет участвовать в конкретных полезных для общества делах, получить новый опыт, добиться личностного роста и т. п. Как констатируют социологи, россиянам неполитические формы гражданской активности нравятся больше, чем политическая жизнь (это отмечает каждый десятый из респондентов) [2].

Проанализировав данные соцопросов, мы установили, что интерес к общественным объединениям в настоящее время даже несколько выше, чем был в советское время. Более того, следует отметить, что массовость участия в добровольно-принудительных организациях (ДОСААФ, Красный Крест и прочие «сборщики членских взносов» плюс профсоюзы) была значительно выше и они в СССР имели вес и влияние. Но на наш взгляд, организационное начало нынешних общественных объединений в основном

носит стихийный характер и нередко они, не успев набрать силы и приобрести влияние в обществе, рассыпаются.

Повышение уровня активности граждан в условиях рыночных отношений и нарастающей под флагом «оптимизации» конкуренции даже в бюджетной сфере – чрезвычайно сложная задача. Для ее решения прежде всего требуется вызревание объективных предпосылок: человек, полный забот о хлебе насущном – или вне политики, или орудие в чьих-то интересах. Однако полное забвение средств консолидации трудящихся на общие дела даже в государственных учреждениях (типа вузов и других учебных заведений) и сведение всей деятельности в этой тонкой сфере к коммерциализации лишает общество, особенно молодых его членов, возможности и стремления к реализации своей социально-политической активности на благо общества.

Заключение

Статистические данные масштабного и всестороннего исследования политической и общественной активности россиян учеными ИС РАН [2] и других исследователей [1; 4–10] позволяют сделать вывод: люди у нас вовсе не так разобщены и не настолько пассивны, как это принято считать. Просто не за каждым вождем они готовы пойти и не всякую идею одобрить, не всегда последовательны в отстаивании своих целей. Но упорства им тоже не занимать. Обмануть или запугать их – чем дальше, тем сложнее. Собственно, так и зарождается в любой стране гражданское общество. Шаг вперед, два назад, поворот. Общество – это люди, а люди предпочитают оставаться людьми. Для личного и общего блага. И потому при формировании власти любого уровня, при выборе лидеров об этом следует помнить, если мы хотим процветания каждого уголка нашей страны. И чтобы это не было безразлично каждому человеку, ему должна быть предоставлена возможность реализовать себя там, где он наиболее полезен по своим личным качествам. Вот тогда и статистика будет иной.

Как отмечают ученые, для активизации политической и гражданской активности самый большой потенциал имеют конкретные организации с четко заявленными целями, умеющие вступать в контакт с властью и «давить» на нее, но при этом своей деятельностью не противоречащие закону. Из анализа показателей опросов следует, что при благоприятных условиях каждый пятый россиянин (20 %) на сегодня готов «делать политику» и участвовать в принятии важных для страны решений. Хотя от намерений к делам путь не самый близкий. Однако, в России путь от аполитичности до массовой политизации в любой момент может минимизироваться: «Русские долго запрягают, но быстро ездят». Заметим также, что гуманитарные организации порой влияют на политику сильных мира сего куда мощнее, чем региональные партструктуры, куда входят все местные чиновники оптом. Даже к организациям с высокой степенью известности треть россиян (34 %) относятся с интересом, но лично поддержать не готовы. Но почти половина (до 47 %) при случае оказывает посильную помощь волонтерам, работающим на месте катастроф, экологам, людям, собирающим деньги для больных детей и т. д. По этой причине наибольшие шансы привлечь внимание россиян есть у общественных объединений, которые помогают больным и обездоленным, защищают природу от вредных воздействий или охраняют памятники, борются с коррупцией, контролируют ход выборов.

Из результатов исследования следует, что россияне настойчиво определяют необходимость усиления профессионализма у федеральной власти: «нужны внятные, разумные законы, не допускающие толкования в чью-то пользу», сам парламент должен отражать социальную структуру общества, а не партийных функционеров и «модных» персонажей. В составе Госдумы «62 % россиян хотели бы видеть экономистов, 61 % – юристов, 45 % – ученых, 39 % – рабочих, 33 % – военных, 29 % – врачей, 28 % – учителей, 27 % – гражданских активистов, 26 % – крестьян. Почти вдвое меньше нужны партийные и религиозные деятели, литераторы и госслужащие. И меньше всего в Думе хотят видеть бизнесменов, спортсменов, журналистов и блогеров. Все красноречиво» [2].

Наконец по итогам опросов следует вывод: россияне могут придерживаться самых разных взглядов на роль государства в жизни страны. При этом большинство в России (56 %) сейчас составляют «государственники (этатисты) – державники», которые поддерживают действующую власть, выступают за «порядок», наведенный «сильной рукой» и укрепление державной мощи РФ. Чистых либералов-западников – 8 %, треть (36 %) являют собой в политическом отношении нечто среднее. При данном раскладе всё равно у большинства граждан России главное требование к государству – это обеспечение социальной справедливости и равенства всех перед законом. К экстремистским, крайним формам протеста россияне относятся отрицательно и считают подобные действия недопустимыми ни при каких условиях.

Литература

1. Выжутович В. В. Подальше от политики // Российская газета. № 232(7398). 12.10.2017. С. 3.

2. Добрынина Е. Кампания за компанию // Российская газета. № 204(6476). 09.09.2014. Режим доступа: rg.ru/2014/09/09/peremen.html (дата обращения: 06.11.2017).

3. Петухов В. Политическое участие и гражданская самоорганизация в России // Мировая экономика и международные отношения. 2004. № 8. С. 26–35.

4. ВЦИОМ: уровень счастья россиян достиг максимума за 25 лет // СарБК. 26.04.2017. Режим доступа: https://news.sarbc.ru/main/2017/04/26/198535.html (дата обращения: 06.11.2017).

5. Чуракова О. Социологи ФОМа: Гражданская и политическая активность россиян упала практически до нуля // Ведомости. № 3672. 11.09.2014. Режим доступа: /www.vedomosti.ru/politics/articles/2014/09/11/grazhdanskaya-passivnost (дата обращения: 06.11.2017).

6. Калюков Е. ВЦИОМ сообщил об историческом максимуме счастья россиян // РБК. 26.04.2017. Режим доступа: https://www.rbc.ru/society/26/04/2017/59005aab9a794781c055edef (дата обращения: 06.11.2017).

7. ВЦИОМ назвал три главные проблемы россиян // РБК. 14.08.2017. Режим доступа: http://www.rbc.ru/rbcfreenews/59915fb69a79478541b93cca (дата обращения: 06.11.2017).

8. Орешкин Д. Б. «Люди начинают понимать, что время, когда мы «поднимались с колен», заканчивается». Текст – Р. Папков // Открытая Россия. 26.06.2017. Режим доступа: https://openrussia.org/notes/710816/ (дата обращения: 27.07.2017).

9. 14-кратный разрыв между богатыми и бедными становится опасным для развития России // Курсы валют в банках Москвы. 01.04.2016. Режим доступа: www.exocur.ru/14-kratnyiy-razryiv-mezhdu-bogatyimi-i-bednyimi-stanovitsya-opasnyim-dlya-razvitiya-rossii/ (дата обращения: 06.11.2017).

10. ФОМ: треть россиян убеждены, что жизнь в стране не изменится через пять лет // Коммерсант.ru. 27.10.2017. Режим доступа: /www.kommersant.ru/doc/3453526 (дата обращения: 06.11.2017).

11. Смагина О. А. Проблемы конформизма в современном обществе // Основные вопросы теории и практики педагогики и психологии: сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. Омск: Инновационный центр развития образования и науки, 2015. Т. 2. С. 169–171.

12. Карпова А. Ю. Информационная аномия: выбор на грани фола // Власть. 2014. № 1. С. 41–45.

13. Классическая социальная психология: учебное пособие / под общ. ред. Г. М. Андреевой. М.: Владос, 2011.

14. Розенберг Н. В., Ушкина И. А. Конформизм как социальное явление // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2014. № 3(31). С. 142–150.

15. Богомолова Е. В., Галицкая Е. Г., Кот Ю. А., Петренко Е. С. Повседневность россиян: гражданские и потребительские практики // Мир России: Социология, этнология. 2017. Т. 26. № 1. С. 180–197.

POLITICAL AND CIVIL ACTIVITY OF RUSSIANS

Yury L. Govorov[1, @1], Boris P. Nevzorov[1, @2]

[1] Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000
[@1] govorov@history.kemsu.ru
[@2] nevzorov@kemsu.ru

Received 20.10.2017. Accepted 17.11.2017.

Keywords: political activity, civic activity, democracy, conformism, paternalism, satisfaction index, social activity.

Abstract: The authors of the current paper have analyzed data obtained from opinion polls among Russian citizens (including those conducted among students and staff of various Russian universities). The surveys have revealed significant coincidences in the results obtained by different research centers regarding the reduction in the level of political and civic engagement of Russians in recent years. According to the surveys, this is largely due to the alienation of the significant part of the population from the government and the state. These people believe they are not able to influence the state decisions, which, in their turn, have little effect on the improvement of their everyday life.

In the post-Soviet period, practically all the elective procedures were designed in such a way that they allowed the officialdom to be self-sufficient and independent from public opinion.

As a result of formalized elections, the society in general, as well as separate communities, legitimizes this situation as democratic, since the governing structures are formed in the course of a multistage procedure involving a significant part of the population (employees). Thus, as sociological studies show, «the attitude of the population towards the authorities is greatly influenced by the discrepancy between the perception of the value of democracy and its implementation in real political practice. On the one hand, democracy values have rooted quite firmly in the society. On the other hand, the processes of democratization in public perception are of a nominal nature, i.e. they do not correspond with their purpose». In a situation like this, management assumes a bureaucratic form, and the dominant type of political behavior in modern Russian society is paternalistic and subject-imposed. Individual liberties and democratic rights, although important, are not decisive and get diminished by other considerations, e.g. the interests of the community.

It is obvious that everyone's aim is adaptation and maintenance of the today's status quo, because things might get worse tomorrow. It applies both to the behavior of the so-called political power and to the behavior of the so-called "unsinkable" officials on different levels, who belong to the top of the new nomenclature, as well as to the behavior of their subordinates. The situation described above indicates ritualization of political life, which is connected, on the one hand, with the divergence between the power elite and the masses, and, on the one hand, with the mutual interest of the authorities and the electorate in preserving the currently stabilized political and psychological situation in the country.

For citation: Govorov Yu. L., Nevzorov B. P. Politicheskaia i grazhdanskaia aktivnost' rossiian [Political and civil activity of Russians]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences*, no. 2 (2017): 4–10.

References

1. Vyzhutovich V. V. Podal'she ot politiki [Away from politics]. *Rossiiskaia gazeta = Russian newspaper,* no. 232(7398) (12.10.2017): 3.

2. Dobrynina E. Kampaniia za kompaniiu [Campaign for the company]. *Rossiiskaia gazeta = Russian newspaper,* no. 204(6476) (09.09.2014). Available at: rg.ru/2014/09/09/peremen.html (accessed 06.11.2017).

3. Petukhov V. Politicheskoe uchastie i grazhdanskaia samoorganizatsiia v Rossii [Political participation and civil self-organization in Russia]. *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia = World Economy and International Relations*, no. 8 (2004): 26–35.

4. *VTsIOM: uroven' schast'ia rossiian dostig maksimuma za 25 let* [VCIOM: the level of happiness of Russians reached a maximum in 25 years]. 26.04.2017. Available at: https://news.sarbc.ru/main/2017/04/26/198535.html (accessed 06.11.2017).

5. Churakova O. *Sotsiologi FOMa: Grazhdanskaia i politicheskaia aktivnost' rossiian upala prakticheski do nulia* [Sociologists FOM: Civil and political activity of Russians fell to almost zero]. Vedomosti, no. 3672 (11.09.2014). Available at: /www.vedomosti.ru/politics/articles/2014/09/11/grazhdanskaya-passivnost (accessed 06.11.2017).

6. Kaliukov E. VTsIOM soobshchil ob istoricheskom maksimume schast'ia rossiian [VCIOM reported on the historical maximum of Russian happiness]. *RBK = RBC*, 26.04.2017. Available at: https://www.rbc.ru/society/26/04/2017/59005aab9a794781c055edef (accessed 06.11.2017).

7. VTsIOM nazval tri glavnye problemy rossiian [VCIOM named three main problems for Russians]. *RBK = RBC*, 14.08.2017. Available at: http://www.rbc.ru/rbcfreenews/59915fb69a79478541b93cca (accessed 06.11.2017).

8. Oreshkin D. B. «Liudi nachinaiut ponimat', chto vremia, kogda my «podnimalis' s kolen», zakanchivaetsia». Tekst – R. Papkov [People are beginning to understand that the time when we rose from our knees ends. Text by Papkov R.]. *Otkrytaia Rossiia = Open Russia*, 26.06.2017. Available at: https://openrussia.org/notes/710816/ (accessed 27.07.2017).

9. 14-kratnyi razryv mezhdu bogatymi i bednymi stanovitsia opasnym dlia razvitiia Rossii [14-fold gap between rich and poor becomes dangerous for the development of Russia]. *Kursy valiut v bankakh Moskvy = Exchange rates in banks of Moscow*, 01.04.2016. Available at: www.exocur.ru/14-kratnyiy-razryiv-mezhdu-bogatyimi-i-bednyimi-stanovitsya-opasnyim-dlya-razvitiya-rossii/ (accessed 06.11.2017).

10. FOM: tret' rossiian ubezhdeny, chto zhizn' v strane ne izmenitsia cherez piat' let [FOM: a third of Russians are convinced that life in the country will not change in five years]. *Kommersant.ru = Kommersant.ru*, 27.10.2017. Available at: /www.kommersant.ru/doc/3453526 (accessed 06.11.2017).

11. Smagina O. A. Problemy konformizma v sovremennom obshchestve [Problems of conformism in modern society]. *Osnovnye voprosy teorii i praktiki pedagogiki i psikhologii: sbornik nauchnykh trudov po itogam mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [The main issues of theory and practice of pedagogy and psychology: Proc. Intern. Sc.-Prac. Conf.]. Omsk: Innovatsionnyi tsentr razvitiia obrazovaniia i nauki, vol. 2 (2015): 169–171.

12. Karpova A. Iu. Informatsionnaia anomiia: vybor na grani fola [Information anomie: choice on the brink of a foul]. *Vlast' = Power*, no. 1 (2014): 41–45.

13. *Klassicheskaia sotsial'naia psikhologiia* [Classical social psychology]. Ed. Andreeva G. M. Moscow: Vlados, 2011.

14. Rozenberg N. V., Ushkina I. A. Konformizm kak sotsial'noe iavlenie [Conformism as a social phenomenon]. *Izvestiia vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Obshchestvennye nauki = University proceedings. Volga region. Social sciences*, no. 3(31) (2014): 142–150.

15. Bogomolova E. V., Galitskaia E. G., Kot Iu. A., Petrenko E. S. Povsednevnost' rossiian: grazhdanskie i potrebitel'skie praktiki [Everyday Life of Russians: Civil and Consumer Practices]. *Mir Rossii: Sotsiologiia, etnologiia = Universe of Russia: Sociology, ethnology*, 26, no. 1 (2017): 180–197.

УДК 334.3+316.28

РОЛЬ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИМВОЛОВ В «ОБЩЕСТВЕ СПЕКТАКЛЯ» ПО ГИ ДЕБОРУ

***Елена А. Белик*[1, @1]**

[1] *Кемеровский государственный университет, Россия, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6*
[@] *eabelik@mail.ru*

Поступила в редакцию 27.09.2017. Принята к печати 24.10.2017.

Ключевые слова: символы, политические символы, социальные коммуникации, Ги Дебор, социологические исследования.

Аннотация: В статье рассматривается значение политических символов в современном обществе через призму политико-философского трактата Ги Дебора «Общество спектакля». Формулируется понятие политических символов, которые представляют собой специфическое средство общения между людьми; предоставляют каждому субъекту возможность идентифицировать себя с определенной политической общностью; являются важной составляющей политической деятельности. Становится это возможным благодаря длительной истории преобразования политических знаков и символов, имеющих общее смысловое значение для многих участников социально-политических отношений. Политические символы являются «мягкой политической силой», осуществляя свое воздействие через органы зрения – наиболее абстрактное, по мнению автора «Общество спектакля», чувство. В результате политические символы стали неотъемлемой частью политической жизни современного общества, создавая или поддерживая иллюзию свободы выбора. Для преодоления влияния спектакля предлагается мыслить и действовать не шаблонами и навязываемыми символами, а творчески, выстраивая отношения по своим внутренним убеждениям.

Для цитирования: Белик Е. А. Роль политических символов в «Обществе спектакля» по Ги Дебору // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2017. № 2. С. 11–16.

Знаки и символы правят миром, а не слово и закон
Конфуций

В процессе жизнедеятельности каждый человек осознанно и неосознанно влияет на окружающих его людей. Одновременно сам человек подвергается воздействию существующей системы, в том числе и целенаправленному. Одним из действенных способов влияния на человека и принимаемые им решения является использование участниками социальных отношений знаков – материально выраженной замены предметов, сущности, явлений, позволяющей людям обмениваться информацией [1].

Наиболее знакомый нам и традиционный вид знаковых систем взаимодействия – слова (устно-письменная коммуникация). Однако в обществе широко используют и другие виды знаков-заменителей (например дорожные знаки, книги и картины, пиктограммы и мн. др.). Знаки могут аккумулировать и передавать социальный опыт, накопленный поколениями: ордена и гербы, звания и ритуалы, деньги и обряды их «применения» в обществе – все это знаки, отражающие разные принципы организации человеческого коллектива [1].

Люди пользовались знаками ещё в далекой древности. Именно по этой причине символика активно используется в политической жизни общества, являющейся неотъемлемой частью общественной жизни и демонстрирующей исторически сложившиеся / протяженные в социальном времени отношения.

Рассматривая собирательно значения и толкования понятия «политический символ» мы приходим к выводу, что политический символ – это не просто знак или предмет, – это концентрированное зримое выражение политической идеи, отражающей интересы правящего класса, партии или конкретного политического деятеля. Причем трансляция идей и интересов в системе политической коммуникации необходимым образом связана с ожиданиями и запросами различных социальных категорий.

В обобщенном виде политическая символика – это набор специфических средств общения между людьми, при помощи которого происходит осознание конкретной коммуникативной идеи, а также отмечается принадлежность / причастность людей к конкретной политической общности. Цвет, внешний вид, различные составляющие элементы символа должны не просто доставлять удовольствие при его созерцании, но и служить средством идентификации взаимодействующих сторон, воздействовать на людей с целью привлечения (к примеру в определенную партию), объединения (в границах одной страны), поддержки («своих» людей на выборах) и т. д. Следовательно, политическая символика является важной составной частью политической деятельности. При помощи политических символов описываются особенные и традиционные коммуникации населения и власти.

Графический знак (символ), включая буквы азбуки (конкретной языковой системы), расположение его частей, цвет изображения является устойчивым образованием, которому предшествовала длительная история его формирования или, если можно так сказать, «жизни». Не всякий знак может являться символом. Чтобы стать таковым, знак должен не только «сложиться исторически», полу-

чить общественное признание, но и пройти такие промежуточные стадии коммуникативной настройки, как восприятие, запоминание, осмысление, эмоциональная реакция. Зачастую люди реагируют только на тот знак, смысловую нагрузку которого осознают. В случае, если человеку не будет известен смысл / значение образа, то при визуальном контакте со знаком в его сознании не произойдет никакого эмоционального отклика, либо результат коммуникации не позволит говорить об усвоении новых практик взаимодействия. Реакция (то есть результат воздействия) может наступить только при узнавании знака, при четком понимании взаимодействующими лицами стоящих за ним [знаком] идей и смыслов. После успешного этапа «узнавания» знак может превратиться в предметный символ [2].

Скажем, всеобщее узнавание и широкое распространение получил такой знак, как красный крест – символ помощи больным и нуждающимся, а также эмблема одноименной международной организации (рис. 1).

Рис. 1. ***Символы международных организаций: Красный крест и Зеленый крест***
Fig. 1. ***Symbols of international organizations: Red cross and Green cross***

При общей известности представленных символов не многие знают о зеленом кресте – символе созданной в 1993 г. при содействии бывшего Президента СССР и публичного политика М. С. Горбачёва международной организации, занимающейся решением взаимосвязанных глобальных проблем безопасности, бедности и деградации окружающей среды [3].

Предположим, что практически каждый человек, увидев белый флаг с красным крестом, тем более в зоне вооруженного конфликта, без слов поймет, что здесь ему могут оказать помощь, а флаг с зеленым крестом, даже в зоне чрезвычайной ситуации, большинству людей ни о чем не скажет.

Символ «звезда» можно назвать универсальным. В Древнем Вавилоне звезда служила магическим оберегом. Другое понимание звезды – это образ пяти стихий: четыре вершины звезды – вода, огонь, земля и воздух, а пятая – эфир [4]. Этот символ использовали в своих обрядах представители церкви и представители ортодоксальных организаций, сатанисты, ряд оккультных религиозных организаций и пр. Приведем еще пример – в различные исторические эпохи пятиконечные звезды олицетворяли символ воинской доблести и заслуги. Звезды с древности и до настоящего времени изображают на гербах, щитах, флагах различных государственных организаций и учреждений, и при неизменности формы смысловая нагрузка данного знака существенно менялась.

Большое значение имеет также и цвет символа. Во время революций самым распространенным цветом символов является красный или близкие по спектру цвета («оранжевые революции», «красные бригады» и т. п.). На знаменах он символизирует бунт, революцию, борьбу, требование независимости, в том числе и потому, что во многих преданиях, мифах и, конечно, народных сказках красный цвет символизировал свободу, красоту, огонь, власть (например князь Владимир – «Красное Солнышко» и красна девица в сказках А. Н. Афанасьева, или фразеологизм «пустить красного петуха» – поджечь что-либо). В Древнем Египте, Римской империи и Западной Европе на протяжении тысячи лет красный цвет был священным, являлся символом императорской власти, поэтому носить одежду красного цвета могла только высшая знать.

Во время сражений красный цвет психологически представляет собой большую угрозу в отличие от флагов других цветов, в частности белого, поскольку красный цвет ассоциируется с войной, кровью, силой, а белый флаг – это символ прекращения огня и просьбы о переговорах. Он в свою очередь считается символом капитуляции, так как о переговорах просит, как правило, слабая сторона. Впервые упоминание о белом флаге как символе капитуляции встречается у древнего римского историка Корнелиуса Таситуса (109 г. н. э.). До этого времени римские воины капитулировали, поднимая щиты над головой. Белый флаг символизирует, что приближающийся человек не вооружен, хочет сдаться или изъявляет желание поговорить. В других сферах жизни социальное обозначение белого цвета может различаться и восприниматься населением по-другому. Так или иначе белый цвет используется во всех партийных и большинстве государственных политических символах, геральдических наборах (герб, флаг, стандарт оформления официальных документов и т. д.).

В современном мире существует множество символов, олицетворяющих конкретные значения: страны, политические партии и их руководителей, для политической деятельности которых символы и «символическое поведение» имеют важное практическое значение.

Публичное проявление неуважения – надругательство над гербом или флагом во многих странах является уголовно-наказуемым деянием. Уничтожение герба, символическое водружение, снятие или сожжение государственного флага,

неуважительно-комичное изображение лидеров стран, пародийное исполнение гимнов и другие действия показывают отношение человека или группы людей к противникам или своим сторонникам. К примеру, сожжение 20 января 2017 года американского флага возле посольства США в Маниле в знак протеста присутствия американских военнослужащих в стране (рис. 2).

Приведем еще одну иллюстрацию – сожжение испанскими фермерами флага Европейского союза в знак протеста применения ЕС санкций против России (рис. 3).

Рис. 2. ***Пример «сжигания символов», протест в Маниле [5]***
Fig. 2. ***An example of «symbol-burnings», a protest in Manila [5]***

Рис. 3. ***Сожжение флага ЕС в испанской Арагоне [6]***
Fig. 3. ***The burning of the EU flag in Spanish Aragon [6]***

С момента начала образования института государства и до настоящего времени политические лидеры создавали и использовали символы в соответствии с проводимым ими политическим курсом (серп и молот на гербе СССР как символ единства рабочих и крестьян, двуглавый орел на гербе России как символ единства страны).

Это также вызвано тем, что на человека и совершаемый им выбор могут повлиять даже не столько действия представителей власти, сколько осмысленное восприятие и демонстрация символики, в доступной форме объясняющая тип государственных, социально-политических или экономических отношений. Поэтому часть символов создается и целенаправленно внедряется политической элитой (О. Шпенглер). Политическая символика помогает человеку осознать себя субъектом политических отношений, то есть идентифицировать себя с конкретной политической партией, лидером или государством. В то же время политические символы укрепляют эффективность власти: «Власти свойственно окружать себя множеством вещей, которым можно доверять и восхищаться. Ни одна властная структура не была основана лишь на насилии, так как одной силы недостаточно для поддержания и особенно удержания авторитета власти и подавления сил противников» (Ч. Мерриам). Отсюда следует: политические символы одновременно являются важными компонентами политической культуры и объектами индивидуальных ориентаций граждан.

Политическими символами оказываются и словесные (вербальные) символы. Такие символы тщательно подбираются для каждой речи политика, чтобы сказать то, что хотят услышать адресаты речи (уверения в безопасности, надежности, целесообразности происходящего). Большое влияние имеют провозглашаемые лозунги, призывающие к чему-либо или выражающие основную суть идеи созданной политической партии или движения.

Как видим, словесные символы становятся разновидностью политических символов, используемых для сохранения, преобразования и передачи информации в условиях социально-политического взаимодействия (коммуникации). Существующие в языке понятия отражают действующую политическую систему (капитализм, демократия, диктатура пролетариата, интернационал). Язык служит средством манипулирования общественным сознанием, формирования идентичных людских общностей («Пролетарии всех стран – соединяйтесь!» – девиз Союза коммунистов, впервые провозглашенный К. Марксом и Ф. Энгельсом, «Манифест коммунистической партии», 1848).

Именно поэтому, с одной стороны, повсеместно в мире провозглашается принцип толерантности, с другой стороны, – ведется борьба «за чистоту языка» и искоренение инакоговорящих (использующих в повседневной жизни другие языки, кроме государственного) в границах одной страны (например Литва, Латвия, Украина), поскольку наличие различных языковых групп внутри общества может быть причиной политических конфликтов.

Политическая символика формирует у людей определенные социально-политические качества, конкретные политические установки. Это значит, что господствующие классы окружены знаками, а все политические институты власти занимаются не только контролем производства / потребления знаков, но и условиями их обмена [7]. Поэтому изменение или обновление государственной символики происходит в периоды коренных изменений в самом обществе, в конкретно взятом государстве. Учитывая важную роль политических символов, государственная власть обладает и старается сохранять монополию на распространение / демонстрацию политических символов как представлений о существующей власти. Государство, будучи связующим институтом социально-политических отношений, регламентирует и контролирует деятельность подчиненных ему структур в сфере

политической символики и коммуникации, путем принятия законов о порядке государственной регистрации политической символики, формирования и сопровождения соответствующих общественных настроений и ожиданий.

Таким образом, политические символы, наряду с остальными, являются одним из способов воздействия на людей путем создания влияющих на сознание визуальных или аудиообразов, представляя собой, как выразился американский политолог Джозеф Най, «мягкую» политическую силу [8].

Анализ символов в политической системе и их влияние на общество связан с именами известных европейских исследователей, таких как Ж. Батай, Ж. Бодрийяр, П. Бурдье, Ж. Делёз, Ги Дебор и др.

П. Бурдье определял государство как монополию на символическое насилие. Политическая власть сегодня как власть символическая, устанавливает гносеологический порядок, что невозможно без символического насилия. Поэтому Ги Дебор определял современное общество как «общество спектакля», где господствует производство и продажа символов. И именно поэтому, несмотря на отсутствие прямого упоминания, политические символы являются неотъемлемой частью политико-философского трактата Ги Дебора «Общество спектакля», где спектакль – это не совокупность образов, но общественное отношение между людьми, опосредованное образами [9, с. 23]. В основе спектакля находится древнейшая общественная специализация – специализация власти [9, с. 28]. Именно образ, по мнению Дебора, выбранный нами в конкретной ситуации, обусловливает отношение к нам окружающих, влияет на нашу манеру общения и на наше отношение к совершаемому событию. Итак, спектакль – это специализированный род деятельности, заключающейся в том, чтобы говорить от имени других слова, которые тебе не принадлежат, создавать видимость того, чего нет, скрывать отсутствие реальности, создавая знаки взамен оригиналов – симулякры [10], воздействуя тем самым на молчаливых слушателей, от мнения которых якобы что-то зависит. Это непрерывная речь, которую современный строй ведет о самом себе, его хвалебный монолог [9, с. 28].

Политическая власть, позиционирующая себя как власть, свободно избираемая, только поддерживает иллюзию свободы выбора. В политические кампании кандидатов вкладываются огромные денежные средства, которые поступают от различных фондов, частных лиц, коммерческих организаций, преследующих свои интересы. Смета расходов на предвыборную кампанию включает в себя расходы на агитаторов, поздравления ветеранов, встречи кандидатов с избирателями, проведение концертов и торжественных мероприятий, пикетирование, организации маршей протестов и многое другое [11, с. 85–86]. В результате перед избирателями устраивается грандиозное шоу, то есть спектакль. И чем больше финансовых затрат, тем больше гарантировано достижение цели. Выходит, спектакль – это повсеместное утверждение выбора, который уже был сделан (так, юридически законным путем к власти в Германии пришел А. Гитлер).

Спектакль полагает именно зрение привилегированным человеческим чувством, каким в прежние эпохи было осязание и обоняние. Однако зрение – это самое абстрактное, наиболее подверженное обману чувство, что соответствует общей абстрактности современного общества, а значит, телевидение и СМИ оказали спектаклю неоценимую помощь в становлении, поскольку достигли тотального господства над сознанием людей. По мнению Ги Дебора, «это новшество обернулось настоящим «Троянским конём». Человек не способен вступить в диалог или обоснованно спорить с потоком информации, так как телевизор всегда говорит, но никогда не слушает. Мировые события хотя и опосредованно, но, по сути, комментируют люди, которые эти события и создают. Даже если человек не согласен с информацией, то об этом все равно никто не узнает.

Любые спонтанные (то есть свободные, не «срежиссированные») действия спектаклю не подходят: «власть спектакля достаточно часто возмущается, когда замечает, как под её покровительством формируется другой спектакль» [12]. Однако общество спектакля умело превращает восстание против спектакля в очередной спектакль. Товаром в таком случае становится все – общение, высказывание, чтение, речь, жест, люди.

Убежденный революционер и партизан Че Гевара, которого как никого больше в свое время опасались американские спецслужбы и официальные представители власти, превращается в фотографии на открытках и футболках, которые с удовольствием покупают туристы. Непримиримые политические разногласия корректируются к общему удовольствию и принимают форму какого-либо блага. «Неправильные» исторические факты «уточняются», и результатом трансформации становится признание вчерашних предателей национальными героями.

Следовательно, цель системы общества спектакля, в том числе политической, состоит в фальсификации общественной жизни. В обществе спектакля власть продается и покупается как товар, рекламируя себя как единственный верный путь к «прекрасному завтра», которого не будет, поскольку всё находится в статичном состоянии «сегодняшнего дня». «Разделение есть альфа и омега спектакля» [9, с. 29]. Однако административное управление разобщенным спектаклем обществом невозможно без создания иллюзии «всеобщего единства» хотя бы в границах одной страны. Для этого повсеместно и используются политические символы, долженствующие вызывать «приступы» сплоченности и патриотизма перед лицом «общего врага» («Руки прочь от советской России!», «Единый народ никогда не победить!», «Мир хижинам – война дворцам!»), доказать, что «мы – лучшие» («Пятилетка за три года!», «Жить стало лучше, жить стало веселее!»), создать видимость всеобщего равенства и братства («Депутат – слуга народа!», «Один за всех и все – за одного!»), а также видимость справедливости существующего общественного строя («От каждого – по способностям, каждому – по потребностям!», «В богатстве граждан – богатство государства!») и т. д. Это могло быть необходимо для отвлечения внимания населения от действительно существующих проблем, от которых современное общество не в состоянии избавиться, поскольку из них и состоит – демографические, экологические, социальные проблемы, наращивание средств массового уничтожения, дегуманизация населения и др.

Своей работой Ги Дебор не отвечает категорично на вопрос «Что делать?», но предлагает создавать такое

общество, в котором общение перестает быть торгом и становится творчеством, люди превращаются из рациональных индивидуалистов в иррациональных художников. Для преодоления влияния спектакля (по Ги Дебору) на мышление человека, понимания сути того, что же стоит за красивыми символами, девизами, словами, следует абстрагироваться от навязываемых действий, решений и заранее предопределенного выбора, выстраивать отношения в обществе не по законам спектакля, подпадая под чужое влияние, а по своим внутренним убеждениям.

Литература

1. Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПБ, 2000. 704 с. Режим доступа: http://fanread.ru/book/7733894/?page=1 (дата обращения: 17.07.2017).
2. Лосев А. Ф. Знак. Символ. Миф: труды по языкознанию. М.: МГУ, 2006. 443 с.
3. Что такое Международный Зелёный Крест и чем он занимается? // Аргументы и Факты. 18.04.2016. Режим доступа: http://www.aif.ru/dontknows/file/chto_takoe_mezhdunarodnyy_zelyonyy_krest_i_chem_on_zanimaetsya (дата обращения: 17.07.2017).
4. Бренды и символы в политической жизни // 21Biz. Политика, Политология. 17.05.2015. Режим доступа: http://21biz.ru/brendy-i-simvoly-v-politicheskoj-zhizni/ http://vadim-galkin.ru/ (дата обращения: 17.07.2017).
5. Сожжение американского флага в Маниле // Weather7forecast. 20.01.2017. Режим доступа: http://www.weather7forecast.com/new/4556601/ (дата обращения: 11.09.2017).
6. Испанские фермеры сожгли флаг ЕС // Basarabia.md. 19.08.2014. Режим доступа: http://www.basarabia.md/ispanskie-fermery-sozhgli-flag-es/ (дата обращения: 11.09.2017).
7. Мацышина И. В. Политическое как производство смыслов (к вопросу о политэкономии знака) // Российская культурология: портал. 20.10.2013. Режим доступа http://culturolog.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1799&Itemid=6 (дата обращения: 17.07.2017).
8. Най Дж. «Мягкая сила» и американо-европейские отношения // Свободная мысль-XXI. 2004. № 10. С. 20–24. Режим доступа: http://smartpowerjournal.ru/soft-power (дата обращения: 11.09.2017).
9. Дебор Г. Общество спектакля. М.: Логос, 2000. 183 с.
10. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция / пер. А. Качалова. М.: Постум, 2017. 240 с.
11. Амелин В. Н., Зотова З. М. Эффективное управление избирательной кампанией. М.: РЦОИТ, 2001. 104 с. Режим доступа: http://www.rcoit.ru/upload/iblock/883/effectivnoe_upravlenie_izbiratelnoy_kampaniey.pdf (дата обращения: 17.07.2017).
12. Усманова А. Р. Общество спектакля в эпоху коммодифицированного марксизма // Топос. 2000. № 1(4). С. 116–126.

THE ROLE OF POLITICAL SYMBOLS IN «THE SOCIETY OF THE SPECTACLE» BY GUY DEBORD

Elena A. Belik [1, @1]

[1] *Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000*
[@] *eabelik@mail.ru*

Received 27.09.2017. Accepted 24.10.2017.

Keywords: symbols, political symbols, social communication, Guy Debord, sociological studies.

Abstract: The article reviews the meaning of political symbols in the modern society through the prism of Guy Debord's political and philosophical tractate «The Society of the Spectacle». It introduces a notion of political symbols – a specific form of social communication; such symbols give each agent the opportunity to identify themselves with a certain political community; they are an important part of political activity. All this becomes possible due to a long history of transformation of political signs and symbols that have the same meaning for most members of sociopolitical relations. Political symbols represent a «soft political power» that affects people via sight, which is the most abstract of senses, according to the author of «The Society of the Spectacle». As a result, political symbols have become essential part of modern political life, creating or maintaining an illusion of free choice. In order to negate spectacle's influence Debord offers to think and act creatively, building relations according to one's personal beliefs, as opposed to following patterns and imposed symbols.

For citation: Belik E. A. Rol' politicheskikh simvolov v «Obshchestve spektaklia» po Gi Deboru [The Role of Political Symbols in «The Society of the Spectacle» by Guy Debord]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences*, no. 2 (2017): 11–16.

References

1. Lotman Ju. M. *Semiosfera* [Universe of the mind]. Saint-Petersburg: Art-SPB, 2000, 704. Available at: http://fanread.ru/book/7733894/?page=1 (accessed 17.07.2017).

2. Losev A. F. *Znak. Simvol. Mif: trudy po iazykoznaniiu* [Sign. Symbol. Myth: Works on linguistics]. Moscow: MSU, 2006, 443.

3. Chto takoe Mezhdunarodnyi Zelenyi Krest i chem on zanimaetsia? [What is the international green cross and what does it do?]. *Argumenty i Fakty = Arguments and facts*, 18.04.2016. Available at: http://www.aif.ru/dontknows/file/chto_takoe_mezhdunarodnyy_zelyonyy_krest_i_chem_on_zanimaetsya (accessed 17.07.2017).

4. Brendy i simvoly v politicheskoi zhizni [Brands and symbols in political life]. *21Biz. Politika, Politologiia = 21Biz. Politics, politics*, 17.05.2015. Available at: http://21biz.ru/brendy-i-simvoly-v-politicheskoj-zhizni/ http://vadim-galkin.ru/ (accessed 17.07.2017).

5. Sozhzhenie amerikanskogo flaga v Manile [The burning of the American flag in Manila]. *Weather7forecast*, 20.01.2017. Available at: http://www.weather7forecast.com/new/4556601/ (accessed 11.09.2017).

6. Ispanskie fermery sozhgli flag ES [Spanish farmers burn EU flag]. *Basarabia.md*, 19.08.2014. Available at: http://www.basarabia.md/ispanskie-fermery-sozhgli-flag-es/ (accessed 11.09.2017).

7. Matsyshyna I. V. *Politicheskoe kak proizvodstvo smyslov (k voprosu o politekonomii znaka)* [The political production of meaning (the issue of the political sign economy)]. 20.10.2013. Available at: http://culturolog.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1799&Itemid=6 (accessed 17.07.2017).

8. Nye J. «Miagkaia sila» i amerikano-evropeiskie otnosheniia [Soft power and US-European relations»]. *Svobodnaia mysl'-XXI = Free thought-XXI*, no. 10 (2004): 20–24. Available at: http://smartpowerjournal.ru/soft-power (accessed 11.09.2017).

9. Debord G. *Obshchestvo spektaklia* [The Society of the Spectacle]. Moscow: Logos, 2000, 183.

10. Baudrillard J. *Simuliakry i simuliatsiia* [Simulacra and simulation]. Transl. Kachalova A. Moscow: Postum, 2017, 240.

11. Amelin V. N., Zotova Z. M. *Effektivnoe upravlenie izbiratel'noi kampaniei* [Effective management of the election campaign]. Moscow: RTsOIT, 2001, 104. Available at: http://www.rcoit.ru/upload/iblock/883/effectivnoe_upravlenie_izbiratelnoy_kampaniey.pdf (accessed 17.07.2017).

12. Usmanova A. R. Obshchestvo spektaklia v epokhu kommodifitsirovannogo marksizma [The society of the spectacle in the era of Marxism commodity trading]. *Topos = Topos*, no. 1(4) (2000): 116–126.

УДК 304.2

ТОЛЕРАНТНОСТЬ: ЕСТЬ ЛИ АЛЬТЕРНАТИВА?

Анаталий М. Кулемзин [1, @1]

[1] *Кемеровский государственный институт культуры, Россия, 650056, г. Кемерово, ул. Ворошилова, 17*
[@] *kulemzin41@mail.ru*

Поступила в редакцию 02.02.2017. Принята к печати 08.08.2017.

Ключевые слова: толерантность, евро-американские духовные ценности, традиционные ценности, мораль, духовность, национальная самобытность России, традиционная культура.

Аннотация: Предлагается пересмотр теории и практики применения толерантности в современном её евро-американском толковании как скрытой экспансии чуждых для российского менталитета духовных ценностей. Одним из проводников этой толерантности, пропагандирующих не свойственные для российских народов «западные ценности», являются сатирические передачи российской эстрады, где русский человек выставляется в качестве примитивного существа. Рассматривается история различного понимания культурных ценностей между российским народом и западными странами. Приоритетом в культурном развитии предлагаются фундаментальные традиционные морально-этические ценности и собственный культурный опыт российских народов. С этой целью автором предлагается создание учебно-методических и научных центров, факультетов и кафедр по изучению, сохранению и актуализации традиционных культур коренных народов Сибири, Крайнего Севера и Дальнего Востока, а также для изучения и возрождения традиционной культуры русских.

Для цитирования: Кулемзин А. М. Толерантность: есть ли альтернатива? // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2017. № 2. С. 17–21.

Проблема. Реальность показала, что толерантность культур и мировоззрений в её современном понимании и применении, деликатно выражаясь, не состоялась. Плюрализм свобод, доходящий до анархизма в морали, пропагандируемый в странах Западной Европы и США, оказался не по вкусу некоторым нравственно здоровым нациям, в том числе и в России. Под этим модным влиянием в последние десятилетия пошатнулась и российская мораль. Не будем вдаваться в геополитические причины этого внешне благородного социокультурного явления (это задача иного формата и уровня обсуждения), но в настоящее время стало очевидно, что без скрытых политических сил в мире не происходит ни одно сколько-нибудь значимое явление, будь то спорт или культура.

Как оказалось, мир не готов к синкретизму культур в условиях скрытой и открытой вражды между отдельными странами и сообществами стран. Мировое идеологическое противостояние с падением лагеря социализма не прекратилось. Оно лишь переместилось из сферы классовой идеологии в сферу духовной жизни, культуры, морали и нравственности. Главным препятствием на пути этого «евро-мультикультурализма» и «евро-толерантности» явились страны, придерживающиеся традиционного, нравственно чистого мировоззрения, в том числе и Россия. Более того, острие негатива этой толерантности направлено преимущественно против России, отошедшей от коммунистической идеологии, но обладающей громадными запасами недр, энергоресурсов и сырья.

Идея такого понимания толерантности – размыть национальную самобытность и национальное сознание народов России, в итоге – лишить любви к своей Родине, превратить людей в нейтральное космополитическое существо, «граждан мира» и тем самым без войны расчистить дорогу к богатствам России. Такими методами предполагал это сделать Директор ЦРУ США Аллен Даллас в своем выступлении на Конгрессе США в 1945 году: «Мы бросим все, что имеем, все золото, всю материальную мощь на оболванивание и одурачивание русских. Посеяв в России хаос, мы незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим их в эти фальшивые ценности верить… Мы найдем своих единомышленников в самой России… Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своему масштабу трагедия гибели самого непокорного на земле народа, окончательного, необратимого угасания его самосознания… Литература, театры, кино – все будет изображать и прославлять самые низменные человеческие чувства. Мы будем всячески поддерживать и поднимать так называемых творцов, которые станут насаждать и вдалбливать в человеческое сознание культ секса, насилия, садизма, предательства – словом, всякой безнравственности… Честность и порядочность будут осмеиваться и никому не станут нужны, превратятся в пережиток прошлого. Хамство и наглость, ложь и обман, пьянство и наркомания, животный страх друг перед другом и беззастенчивость, предательство, национализм и вражду народов, прежде всего вражду и ненависть к русскому народу, – все это мы будем ловко и незаметно культивировать, все это расцветет махровым цветом… Мы будем расшатывать поколение за поколением. Мы будем браться за людей с детских, юношеских лет, будем всегда главную ставку делать на молодежь, станем разлагать, растлевать, развращать её. Мы сделаем из молодых – циников, пошляков, космополитов» [1]. Мы специально привели эту длинную цитату, чтобы полнее показать истинное намерение идеологов толерантности. Несколько осторожнее, но с тем же смыслом, высказался У. Черчиль в своем выступлении в 1946 году в США в Вестминстерском колледже в г. Фултон [2].

Умелая экспансия в российское общество идеалов зарубежного образа жизни привела к вытеснению традиционной морали, национальных духовных ценностей. Современная толерантность в евро-американском её понимании – это директива А. Далласа, хорошо упакованная в блестящую обертку современной российской эстрады. И тут вдруг, как с неба, на советскую, а впоследствии и на российскую сцену, массой посыпались так называемые «звезды», а по А. Даллесу, «творцы… безнравственности». В их сатирико-юмористическом творчестве русский выглядит как некий неотесанный болван, туго разбирающийся в мудростях европейской куртуазности, а истинной ценностью является то, что в советское общество собирался внедрить А. Даллес, но в нормальном традиционном обществе всегда считалось пороком. Благодаря их искусству наша традиционная мораль и культура, базирующаяся на фундаментальных ценностях мировых религий и здоровой общечеловеческой морали, терпят существенный ущерб. Миропонимание современных европейских ценностей в этой сфере не гармонирует в столетиями отлаженной симфонии культур народов России, не приживается на почве российской духовности, но наносит ей ощутимый ущерб.

Предыстория. Истоки культурного противостояния российской и западноевропейской культур таятся в далекой истории, уходящей ко времени идеологической борьбы М. В. Ломоносова с немецкими толкователями русской истории. Идеологическое обострение этого вопроса усилилось во второй половине XVIII в., когда совершенно отчетливо проявилась нескрываемая галломания и презрение ко всему русскому в среде российского правящего, привилегированного, непатриотического истеблишмента российского общества того времени. И лишь немногим «нон-конформистам» удавалось подняться до уровня патриотического сознания великороссов.

Одним из первых среди них был известный вольнодумец и просветитель Н. И. Новиков, попавший за свои взгляды на 20 лет в Шлиссельбургскую тюрьму. Обращаясь к молодежи, он писал: «Как же нация должна думать о таком недостойном гражданине своем, который презирает честь и славу своего отечества и только иностранное уважает, чужого желает и чужому подражает» [3, с. 14]. Эти слова можно в полной мере обратить к нашим так называемым «либералам». Причина их непатриотической активности – это увлечение некоторых наших политиков и государственных деятелей западной моделью экономического развития, что повлекло за собой автоматическое перенесение евро-американских ценностей и в сферу духовной жизни нашего общества. Н. И. Новикову удалось сплотить вокруг себя передовых образованных людей своего времени: историков Н. М. Карамзина, П. М. Сроева, А. Н. Оленина, археологов К. Ф. Калайдовича и К. М. Бороздина, митрополита Киевского и Галицкого Евгения (Е. А. Болховитинов), философа Ф. П. Аделунга, архитектора В. И. Баженова и др.

Борьба за национальную свободу, выход России на международную арену как мощной геополитической силы после присоединения Крыма и особенно победоносной Отечественной войны 1812 года, укрепляли национальное самосознание россиян. Это позволило министру народного просвещения С. С. Уварову сформулировать теорию «официальной народности», а Императору Николаю I провозгласить её в качестве государственной идеологии, в которой одним из главных принципов было единство всех народов Российской империи и сохранение народных традиций.

Однако не все образованные люди того времени восприняли эти принципы-скрепы официальной народности как руководство к действию. Как, впрочем, и сейчас нашлись её противники, видевшие лишь в странах Западной Европы идеал для подражания в государственном устройстве и культуре. Общественное мнение относительно места России в мире и её будущего разделилось на так называемых «западников» и «славянофилов». Наиболее ярым противником единства и самобытности России был масон П. Я. Чаадаев, утверждавший, что Россия не имеет достойного прошлого и враждебна всякому историческому прогрессу [4, с. 24]. Ему вторили К. Н. Батюшков, В. В. Пассек и молодой В. Г. Белинский.

К числу славянофилов, истинных патриотов своей Родины, относились И. В. Кириевский, Ф. И. Тютчев, К. С. и И. С. Аксаковы, А. С. Грибоедов и др. Можно с полной уверенностью к ним отнести и А. С. Пушкина, возражавшего в письме к Чаадаеву: «Я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя…, но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить своё отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог её дал» [5, с. 309–310].

Во второй половине XIX в. в российском обществе позиция славянофилов была значительно прочнее позиции западников. Но тут на идеолого-политической сцене возник и стал активно бороться со всеми иными общественно-политическими взглядами радикализм, а впоследствии наиболее крайнее его выражение – большевизм, отрицавший и западников, и славянофилов. Первым досталось за античеловеческий империализм, последним за отсталый феодализм.

Современное состояние. Современное разнообразие мультикультурных концепций сводится к двум направлениям: радикальное и умеренное. Первое направление рассматривает толерантность и мультикультуру как главную и непреходящую ценность (М. Хайдеггер, М. Мурояма). Это ведет к полной ассимиляции культурой большинства культур национальных меньшинств. Второе – видит в мультикультурализме и плюсы, и минусы, и позитивные и негативные варианты (Д. С. Милль, Брайан Барри). «Негативная толерантность … обеспечивает, по мнению теоретиков умеренного направления, его преимущество по отношению к другим вариантам этого движения» [6, с. 17]. Умеренный мультикультурализм предполагает интеграцию культур, параллельное их существование в духовной сфере.

Выводы. Предложенная модель толерантности в современной её интерпретации не может быть приемлемой для отечественной культуры и взаимодействия с культурами других народов. Она негативно влияет на традиционные ценности народов Российской Федерации, направлена на разрушение самосознания и их национального достоинства. Это приведет к утрате российской национальной самобытности, к духовной деградации больших масс населения и тем не менее породит безразличие к судьбе своей страны. Такого мы допустить не можем, если хотим сохранить Россию как страну самостоятельную в духовном, а, следовательно, в политическом и экономическом состоянии

Предложения. Между тем мы не должны полностью отрицать идею толерантности, мирного бесконфликтного сосуществования различных культур. В перспективе нужна новая модель взаимодействия между культурами народов России и других стран, а также между культурами внутри страны. Нужно найти альтернативу современной европейской трактовке толерантности, естественно полностью отрицая радикальное её толкование. Здесь имеется два не исключающих, а взаимно дополняющих варианта.

Первый – модернизация понимания мультикультурализма и глобализации в современной европейской трактовке и теоретическое обоснование толерантности, исходя из отечественного многовекового опыта взаимодействия культур разных народов, входивших и входящих в состав Российской империи, СССР, Российской Федерации. То есть поворот от радикализма, космополитизма и ксенофобии к истинному взаимному уважению культур всех народов на основе общечеловеческих ценностей, заложенных в крупных религиозных учениях, буддизме, христианстве, мусульманстве. Основные принципы, на которых должно строиться такое понимание толерантности, на наш взгляд, уже сформулированы это: а) – мера толерантности в восприятии и отторжении инородной культуры; б) – полное отрицание ксенофобии; в) – терпимость и уважение к этнической самобытности, г) – отрицание антиобщественного поведения и ущемления общепринятых норм; д) – признание базисных ценностей других народов [7, с. 7]. По этому пути должны идти совместно все народы: «…люди с «загадочной русской душой» и «английской чопорностью», «американской практичностью» и «азиатской мудростью» [8, с. 201].

Второй – возрождение своих национальных традиционных духовных, культурных и нравственных ценностей и гармоничное их включение в современную культуру. Для этого имеются все международные правовые основания. Так, в 1983 г. была принята международная Квебекская декларация, гласящая о том, что сохранение материального и нематериального культурного наследия рассматривается как инновационный и эффективный способ обеспечения устойчивого и социального развития во всем мире [9]. Одна из Рекомендаций ЮНЕСКО также считает, что фольклор является частью наследия человечества и мощным средством сближения различных народов и социальных групп и утверждения их культурной самобытности [10]. Конвенция ООН об охране нематериального культурного наследия также говорит о том, что оно имеет важное значение «…в качестве фактора обеспечения культурного разнообразия и гарантии устойчивого развития…», и признает, «…что процессы глобализации и социальных преобразований, создавая условия для возобновления диалога между сообществами, вместе с тем являются как и явления нетерпимости, источниками серьезной угрозы деградации, исчезновения и разрушения, которая нависла над нематериальным культурным наследием…» [11]. На сохранение и развитие традиционных духовных ценностей направлены основные наши директивные документы. Одной из приоритетных задач в области культуры Федеральной целевой программы «Культура России (2012–2018 годы)» является «сохранение культурных ценностей и традиций народов Российской Федерации, материального и нематериального наследия культуры России и использование его в качестве ресурса духовного и экономического развития» [12].

История показывает, что любое динамично развивающееся общество вынуждено трансформировать свою традиционную культуру в новых условиях. Так было всегда. Если бы было наоборот, то человечество до сих пор бы оставалось в культурном развитии на уровне пещерного человека, ибо любая изолированная, находящаяся на обочине современности культура, обречена на вымирание. Интеграция культур – естественный и необратимый мировой процесс. «Традиция деятельностна, а не неподвижна… Первейшее условие жизненности традиции – её изменчивость» [13, с. 28–29]. Но создание единой культуры на огромной территории, населенной различными народами, также тупиковый путь. Идеология культурной ломки через культурную революцию, как это было в СССР, и в свое время в КНР губительно сказалась на культуре как таковой в целом. Единство и прогресс культур возможен при условии сохранения разнообразия.

Благодаря прогрессивно мыслящим российским представителям науки и культуры, процесс возвращения к своим традиционным ценностям начался еще во второй половине XX в. В первую очередь в их числе нужно назвать академика Д. С. Лихачева, академика А. П. Окладникова, академика М. Н. Тихомирова, писателей В. Солоухина, В. Распутина, художников П. Д. Корина, С. К. Коненкова и многих других патриотов России.

Все сказанное предполагает необходимость более активного использования своего российского внутреннего культурного потенциала для стабильности и высокой духовности нашего общества. Однако возрождение, реконструкция традиционной культуры не должны быть лишь внешним подобием традиционной культуры или точным её копированием. Необходимо возрождать именно ценностное, смысловое содержание духовных традиций с использованием современных инновационных технологий трансляции и коммуникации.

В связи с этим необходимо создать на территории Азиатской части России учебно-методические и научные центры по изучению, сохранению и актуализации традиционных культур коренных народов Сибири, Крайнего Севера и Дальнего Востока. В то же время необходимо уделить не меньшее внимание традиционной культуре русских, населяющих пространство России за Уралом. Практической мерой в этом направлении может стать открытие факультетов (институтов) культуры коренных народов в уже имеющихся вузах культуры. В свое время при создании института толерантности руководству Кемеровского университета культуры и искусств было внесено такое предложение. Но всеобщее безоглядное увлечение толерантностью не позволило даже обсудить этот проект.

Заключение. Только приоритет отечественных традиционных духовных ценностей, опора на собственный культурный опыт и полное использование собственного культурного потенциала может создать духовную основу для воспитания истинных патриотов Отечества, способных вернуть Россию в число передовых, лидирующих стран мира.

Литература

1. Директива Аллена Далласа 20/1 от 18.08.1948. Режим доступа: http://forum.akado.ru/index.php/topic/26070 (дата обращения: 18.08.2016).
2. Речь У. Черчиля в 1946 г. в Фултоне // Холодная война: сайт. Режим доступа: http://www.coldwar.ru/churchill/fulton.php/ (дата обращения: 18.08.2016).
3. Новиков Н. И. Детское чтение для сердца и разума. М., 1789. № 17. 288 с.
4. Чаадаев П. Я. Философические письма // Россия глазами русского: Чаадаев, Леонтьев, Соловьев. М.: Наука, 1991. 363 с.
5. Пушкин А. С. Собрание сочинений. В 10 т. М.: ГИХЛ, 1962. Т. 10. 486 с.
6. Коробейникова Л. А. Мультивидение современной культурологии // Дефиниции культуры: сб. трудов участников Всероссийского семинара молодых ученых. Томск: изд-во Том. Ун-та, 2001. Вып. 5. С. 13–17.
7. Кудрина Е. Л., Белозерова М. В., Садовой А. Н., Пономарев В. Д., Марков В. И. Толерантность в мультикультурном обществе: региональный аспект: монография. Кемерово: КемГУКИ, 2013. 383 с.
8. Видт И. Е. Толерантность как явление в контексте культурной эволюции // Вестник Тюменского Государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2003. № 1. С. 199–201.
9. Квебекская декларация о сохранении духа места (Квебек, Канада, 4 октября 2008 г.) / перевод С. Горбатенко. Режим доступа: http://obzor.westsib.ru/data/files/kvebek.pdf (дата обращения: 18.08.2016).
10. Рекомендация ЮНЕСКО о сохранении фольклора от 15 ноября 1989 г. Режим доступа: http://docs.cntd.ru/document/902084650 (дата обращения: 22.08.2016).
11. Международная конвенция ООН об охране нематериального культурного наследия. Париж, 17 октября 2003 г. Режим доступа: http://unesdoc.unesco.org/images/0013/001325/132540r.pdf (дата обращения: 22.08.2016).
12. Культура России (2012–2018 годы). Федеральная целевая программа № 186 от 3 марта 2012 г. Режим доступа: http://base.garant.ru/70149760/ (дата обращения: 22.08.2016).
13. Березовая Л. Г. Культурная история: проблемы научной интерпретации // Традиционное сознание: проблемы реконструкции: колл. монография / отв. ред. О. М. Рындина. Томск: Изд-во НТЛ, 2004. Вып. 9. С. 20–35.

TOLERANCE: IS THERE AN ALTERNATIVE?

***Anatoliy M. Kulemzin*[1, @1]**

[1] *Kemerovo State University of Culture, 17, Voroshilova St., Kemerovo, Russia, 650056*
[@] *kulemzin41@mail.ru*

Received 02.02.2017. Accepted 08.08.2017.

Keywords: Tolerance, European-American spiritual values, traditional values, morality, spirituality, national uniqueness of Russia, traditional culture.

Abstract: The article suggests a re-evaluation of theoretical and practical application of tolerance in its contemporary European-American understanding as a concealed expansion of spiritual values, extraneous to Russian mentality. One of the conduits of this tolerance, propagating "western values" and alien to Russian peoples, is satirical comedy shows on Russian television, where a Russian person is depicted as a primitive brute. We examine the history of various understanding of cultural values between Russian people and western countries. Fundamental traditional moral and ethical values and cultural experience of Russian peoples are considered to be top priority in cultural development. For this reason, the author suggests establishing learning and teaching and academic centres and departments to study, preserve and actualize traditional cultures of native peoples of Siberia, the Far North and the Far East, as well as to research and regenerate Russian traditional culture.

For citation: Kulemzin A. M. Tolerantnost': est' li al'ternativa? [Tolerance: Is There an Alternative?]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences*, no. 2 (2017): 17–21.

References

1. *Direktiva Allena Dallasa 20/1 ot 18.08.1948* [The Allen Dallas Directive 20/1 of 18.08.1948]. Available at: http://forum.akado.ru/index.php/topic/26070 (accessed 18.08.2016).
2. *Rech' U. Cherchilia v 1946 g. v Fultone* [Speech by W. Churchill in 1946 in Fulton]. Available at: www.coldwar.ru/churchill/fulton.php/ (accessed 18.08.2016).
3. Novikov N. I. *Detskoe chtenie dlia serdtsa i razuma* [Child Reading for the Heart and Mind]. Moscow, no. 17 (1789): 288.
4. *Rossiia glazami russkogo: Chaadaev, Leont'ev, Solov'ev* [Russia through the eyes of the Russian: Chaadaev, Leontiev, Soloviev]. Moscow: Nauka, 1991, 363.
5. Pushkin A. S. *Sobranie sochinenii* [Collected Works by Pushkin A. S.]. Moscow: GIKhL, vol. 10 (1962): 486.

6. Korobeinikova L. A. Mul'tividenie sovremennoi kul'turologii [Multivision of modern cultural studies]. *Definitsii kul'tury: sb. trudov uchastnikov Vserossiiskogo seminara molodykh uchenykh* [Definition of culture: Proc. All-Russian Seminar of Young Scientists]. Tomsk: izd-vo Tom. Un-ta, Iss. 5 (2001): 13–17.

7. Kudrina E. L. Belozerova M. V., Sadovoi A. N., Ponomarev V. D., Markov V. I. *Tolerantnost' v mul'tikul'turnom obshchestve: regional'nyi aspect* [Tolerance in a Multicultural Society: a Regional Aspect]. Kemerovo: KemGUKI, 2013, 383.

8. Vidt I. E. Tolerantnost' kak iavlenie v kontekste kul'turnoi evoliutsii [Tolerance as a phenomenon in the context of cultural evolution]. *Vestnik Tiumenskogo Gosudarstvennogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskie i pravovye issledovaniia = Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research*, no. 1 (2003): 199–201.

9. *Kvebekskaia deklaratsiia o sokhranenii dukha mesta (Kvebek, Kanada, 4 oktiabria 2008 g.)* [The Quebec Declaration on the Preservation of the Spirit of Place (Quebec, Canada, 2008 4 October)]. Transl. S. Gorbatenko. Available at: http://obzor.westsib.ru/data/files/kvebek.pdf (accessed 18.08.2016).

10. *Rekomendatsiia IuNESKO o sokhranenii fol'klora ot 15 noiabria 1989 g.* [UNESCO Recommendation on the Preservation of Folklore of 15 November 1989]. Available at: http://docs.cntd.ru/document/902084650 (accessed 22.08.2016).

11. *Mezhdunarodnaia konventsiia OON ob okhrane nematerial'nogo kul'turnogo naslediia. Parizh, 17 oktiabria 2003 g.* [International Convention on the Protection of the Intangible Cultural Heritage. Paris, 2003 17 October]. Available at: http://unesdoc.unesco.org/images/0013/001325/132540r.pdf (accessed 22.08.2016).

12. *Kul'tura Rossii (2012–2018 gody)* [Culture of Russia (2012–2018)]. Federal Target Program No. 186 of March 3, 2012. Available at: http://base.garant.ru/70149760/ (accessed 22.08.2016).

13. Berezovaia L. G. Kul'turnaia istoriia: problemy nauchnoi interpretatsii [Cultural history: problems of scientific interpretation]. *Traditsionnoe soznanie: problemy rekonstruktsii* [Traditional consciousness: reconstruction problems]. Ed. Ryndina O. M. Tomsk: Izd-vo NTL, Iss. 9 (2004): 20–35.

УДК 311+17.022.1+32.019.52

ИМИДЖ КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ГЛАЗАМИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ

***Елена А. Морозова*[1, @1], *Анна В. Сухачева*[2, @2]**

[1] *Кемеровский государственный университет, Россия, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6*
[2] *Кузбасский региональный институт развития профессионального образования, Россия, 650070, г. Кемерово, ул. Тухачевского, 38 А*
[@1] *morea@inbox.ru*
[@2] *anisha86@mail.ru*

Поступила в редакцию 19.09.2017. Принята к печати 17.10.2017.

Ключевые слова: имидж, имидж вуза, имиджевые характеристики, формирование имиджа, восприятие имиджа, профессорско-преподавательский состав, социологическое исследование.

Аннотация: Имидж организации является ее важнейшей характеристикой и фактором успешности. Современные вузы, функционирующие в условиях жесткой конкуренции, также заинтересованы в формировании и поддержании положительного имиджа, поэтому изучение различных аспектов имиджа способствует выявлению репутационных проблем и поиска путей их решения. Целью статьи является анализ результатов изучения отношения преподавателей Кемеровского государственного университета к различным характеристикам, элементам и факторам имиджа вуза.

На основе анализа различных подходов к трактовкам имиджа авторы предлагают собственную дефиницию понятия «имидж вуза» и обосновывают целесообразность его изучения с использованием социологических методов. Проведенное в университете исследование показало, что преподаватели к самым значимым факторам формирования положительного имиджа относят высокую квалификацию профессорско-преподавательского состава, успешное трудоустройство выпускников и хорошую материально-техническую базу. Сопоставление респондентами фактических характеристик своего вуза, сгруппированных в интегральные показатели, с представлениями о положительном имидже позволило их проранжировать: наибольшее соответствие получилось по параметру «имидж профессорско-преподавательского состава», далее с одинаковыми значениями идут «имидж предоставляемых образовательных услуг» и «имидж университетского сайта», потом – «имидж руководства», а завершает список «имидж студентов». Проведенное исследование позволило не только определить оценки преподавателями университета различных аспектов имиджа, но и акцентировать внимание на проблемы, решение которых будет способствовать укреплению имиджа вуза.

Для цитирования: Морозова Е. А., Сухачева А. В. Имидж Кемеровского государственного университета глазами преподавателей // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2017. № 2. С. 22–28.

В последние годы имидж организации все активнее привлекает внимание ученых и практиков – и как предмет научных исследований, и как объект управления. Грамотные специалисты знают, что имидж компании напрямую или же опосредованно влияет на результативность ее деятельности, создавая благоприятную внешнюю и внутреннюю среду функционирования и развития организации, привлекая партнеров и потребителей. При этом поддержание положительного имиджа важно как для производственных предприятий, так и для фирм, оказывающих различные услуги; как для частных компаний, так и для государственных, муниципальных учреждений; как для крупного бизнеса, так и для малого, включая индивидуальное предпринимательство.

Изучение имиджа и вопросов его формирования – интересная и сложная исследовательская задача, которую чаще всего берут на вооружение социологи, политологи, менеджеры. Целью настоящей статьи является описание отношения к имиджу и его различным аспектам преподавателей вуза (Кемеровского государственного университета), поскольку имидж образовательной организации является важнейшим фактором ее конкурентоспособности, условием динамичного развития, признаком социальной успешности.

По определению Толкового словаря С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведова *имидж* – это представление о чьем-нибудь внутреннем облике, образе [1, с. 239]. Социологи и политологи рассматривают имидж, во-первых, как внешний облик, создаваемый субъектом, с целью вызвать определенное впечатление, мнение, отношение других; во-вторых, как совокупность свойств, приписываемых рекламой, пропагандой, модой, предрассудками, традицией и т. д. объекту с целью вызвать определенные реакции по отношению к нему [2, с. 97; 3, с. 59]. Близко понимание имиджа и у представителей управленческой науки: «Имидж – образ, изображение; реальный (или воображаемый) облик, стиль делового человека, фирмы, предприятия, отношение к ним на основе их популярности и успеха, доверия и симпатии людей» [4, с. 39].

Опираясь на приведенные дефиниции, можно определить понятие «имидж вуза» как сложившийся в сознании работников, обучающихся, партнеров, общественности

образ образовательной организации, формируемый на базе ее достижений, популярности и отражающий доверие людей к вузу. Имидж образовательных организаций высшего образования в настоящее время активно изучается представителями экономической, управленческой, социологической, социально-психологической, педагогической наук [5–11], а также все чаще учитывается в управленческой практике.

Имидж вуза (как и другой организации) может быть внешним (восприятие образовательной организации конкурентами, партнерами, родителями обучающихся, учащимися школ и т. д.) и внутренним (впечатления о вузе преподавателей и других работников, студентов). На него влияет множество факторов и условий. О. И. Пантюшина считает, что имидж складывается из представлений о качестве образовательных услуг, взаимоотношений между преподавателями, студентами и их родителями, кадрового и научного потенциала профессорско-преподавательского состава и состояния учебно-материальной и научной базы [12, с. 160].

Специалисты полагают, что создание эффективного имиджа в условиях острой конкуренции на рынке образовательных услуг является одной из стратегических задач руководителя вуза. В условиях реорганизации высшего образования способность приспосабливаться к изменениям и накапливать потенциал позволит эффективнее формировать положительный имидж, который повысит конкурентоспособность образовательной организации. Такая последовательность увеличивает вероятность получения бюджетного финансирования для лучшего оснащения вуза, проведения продуктивных научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, что в свою очередь замыкает цепь и влияет на определение позитивного имиджа вуза в образовательной среде [13, с. 129].

В качестве субъектов восприятия имиджа вуза выступают не только абитуриенты и студенты, но и работники, а именно профессорско-преподавательский состав (ППС). Есть мнение: чем выше позитивная известность вуза, тем выше самодисциплина преподавателя, качество учебных занятий, требования к ним [14, с. 147–152]. Так, например, С. Н. Павлов в своих публикациях рассматривает влияния информационного фактора [15, с. 635–640], эффективность использования информационной политики и влияния на общественное мнение руководством вуза для формирования имиджа образовательного учреждения [16, с. 43–47].

А. Р. Алавердов выделяет важнейшие для преподавателей факторы, определяющие имидж вуза в разрезе конкурентного работодателя, такие как: уровень оплаты труда и социально-экономической поддержки; возможность успешного профессионального роста; наличие и степень жесткости дополнительных требований со стороны работодателя; возможность в должной мере реализовать свой творческий потенциал [17, с. 102–106]. Л. А. Федоськина и Н. А. Новокрещенова в своей статье определяют некоторые особенности и требования к процессу проведения исследования удовлетворенности преподавателей вуза, которые, безусловно, сказываются на имидже организации [18, с. 129]. В научных изысканиях О. В. Фроловой выделяется ряд таких компонентов, как имидж образовательной услуги (товара), имидж студента, имидж профессорско-преподавательского состава, имидж руководителя, визуальный имидж вуза, социальный имидж, внутренний имидж и имидж выпускников, которые являются имиджформирующими характеристиками [19, с. 121–126].

В нашей статье остановимся на анализе мнений преподавателей, высказанных в рамках социологического исследования «Имидж вуза: мнение преподавателей», проведенного в 2015–2016 учебном году в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Кемеровский государственный университет». Всего в исследовании приняли участие 399 представителей ППС всех функционирующих на период опроса двенадцати факультетов и центра педагогического образования (ЦПО), что составило две трети от списочной численности преподавателей университета. Исследование явилось репрезентативным, ошибка выборки по массиву преподавателей при коэффициенте доверия 0,96 не превышала 5 %.

При изучении имиджевых характеристик вуза, прежде всего, выяснялись факторы, которые формируют его облик. Выбирая из ряда характеристик наиболее влияющие на формирование позитивного имиджа КемГУ, опрошенные на первое место (по частоте упоминаний) поставили высокую квалификацию преподавателей (72 %), на второе – хорошую материально-техническую базу вуза (54 %). Третье-пятое место делят три фактора: имидж и репутация первого руководителя, востребованность предлагаемых специальностей (направленностей), высокое качество подготовки специалистов (по 39 %). Остальные характеристики набрали менее трети голосов: высокий уровень научных исследований, авторитет научных кадров (32 %), позитивное освещение в СМИ деятельности вуза (28 %), имидж и репутация проректоров, деканов и других руководителей (11 %), высокий уровень корпоративной культуры в коллективе (8 %). Несколько человек (1 %) дали ответы сверх предложенного списка, еще столько же не смогли высказать определенного мнения.

Сравнительный анализ в разрезе групп факультетов показал, что преподаватели гуманитарных факультетов чаще выбирали высокую квалификацию преподавателей и высокий уровень корпоративной культуры в коллективе как характеристики, формирующие позитивный имидж вуза. А представители естественнонаучных факультетов чаще высказывали свое мнение в пользу успешного трудоустройства выпускников, хорошей материально-технической базы, позитивного освещения в СМИ деятельности вуза и востребованности предлагаемых специальностей.

Как уже отмечалось, имидж вуза складывается из множества элементов. В нашем исследовании были выделены и оценены несколько его параметров (комплексных характеристик): имидж предоставляемых образовательных услуг; имидж руководства вуза; имидж студентов; имидж профессорско-преподавательского состава; имидж университетского сайта. На наш взгляд, данные параметры наиболее полно и наглядно характеризуют имидж вуза и могут быть операционализированы для такого объекта социологического исследования, как профессорско-преподавательский состав.

В ходе опроса преподаватели определяли степень соответствия фактических характеристик имиджа вуза представлениям о его позитивном состоянии по пятибалльной шкале, в которой оценке «5» соответствовал полностью позитивный имидж, а «1» – состояние данной характери-

стики полностью не соответствует позитивному имиджу, «0» ставили те, кто не смог дать оценку. При этом каждый параметр оценивался по нескольким показателям: от 6 за имидж вузовского сайта до 15 за имидж ППС.

Общая оценка характеристик, отражающих *имидж предоставляемых образовательных услуг,* составила 3,67 балла. Она складывалась из средних баллов по четырнадцати параметрам (табл. 1), которые отражают различные аспекты учебно-воспитательного процесса в вузе, включая не только непосредственное обучение, но и возможности заниматься наукой, творчеством, личностным развитием и т. д., а также перспективы трудоустройства и карьерного роста.

Таблица 1. **Оценки имиджа предоставляемых образовательных услуг, баллы**
Table 1. **Evaluation of the image of the provided educational services, scores**

Характеристики имиджа предоставляемых образовательных услуг	Оценка
Творческая самореализация студентов	4,18
Качество обучения	3,95
Личностное развитие студентов	3,85
Организация процесса обучения	3,80
Востребованность направлений и специальностей	3,73
Организация практик	3,68
Перспектива карьерного роста после окончания вуза	3,67
Престиж диплома	3,66
Научно-исследовательская работа	3,66
Современные образовательные технологии	3,56
Практическая направленность образовательных программ	3,56
Трудоустройство выпускников по специальности	3,52
Дополнительные образовательные услуги	3,50
Стоимость обучения	3,00
СРЕДНЕЕ ЗНАЧЕНИЕ	3,67

Преподаватели на первое место поставили творческую самореализацию студентов, на второе – качество обучения, на третье – личностное развитие студентов, на четвертое – организацию процесса обучения. На последних местах, по мнению преподавателей, – стоимость обучения, дополнительные образовательные услуги, трудоустройство по окончании обучения в вузе, практическая направленность учебы, современные образовательные технологии. Таким образом, преподаватели считают, что на положительный имидж КемГУ в большей мере влияют возможности, предоставляемые вузом для творческой и личностной самореализации студентов, качество и организация обучения. В то же время многие другие характеристики оценены невысоко, что свидетельствует о большом потенциале, который можно использовать для совершенствования качества предоставляемых услуг и повышения имиджа вуза.

Далее сотрудникам вуза предлагалось оценить имидж руководства, который в среднем получил 3,60 балла (табл. 2).

Таблица 2. **Оценки имиджа руководства КемГУ, баллы**
Table 2. **Evaluation of the image of the Kemerovo State University administration, scores**

Характеристики имиджа руководства	Оценка
Профессиональная компетентность	3,79
Общая культура	3,78
Доступность	3,69
Лояльность	3,68
Информационная открытость	3,60
Авторитет	3,58
Стиль управления	3,36
Видение вуза в будущем	3,34
СРЕДНЕЕ ЗНАЧЕНИЕ	3,60

Среди характеристик, составляющих имидж руководства, преподаватели выше всего оценили профессиональную компетентность и общую культуру. Затем с отрывом в 0,1 балла от предыдущих характеристик следуют пары: доступность и лояльность; информационная открытость и авторитет. В арьергарде характеристик оказались стиль управления и видение вуза в будущем. Таким образом, на момент исследования, по мнению респондентов, наиболее соответствующими пониманию положительного имиджа были профессиональная и общекультурная составляющие, но слабое видение перспектив развития университета снижало репутационные оценки руководства.

Следующий комплекс характеристик был призван оценить имидж студентов, средний балл по которому составил 3,52 (табл. 3).

Таблица 3. **Оценки имиджа студентов, баллы**
Table 3. **Evaluation of the image of students, scores**

Характеристики имиджа студентов	Оценка
Творческая самореализация	3,98
Социальная активность	3,77
Внешний облик	3,63
Учебная дисциплина	3,45
Общий культурный уровень	3,42
Познавательная активность	3,35
Мотивация к обучению	3,30
Уровень подготовленности к обучению в вузе	3,24
СЕДНЕЕ ЗНАЧЕНИЕ	3,52

Преподаватели еще раз подчеркнули, что в КемГУ в наибольшей степени соответствия положительному имиджу вуза находится такой параметр, как творческая самореализация студентов. Достаточно высоко были оценены

социальная активность и внешний облик обучающихся. К сожалению, невысокими оказались оценки за познавательную активность и мотивацию к обучению, что создает дополнительные проблемы при подготовке выпускников и снижает имидж вуза. На последнем месте в данном рейтинге – уровень подготовленности к обучению в вузе.

На оценивание имиджа профессорско-преподавательского состава были нацелены 15 характеристик. Среднее значение по данной группе показателей составило 4,07 балла – самое высокое среди прочих комплексов характеристик (табл. 4).

Таблица 4. **Оценки имиджа профессорско-преподавательского состава, баллы**
Table 4. **Evaluation of the image of the academic staff, scores**

Характеристики имиджа профессорско-преподавательского состава	Оценка
Знание своего предмета	4,42
Общий культурный уровень	4,22
Доброжелательность	4,18
Уважение студентов и коллег	4,16
Коммуникабельность	4,15
Доступность подачи материала	4,13
Авторитет	4,12
Внешний облик	4,09
Требовательность	4,07
Принципиальность	4,02
Владение современными методиками преподавания	3,99
Доступность вне аудитории	3,97
Научные достижения	3,92
Практическая ориентированность преподавания	3,83
Возраст	3,76
СРЕДНЕЕ ЗНАЧЕНИЕ	4,07

Большинство показателей степени соответствия фактического состояния параметров представлениям о положительном имидже вуза превысили 4 балла. Не поскупились респонденты оценить уровень знания преподаваемых ими предметов, общий культурный уровень, доброжелательность, уважительное отношение к студентам и коллегам, коммуникабельность и другие характеристики. Самые низкие баллы в данной группе показателей были выставлены за практическую ориентированность преподавания и за возраст ППС. Таким образом, преподаватели выставили себе высокие оценки по большинству критериев, что нельзя назвать положительным фактом.

Заключительный комплекс характеристик соответствия высокому имиджу вуза отражали оценки за университетский сайт. Он включал в себя 6 параметров, средняя оценка по которым составила 3,67 балла (табл. 5).

Следует отметить, что оценки за вузовский сайт были относительно ровными, чуть выше других преподаватели оценили достаточность информационной оснащенности, а ниже – поиск по ключевым словам. Тем не менее следует отметить, что потенциал роста оценок есть, особенно по механизмам поиска интересующей информации.

В таблице 6 сведены воедино все 5 групп характеристик имиджа вуза и оценки ППС их соответствия представлениям о его положительном состоянии.

Таблица 5. **Оценки имиджа университетского сайта, баллы**
Table 5. **Evaluation of the image of the university site, scores**

Характеристики имиджа университетского сайта	Оценка
Достаточная информационная оснащенность	3,88
Современный дизайн	3,77
Удобство связи с другими ресурсами	3,71
Удобство навигации	3,69
Простота поиска нужной информации	3,53
Поиск по ключевым словам	3,43
СРЕДНЕЕ ЗНАЧЕНИЕ	3,67

Таблица 6. **Оценки имиджа КемГУ, баллы**
Table 6. **Evaluation of the Kemerovo State University image, scores**

Группы характеристик имиджа вуза	Оценка
Имидж предоставляемых образовательных услуг	3,67
Имидж руководства	3,60
Имидж студентов	3,52
Имидж профессорско-преподавательского состава	4,07
Имидж университетского сайта	3,67
СРЕДНЕЕ ЗНАЧЕНИЕ	3,71

Итак, преподаватели Кемеровского государственного университета считают, что в наибольшей степени мнение о положительном имидже вуза соответствуют характеристики ППС, а в наименьшей – характеристики студентов. Такая картина свидетельствует, с одной стороны, о перекладывании (в определенной степени) преподавателями ответственности за вузовские проблемы на других участников образовательного процесса, с другой – о снижении «качества студенческого контингента», о чем говорят многие работники провинциальных вузов после введения ЕГЭ, который позволил лучшим выпускникам школ уезжать в научно-образовательные центры России.

Однако следует подчеркнуть, что разрыв между максимальными и минимальными оценками в группах характеристик не очень большой – около 0,5 балла, поэтому о «провале» каких-либо параметров говорить не приходится. Скорее, надо еще раз обозначить высокий уровень самооценки преподавателями собственной значимости в формировании имиджа вуза.

Итоговая же оценка соответствия фактической репутации университета представлениям о ее позитивном состоянии равна 3,7 балла. Она свидетельствует о не самом

высоком, но преимущественно положительном имидже, и о наличии серьезного потенциала для его роста.

Кроме всестороннего оценивания имиджа своего вуза, ППС предлагалось высказать мнение относительно позитивности имиджа других вузов Кемеровской области. Большинство преподавателей на первое место выставили Кемеровский государственный университет, второе место по позитивности имиджа занял Кузбасский государственный технический университет (КузГТУ), третье – Кемеровская государственная медицинская академия (КГМА), далее следуют Кемеровский технологический институт пищевой промышленности (КемТИПП), Кемеровский институт (филиал) Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова (РЭУ), Кемеровский государственный институт культуры (КемГИК), Сибирский государственный индустриальный университет (СибГИУ) и на последнем месте среди ведущих вузов области оказался Кемеровский государственный сельскохозяйственный институт (КГСХИ).

Одному из многих факторов, влияющих на состояние имиджа организации, – использованию фирменной атрибутики в повседневной работе, в частности в одежде, – был посвящен отдельный вопрос анкеты. Ответы на него отражали мнение преподавателей относительно ограничений в одежде, включения в свой гардероб фирменного галстука или шарфа, ношения «бейджа» с указанием фамилии, должности, принадлежности к службе, факультету, подразделению, отделу и ношения фирменного значка КемГУ. Следует отметить, что более половины опрошенных высказались против почти всех предложений и приняли бы только ношение фирменного значка КемГУ, если бы такой вариант был предложен.

Выводы

Таким образом, на основе данных проведенного социологического исследования можно сделать вывод, что, по мнению преподавателей, на успешное формирование позитивного имиджа КемГУ в большей степени влияет высокая квалификация профессорско-преподавательского состава. Также чаще прочих были отмечены успешное трудоустройство выпускников и хорошая материально-техническая база.

Анализируя, насколько различные реальные характеристики имиджа КемГУ соответствуют представлениям о позитивном имидже вуза, преподаватели выше прочих оценили имидж профессорско-преподавательского состава, затем имидж предоставляемых образовательных услуг и имидж университетского сайта, далее следовала оценка имиджа руководства, и замыкал перечень комплексных характеристик имидж студентов. При этом практически все оценки были выше среднего теоретического значения.

Преподаватели ставят свой вуз – Кемеровский государственный университет – на первое место по позитивности имиджа кузбасских вузов. Далее следуют Кузбасский государственный технический университет, Кемеровская государственная медицинская академия (ныне университет), Кемеровский технологический институт пищевой промышленности (университет), Кемеровский институт (филиал) Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова.

Большинство преподавателей не готовы ограничивать себя в стиле одежды, включить в свой гардероб галстук или шарф с университетской символикой, носить фирменный «бейдж». Единственное, на что согласилась пойти большая часть сотрудников вуза для улучшения его имиджа, – носить фирменный значок.

Однако результаты исследования показали, что, несмотря на преимущественно положительные оценки преподавателями различных составляющих имиджа Кемеровского государственного университета, у вуза есть немало проблем. Респонденты своими ответами акцентируют внимание руководства на слабое соответствие ряда характеристик реального имиджа университета представлениям о его позитивном состоянии. Речь, например, идет о ценовой политике образовательных услуг, невысоком уровне мотивации и подготовленности студентов к обучению в высшей школе и некоторых других. Для формирования устойчивого положительного имиджа коллективу КемГУ предстоит кропотливая, системная и упорная работа. А предпосылки для этого имеются, важнейшей из которых является получение университетом статуса опорного вуза региона. При реализации же программы развития КемГУ важно учитывать достижения и недостатки недавнего прошлого, чтобы укрепить первые и устранить вторые, поэтому результаты проведенного исследования вузовского имиджа дают ценную информацию не только о ретроспективе, но и перспективе университета.

Литература

1. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская АН; Российский фонд культуры. 3-е изд., испр. и доп. М.: АЗЪ, 1995. 928 с.

2. Социологический энциклопедический словарь: на русском, английском, немецком, французском и чешском языках. Редактор-координатор академик РАН Г. В. Осипов. М.: ИНФРА М; НОРМА, 1998. 448 с.

3. Григорян Р. Г., Гришин А. В., Демин Г. И., Ильчук Н. Н. Политологический словарь: учеб. пособ. / под ред. В. Ф. Халипова. М.: Высш. шк., 1995. 192 с.

4. Социальные технологии: толковый словарь / отв. ред. В. Н. Иванов. Москва – Белгород: Луч – Центр социальных технологий, 1995. 309 с.

5. Амирханова Л. Р., Бикметов Е. Ю., Харисова А. З. Теоретические и методические аспекты исследования имиджа вуза // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2017. № 2. С. 234–249.

6. Гусева А. В., Сырбу А. Н. Имидж высшего учебного заведения как фактор его конкурентоспособности // Экономика и предпринимательство. 2016. № 4-1(69-1). С. 1039–1041.

7. Какоткина Е. А. Формирование и использование имиджа регионального вуза на основе концепции имиджевой политики вуза // Вестник экономики, права и социологии. 2016. № 3. С. 152–156.

8. Неретина Е. А., Гвоздецкая И. В., Корокошко Ю. В. Имидж и бренд вуза: взаимосвязь, особенности формирования и потенциал развития // Интеграция образования. 2015. Т. 19. № 1(78). С. 13–21.
9. Павлов С. Н. Проблемы формирования имиджа современного вуза в процессе социально-культурной деятельности // Вестник ВЭГУ. 2017. № 3(89). С. 77–84.
10. Скрипник А. В., Скрипник О. Г., Корнилова Д. Д.-Н. Имидж вуза как объект рефлексии субъектов педагогического процесса // Gaudeamus Igitur. 2016. № 3. С. 27–29.
11. Юрова О. В., Гусева А. В. Позитивный имидж вуза в системе управления образовательной организацией // Актуальные вопросы профессионального образования. 2016. № 1(2). С. 55–59.
12. Пантюшина О. И. Имидж высшего учебного заведения в сознании студентов государственных и негосударственных вузов // Имиджелогия-2005: феноменология, теория, практика: материалы Третьего международного симпозиума по имиджелогии / под ред. Е. А. Петровой. Иркутск: РИЦ АИМ, 2005. С. 296–301.
13. Брумштейн Ю. М., Яковлева Л. В., Кузьмина А. Б. Научный имидж региональных вузов: общий анализ проблематики управления // Прикаспийский журнал: управление и высокие технологии. 2013. № 1(21). С. 125–133.
14. Бабкин П. Ю., Суркова Т. В. Имидж образовательного учреждения в контексте проблемы конкурентоспособности вузов // Вестник Международной академии системных исследований. Информатика, экология, экономика. 2013. Т. 15. № 2. С. 147–152.
15. Павлов С. Н. Информационный фактор в формировании имиджа вуза // Фундаментальные исследования. 2012. № 9-3. С. 635–640.
16. Павлов С. Н. Информационная политика вуза, формирование общественного мнения как инструменты создания позитивного имиджа // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2012. № 6(121). С. 43–47.
17. Алавердов А. Р. Вуз как работодатель: проблемы формирования позитивного имиджа // Высшее образование в России. 2012. № 5. С. 102–107.
18. Федоськина Л. А., Новокрещенова Н. А. О методике исследования удовлетворенности преподавателей вуза // Высшее образование в России. 2011. № 6. С. 129–134.
19. Фролова О. В. Имидж как условие конкурентоспособности вуза // Высшее образование в России. 2012. № 6. С. 121–126.

THE IMAGE OF THE KEMEROVO STATE UNIVERSITY AS VIEWED BY THE ACADEMIC STAFF

Elena A. Morozova[1, @1], Anna V. Sukhacheva[2, @2]

[1] Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000
[2] State Educational Establishment Kuzbass Regional Institute of Professional Education Development, 38-A, Tuhachevskiy St., Kemerovo, Russia, 650070
[@1] morea@inbox.ru
[@2] anisha86@mail.ru

Received 19.09.2017. Accepted 17.10.2017.

Keywords: image, university image, image characteristics, image formation, image perception, academic staff, sociological research.

Abstract: The image of the organization is its most important characteristic and success factor. In a highly competitive environment, modern universities seek to form and maintain a positive image. Consequently, a study of various aspects of its image helps to identify some reputational problems and to find ways to solve them. The aim of the current paper is to analyze the attitude of Kemerovo State University academic personnel to various characteristics, elements and factors of the university image.

An analysis of various approaches to the interpretation of the image allows the authors to propose their own definition of the "university image" notion and to justify the use of sociological methods in its study. The research conducted at the Kemerovo State University has shown that the teaching staff see the following factors as significant for a positive image formation: high qualification of the academic staff, successful employment of the graduates, and good facilities and resources. The actual characteristics of their institution were grouped in integrated indicators; they were later compared with their ideas of a positive image, which allowed the respondents to rank them. The «image of the academic staff» appeared to be most consistent parameter, followed by «the image of the provided educational services» and «the image of the university site» (with equal values). «The image of administration» ranked fourth, and "the image of students» completed the list. The conducted research has made it possible not only to determine the university's assessments of various aspects of the image, but also to focus on those problems, whose solution will improve the university image.

For citation: Morozova E. A., Sukhacheva A. V. Imidzh Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta glazami prepodavatelei [The Image of the Kemerovo State University as Viewed by the Academic Staff]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences*, no. 2 (2017): 22–28.

References

1. Ozhegov S. I., Shvedova N. Iu. *Tolkovyi slovar' russkogo iazyka: 80000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenii* [Dictionary of the Russian language: 80000 words and phraseological expressions]. 3rd ed. Moscow: AZ, 1995, 928.

2. *Sotsiologicheskii entsiklopedicheskii slovar': na russkom, angliiskom, nemetskom, frantsuzskom i cheshskom iazykakh* [Sociological Encyclopedic Dictionary. In Russian, English, German, French and Czech]. Ed.-coordinator Osipov G. V. Moscow: INFRA M; NORMA, 1998, 448.

3. Grigorian R. G., Grishin A. V., Demin G. I., Il'chuk N. N. *Politologicheskii slovar'* [Political Dictionary]. Ed. Khalipov V. F. Moscow: Vyssh. shk., 1995, 192.

4. *Sotsial'nye tekhnologii* [Social technologies]. Ed. Ivanov V. N. Moscow – Belgorod: Luch – Tsentr sotsial'nykh tekhnologii, 1995, 309.

5. Amirkhanova L. R., Bikmetov E. Yu., Kharisova A. Z. Teoreticheskie i metodicheskie aspekty issledovaniia imidzha vuza [Theoretical and methodological aspects of university image studies]. *Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskie nauki = PNRPU Sociology and Economics Bulletin*, no. 2 (2017): 234–249.

6. Guseva A. V., Sirbu A. N. Imidzh vysshego uchebnogo zavedeniia kak faktor ego konkurentosposobnosti [The image of institution of higher education as a factor of competitiveness]. *Ekonomika i predprinimatel'stvo = Journal of Economy and entrepreneurship*, no. 4-1(69-1) (2016): 1039–1041.

7. Kakotkina E. A. Formirovanie i ispol'zovanie imidzha regional'nogo vuza na osnove kontseptsii imidzhevoi politiki vuza [The Development and Usage of the Image of Regional University Based on University's Image Policy]. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii = The Review of Economy, the Law and Sociology*, no. 3 (2016): 152–156.

8. Neretina E. A., Gvozdetskaia I. V., Korokoshko Iu. V. Imidzh i brend vuza: vzaimosviaz', osobennosti formirovaniia i potentsial razvitiia [Image and Brand of a University: Interplay, Features of Image Making and Potential for Development]. *Integratsiia obrazovaniia = Integration of Education*, 19, no. 1(78) (2015): 13–21.

9. Pavlov S. N. Problemy formirovaniia imidzha sovremennogo vuza v protsesse sotsial'no-kul'turnoi deiatel'nosti [Problems of Forming the Image of a Modern University in the Process of Socio-Cultural Activity]. *Vestnik VEGU*, no. 3(89) (2017): 77–84.

10. Skripnik A. V., Skripnik O. G., Kornilova D. D.-N. Imidzh vuza kak ob»ekt refleksii sub»ektov pedagogicheskogo protsessa [The University's image as the reflection object of the subjects of pedagogical process]. *Gaudeamus Igitur*, no. 3 (2016): 27–29.

11. Yurova O. V., Guseva A. V. Pozitivnyi imidzh vuza v sisteme upravleniia obrazovatel'noi organizatsiei [The positive image of the university in an educational organization management system]. *Aktual'nye voprosy professional'nogo obrazovaniia = Actual problems of professional education*, no. 1(2) (2016): 55–59.

12. Pantiushina O. I. Imidzh vysshego uchebnogo zavedeniia v soznanii studentov gosudarstvennykh i negosudarstvennykh vuzov [Perception of high school students of the corporate image and state universities]. *Imidzhelogiia-2005: fenomenologiia, teoriia, praktika: materialy Tret'ego mezhdunarodnogo simpoziuma po imidzhelogii* [Image-2005: phenomenology, theory, practice: Proc. 3 Intern. Symposium on Imidology]. Ed. Petrova E. A. Irkutsk: RITs AIM, 2005, 296–301.

13. Brumshtein Iu. M., Iakovleva L. V., Kuzmina A. B. Nauchnyi imidzh regional'nykh vuzov: obshchii analiz problematiki upravleniia [Overview of scientific image issues encountered by regional universities]. P*rikaspiiskii zhurnal: upravlenie i vysokie tekhnologii = Caspian journal: Management and High Technologies*, no. 1(21) (2013): 125–133.

14. Babkin P. Iu., Surkova T. V. Imidzh obrazovatel'nogo uchrezhdeniia v kontekste problemy konkurentosposobnosti vuzov [Image of educational institution in the context of the problem of competitiveness of high schools]. *Vestnik Mezhdunarodnoi akademii sistemnykh issledovanii. Informatika, ekologiia, ekonomika = Bulletin of the International Academy of System Studies. Informatics, ecology, economics*, 15, no. 2 (2013): 147–152.

15. Pavlov S. N. Informatsionnyi faktor v formirovanii imidzha vuza [Information factor in higher education institution formation image]. *Fundamental'nye issledovaniia = Fundamental research*, no. 9-3 (2012): 635–640.

16. Pavlov S. N. Informatsionnaia politika vuza, formirovanie obshchestvennogo mneniia kak instrumenty sozdaniia pozitivnogo imidzha [Information policy of public opinion formation as an instrument of positive image creation of higher educational institution]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, no. 6(121) (2012): 43–47.

17. Alaverdov A. R. Vuz kak rabotodatel': problemy formirovaniia pozitivnogo imidzha [University as an employer: problems of forming the positive image]. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*, no. 5 (2012): 102–107.

18. Fedoskina L. A., Novokreshchenova N. A. O metodike issledovaniia udovletvorennosti prepodavatelei vuza [Modeling the process of university personnel satisfaction estimation]. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*, no. 6 (2011): 129–134.

19. Frolova O. V. Imidzh kak uslovie konkurentosposobnosti vuza [Image as a condition of university competitiveness]. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*, no. 6 (2012): 121–126.

УДК 331.2

ПОВЫШЕНИЕ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА КАК ОСНОВНОЙ ФАКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

***Татьяна А. Бельчик*[1, @1]**

[1] *Кемеровский государственный университет, Россия, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6*
[@] *talbel@rambler.ru*

Поступила в редакцию 28.08.2017. Принята к печати 05.10.2017.

Ключевые слова: производительность труда, факторы роста производительности труда, высокопроизводительные рабочие места, мотивация труда, организация труда.

Аннотация: В статье анализируются уровень и динамика производительности труда в Российской Федерации в контексте основных программных документов по социально-экономическому развитию РФ. Автором проведен анализ динамики числа высокопроизводительных мест за последние три года. В статье рассматриваются факторы роста производительности труда, результативность их использования в практической деятельности. Автор определяет основные причины низкого уровня производительности труда и предлагает меры по их устранению. Статья базируется на анализе статистических данных, результатов исследований аналитиков и интервью с руководителями. В ходе проведенного исследования делается вывод о том, что наряду с масштабным обновлением основных фондов, для повышения производительности труда необходимо задействовать и значительные резервы организационного характера. Среди них: сокращение потерь рабочего времени, использование современных управленческих технологий, мотивирование людей к высокопроизводительному труду всеми методами, централизация и систематизация работы по повышению производительности труда.

Для цитирования: Бельчик Т. А. Повышение производительности труда как основной фактор экономического роста // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2017. № 2. С. 29–33.

Проблема повышения уровня и динамики производительности труда обсуждается в настоящее время на всех уровнях власти, среди представителей бизнеса, ученых и практиков. Разумеется, сложившийся уровень производительности труда является тормозом не только для инновационного развития страны, но и угрозой для сохранения ее конкурентоспособности и независимости.

На страницах данного журнала было обращение к данной теме [1] и разбирались факторы, влияющие на уровень производительности труда. В той части нашего исследования мы обратили внимание на то, что при сохранении низкого уровня заработной платы, дисбаланса в темпах роста производительности и заработной платы, решить обозначенную проблему будет трудно. На следующих этапах исследования показана связь между факторами, влияющими на уровень производительности труда, и факторами инновационного развития; обоснована модель взаимосвязи уровня инновационного развития, производительности труда и оплаты труда. Также мы показали, что она отражает три важнейшие проблемы современной экономики России [2]:

1) низкий уровень инновационного развития и технологическая отсталость от развитых стран;

2) низкая эффективность российской экономики, выраженная отставанием от развитых стран в сфере производительности труда в 2–3 раза;

3) невысокий уровень жизни населения, во многом определяемый низким уровнем оплаты труда.

С того времени, к сожалению, проблема не только не была решена, но приобрела еще большую остроту, что обусловливает актуальность данной темы и интерес к ее рассмотрению.

Совет по стратегическому развитию и приоритетным проектам при Президенте РФ 21 марта 2017 года свою повестку посвятил рассмотрению данной проблемы. Так, Президент РФ В. В. Путин заявил, что повышение производительности труда является ключевым вопросом экономического развития. Он отметил, что в отдельных отраслях имеются успехи (например авиапром). Однако в общей сложности ситуацию не удается изменить. По данным Росстата, за последний период темпы роста производительности труда лишь замедляются (см. табл. 1). Индекс изменения производительности труда по эконо-

Таблица 1. **Индекс производительности труда по Российской Федерации**
Table 1. **The index of labor productivity in the Russian Federation**

Годы	**2003**	**2004**	**2005**	**2006**	**2007**	**2008**	**2009**	**2010**	**2011**	**2012**	**2013**	**2014**	**2015**
Индекс	107,0	106,5	105,5	107,5	107,5	104,8	95,9	103,2	103,8	103,3	102,2	100,7	97,8

мике в целом Росстат рассчитывает как частное от деления индексов физического объема ВВП и индекса изменения совокупных затрат труда в эквиваленте полной занятости [3]:

Данные международных сравнительных исследований говорят о том, что отставание от уровня эффективных экономик составляет два и более раза и если не предпринимать экстренные меры, то ситуация будет усугубляться. По данным ОЭСР, в 2015 году в России вклад одного работника в ВВП страны составил 23,18 долл. в час, а в странах ОЭСР – 46,53 долл. в час [4]. В. В. Путин поставил задачу увеличивать производительность труда на 5–6 % в год. Только такие темпы могут обеспечить экономический рост РФ и рост благосостояния ее граждан.

Обращаясь к теме производительности труда, мы понимаем, что крупных исследований на уровне государства в стране в последнее время никто не предпринимал, поэтому мы (и др. исследователи) опираются на результаты консалтинговой компании McKinsey. По данным, опубликованным в апреле 2009 года, средняя производительность труда в РФ выросла до уровня 26 % от уровня США [5]. При этом по отдельным отраслям сохраняются следующие значения:

- металлургия – 33 % от уровня США,
- торговля – 31 %,
- банковский сектор – 23 %,
- строительство – 21 %,
- электроэнергетика – 15 %.

Среди причин низкой производительности труда специалисты McKinsey назвали следующие:

1) неэффективная организация труда,
2) непрозрачное и избыточное регулирование,
3) устаревшее оборудование и методы работы,
4) редкое применение комплексного подхода к развитию территорий,
5) недостаточные профессиональные навыки,
6) недоразвитая финансовая система.

Традиционно в экономике труда выделяют четыре основных группы факторов роста производительности труда:

1) материально-технические;
2) организационные;
3) социально-экономические;
4) факторы экономии прошлого труда.

Эти группы факторов были выявлены достаточно давно, написано немало публикаций. Хотя следует заметить, что на рубеже двух веков (вплоть до 2012–2013 гг.), о проблеме низкого уровня производительности труда в РФ говорили сравнительно мало. Всплеск интереса к данной проблематике отмечается в связи с Майскими Указами Президента РФ, когда с особой тревогой прозвучала мысль о том, что низкая производительность труда – это глобально неконкурентоспособная экономика. По нашему мнению, российская экономика сегодня «ходит по замкнутому кругу», который схематично представлен на рисунке:

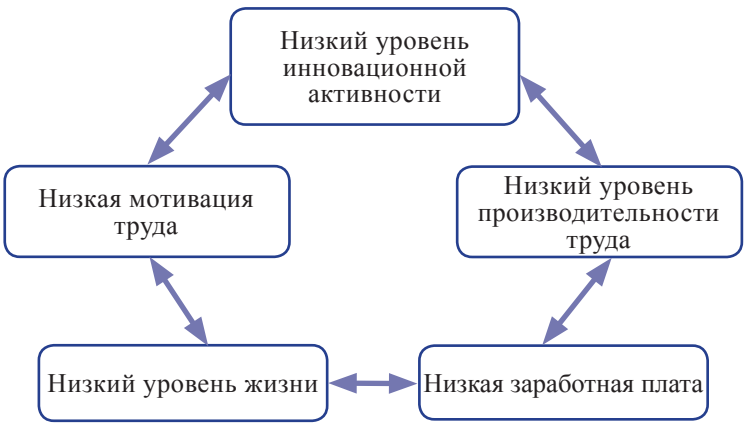

Рис. ***Взаимосвязь факторов экономического роста***
Fig. ***The interconnection of the factors of economic growth***

В марте 2012 года акцент был сделан на материально-техническую базу, которая в последние годы крайне мало обновляется. Так, по данным Росстата, степень износа основных фондов на конец 2015 года составила 47,7 % [6]. Работая на неэффективных, морально и физически устаревших рабочих местах, крайне сложно демонстрировать высокий уровень производительности труда. В октябре 2013 года на встрече с членами Международного дискуссионного клуба «Валдай» В. В. Путин заявил о возможности создания к 2020 году 25 млн высокотехнологичных рабочих мест (далее – ВПРМ). Аналитики насторожено встретили эту новость, экономисты скептически начали просчитывать реалистичность данных плановых показателей, развернулась дискуссия: какое место считать высокопроизводительным. Наконец, нет четкого разграничения между понятиями «высокотехнологичные» и «высокопроизводительные рабочие места», которые используются как синонимы, но таковыми не являются. Несмотря на полную неопределенность данных плановых показателей, в стране наблюдается некое броуновское движение по их созданию. Росстат сформировал статистику за период 2013–2016 гг., которая представлена в таблице 2 [6].

Таблица 2. **Число высокопроизводительных рабочих мест по видам экономической деятельности за 2013–2016 гг. (тыс. единиц)**
Table 2. **The number of high-performance workplaces by types of economic activity for 2013 – 2016 (thous. units)**

Годы	2013	2014	2015	2016
Количество	17492,8	18280,9	16782,4	15983,3

Наибольшая доля высокопроизводительных рабочих мест создана в обрабатывающей промышленности (20 %). Как видим, динамика числа ВПРМ отрицательная, что вполне объяснимо, если понимать, что методика Росстата основана на определении размера заработной платы работника, работающего на конкретном рабочем месте. Так как условия найма в части оплаты труда в РФ в последние годы непрерывно ухудшались, то и динамика числа ВПРМ закономерна.

Не умаляя значимости материально-технических факторов роста производительности труда и принимая меры по стимулированию модернизации оборудования и технологий, в стране рассматриваются и другие. Значит, начиная с декабря 2013 г. достаточно четко стали связывать рост уровня производительности труда со следующими факторами:

1) Высокое качество профессионального образования.
2) Гибкий рынок труда.
3) Повышение доступности финансовых ресурсов для предприятий и компаний.
4) Улучшение инвестиционного предпринимательского климата.
5) Внедрение современных форм и методов организации производства и инновационной культуры.
6) Повышение прозрачности деятельности госкорпораций и естественных монополий.
7) Сокращение доли государства в экономике.
8) Поддержка экспортно-ориентированных несырьевых отраслей.
9) Изучение лучших практик организации бережливого производства.
10. Внедрение практики проектного управления.

В июле 2014 года распоряжением Правительства РФ № 1250-р утвержден план мероприятий по обеспечению повышения производительности труда, создания и модернизации высокопроизводительных рабочих мест (см. параметры в табл. 3).

Таблица 3. **Плановые показатели динамики производительности труда (в процентах к предыдущему году) [7]**
Table 3. **Target indicators of labor productivity dynamics (percentage change from previous year) [7]**

Годы	2014	2015	2016	2017	2018
Темпы роста	101,1	102,1	102,4	103,3	103,3

Из таблицы 3 видим, что плановый показатель по 2015 году не выполнен, а планируемые темпы уже не могут обеспечить необходимый экономический рост.

Рассматривая по отдельности каждый из перечисленных выше факторов, мы находим примеры их включения в хозяйственный оборот. Так, повсеместно пытаются внедрить практику проектного управления, предусмотрены меры предоставления государственных гарантий при реализации инвестиционных проектов, используется механизм льготного налогообложения. Изменения в природоохранном законодательстве стимулируют хозяйствующие субъекты внедрять новые технологии и т. д. Принятие закона «О специальной оценке условий труда» тоже стимулирует собственников и руководителей к обновлению техники и технологий, что, безусловно, должно привести к повышению производительности труда. Глубочайшая трансформация системы образования направлена на повышение производительности труда. Однако статистика РФ и региональные данные показывают, что переломить ситуацию не удается. И причиной тому все чаще называют человеческие ресурсы. В науке рассматриваются разные грани, характеризующую ту часть трудового процесса, которая связана с рабочей силой. В. Д. Носенко считает, что для роста производительности труда требуется общий рост квалификации всех занятых. Под квалификацией он понимает и «владение в совершенстве всеми тонкостями производства, и культурный уровень работника, и его здоровье, а также другие черты, характеризующие личность» [8]. Е. А. Киеня и др. считают, что значительные резервы роста производительности труда лежат в вопросах нормирования труда [9]. Действительно, нормы и нормативы труда не пересматриваются десятилетиями, большинство из них устанавливаются на уровне здравого смысла, нет ни баз данных, ни координирования данной работы даже в пределах отрасли. Часть исследователей связывают низкий уровень производительности труда с проблемами в оплате труда [10].

Мы продолжили исследование данной проблемы, включив в обсуждение новые грани.

В ноябре-декабре 2016 года мы провели серию неструктурированных интервью с руководителями организаций разных отраслей и разных организационно-правовых форм (всего опрошено 46 человек) и наряду с другими вопросами, выяснили их мнение относительно того, могут ли сотрудники их организаций работать лучше. Все эксперты ответили утвердительно, то есть все руководители видят источник роста производительности труда в самих людях. В ходе интервью они высказали мнения, что руководству необходимо предпринять для повышения результативности работы сотрудников. Приведем некоторые мнения экспертов:

1) повышение мотивации (наиболее часто встречающийся ответ);
2) изменение системы оплаты труда;
3) повышение квалификации;
4) укрепление самодисциплины;
5) совершенствование организации труда;
6) самосовершенствование.

Подводя промежуточные итоги нашего исследования, мы сформулировали еще несколько проблем, которые мешают росту производительности труда, но на которые мало обращалось внимания, а также предложили пути их решения (табл. 4).

В дальнейшем мы планируем сосредоточиться на изучении проблем производительности труда в Кемеровской области и сконцентрироваться на изучении возможности формирования комплексной модели работы над повышением производительности труда в регионах.

Таблица 4. **Проблемы низкого уровня производительности труда и пути их решения**
Table 4. **The problems of low level of labor productivity and their solutions**

Проблемы	Пути решения
1. Проблема измерения производительности труда	Разработка и внедрение формы статистической отчетности по производительности труда
2. Отсутствие органа, ответственного за решение проблемы производительности труда	Создание Национального комитета по производительности труда с представительствами в каждом регионе
3. Низкая осведомленность предприятий о проблеме производительности труда	Полноценная масштабная пропаганда важности повышения производительности труда для предпринимательского сообщества и населения
4. Отсутствие стимулов для предприятий к повышению уровня производительности труда	Разработка и реализация программ стимулирования предприятий к повышению производительности труда
5. Отсутствие специалистов по нормированию труда и НОТ	Подготовка специалистов по нормированию и НОТ в вузах страны
6. Низкая трудовая дисциплина и исполнительность кадров; отсутствие стимулирования работников к повышению производительности труда	Максимизация личной заинтересованности работников в высокопроизводительном труде посредством внедрения рациональной модели трудовых отношений

Литература

1. Береза В. М. Взаимосвязь заработной платы и производительности труда // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. № 4. Т. 2. С. 169–173.

2. Бельчик Т. А., Береза В. М. Взаимосвязь повышения производительности труда и инновационного развития региона // Человеческие ресурсы: проблемы инновационного развития и использования: сборник научных трудов / отв. ред. Е. А. Морозова. Кемерово: КемГУ, 2016. Вып. 5. С. 33–37.

3. Национальные счета // Федеральная служба государственной статистики: официальный сайт. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts/#.L (дата обращения: 24.08.2017).

4. Заседание Совета по стратегическому развитию и приоритетным проектам // Официальный сайт Президента РФ. 21.03.2017. Режим доступа: http://www.kremlin.ru/events/president/news/54079 (дата обращения: 15.08.2017).

5. Бакатина Д., Дювьесар Ж.-П., Клинцов В., Крогманн К., Ремес Я., Солженицын Е., Швакман И. Эффективная Россия: производительность как фундамент роста. McKinsey Global Institute. 2009. 180 с. Режим доступа: http://glavkonstruktor.ru/upload/izo/bogdanov/MGI_Lean_Russia_Sustaining_economic_growth_full_report_in_Russian.pdf (дата обращения: 25.08.2017).

6. Эффективность экономики России // Федеральная служба государственной статистики: официальный сайт. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/efficiency/# (дата обращения: 22.08.2017).

7. О плане мероприятий по обеспечению повышения производительности труда, создания и модернизации высокопроизводительных рабочих мест. Распоряжение Правительства РФ от 9 июля 2014 г. № 1250-р // Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_165527/ (дата обращения: 24.08.2017).

8. Носенко В. Д. Производительность труда – как было бы надо ее повышать // Евразийский союз ученых. 2016. № 3-1(24). С. 83–85.

9. Киеня Е. А., Манторов А. В., Винцелович И. И. Нормирование как фактор роста производительности труда // Инновационное развитие. 2016. № 4(4). С. 41–43.

10. Бокова Н. А. Прозрачная система оплаты труда как способ повышения производительности // Уральский научный вестник. 2016. Т. 12. № 2. С. 187–190.

LABOR PRODUCTIVITY IMPROVEMENT AS THE MAJOR FACTOR OF ECONOMIC GROWTH

***Tatyana A. Belchik*[1, @1]**

[1] *Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000*
[@] *talbel@rambler.ru*

Received 28.08.2017. Accepted 05.10.2017.

Keywords: labor productivity, factors of increasing of labor productivity, highly productive jobs, labor motivation, labor organization.

Abstract: The article examines the state and dynamics of labor productivity in the Russian Federation within the context of major policy documents on the socio-economic development of Russia. The author analyzes the dynamics of a number of high-performance occupations for the last three years. The paper features the factors of productivity growth and efficiency of its use in practice. The author determines the main causes of low level labor productivity and proposes measures for its improvement. The article is based on analysis of statistical data, outcomes of analysts' researches, and the results of interviews with managers. The result of the study is the conclusion that, along with large-scale renewal of fixed assets, it is needed to use extensive reserves of an organizational nature to increase labor productivity. Among them: reduction of losses of working time, the use of modern managerial techniques, motivating people to high performance by all methods, centralizing and systemizing of improvement proceedings for labor productivity.

For citation: Belchik T. A. Povyshenie proizvoditel'nosti truda kak osnovnoi faktor ekonomicheskogo rosta [Labor Productivity Improvement as the Major Factor of Economic Growth]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences,* no. 2 (2017): 29–33.

References

1. Bereza V. M. *Vzaimosviaz' zarabotnoi platy i proizvoditel'nosti truda* [The relationship between wages and productivity]. Bulletin of Kemerovo State University, 2, no. 4 (2013): 169–173.
2. Belchik T. A., Bereza V. M. Vzaimosviaz' povysheniia proizvoditel'nosti truda i innovatsionnogo razvitiia regiona [The interrelation between the increase of labor productivity and the innovative development of the region]. *Chelovecheskie resursy: problemy innovatsionnogo razvitiia i ispol'zovaniia* [Human resources: problems of innovative development and use]. Ed. Morozova E. A. Kemerovo: KemGU, Iss. 5 (2016): 33–37.
3. *Natsional'nye scheta* [National accounts]. Available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts/#.L (accessed 24.08.2017).
4. *Zasedanie Soveta po strategicheskomu razvitiiu i prioritetnym proektam* [Meeting of the Council for Strategic Development and Priority Projects]. 21.03.2017. Available at: http://www.kremlin.ru/events/president/news/54079 (accessed 15.08.2017).
5. Bakatina D., Duvieusart J.-P., Klintsov V., Krogmann K., Remes Ia., Solzhenitsyn E., Shvakman I. *Effektivnaia Rossiia: proizvoditel'nost' kak fundament rosta* [Effective Russia: productivity as the foundation of growth]. McKinsey & Company, 2009, 180. Available at: http://glavkonstruktor.ru/upload/izo/bogdanov/MGI_Lean_Russia_Sustaining_economic_growth_full_report_in_Russian.pdf (accessed 25.08.2017).
6. *Effektivnost' ekonomiki Rossii* [The effectiveness of the Russian economy]. Available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/efficiency/# (accessed 22.08.2017).
7. O plane meropriiatii po obespecheniiu povysheniia proizvoditel'nosti truda, sozdaniia i modernizatsii vysokoproizvoditel'nykh rabochikh mest [About the plan of measures on maintenance of increase of labor productivity, creation and modernization of highly productive workplaces]. *Order of the Government of the Russian Federation of July 9, 2014 No. 1250-r.* Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_165527/ (accessed 24.08.2017).
8. Nosenko V. D. Proizvoditel'nost' truda – kak bylo by nado ee povyshat' [Labor productivity - how it would be necessary to raise it]. *Evraziiskii soiuz uchenykh = The Eurasian Union of Scientists,* no. 3-1(24) (2016): 83–85.
9. Kienya E. A., Mantorov A. V., Vintselovich I. I. Normirovanie kak faktor rosta proizvoditel'nosti truda [Rationing as growth factor productivity]. *Innovatsionnoe razvitie = Innovative development*, no. 4(4) (2016): 41–43.
10. Bokova N. A. Prozrachnaia sistema oplaty truda kak sposob povysheniia proizvoditel'nosti [Transparent wage system as a way to increase productivity]. *Ural'skii nauchnyi vestnik = The Urals Scientific Herald*, 12, no. 2 (2016): 187–190.

УДК 352/354

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ УПРАВЛЕНИЯ МНОГОКВАРТИРНЫМИ ДОМАМИ В МУНИЦИПАЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ

***Евгений М. Каратаев*[1, @1]**

[1] *Кузбасский государственный технический университет им. Т. Ф. Горбачева, Россия, 650000, г. Кемерово, ул. Весенняя, 28*
[@] *mamin_sibiryk@rambler.ru*

Поступила в редакцию 04.08.2017. Принята к печати 20.09.2017.

Ключевые слова: бюджетные учреждения, муниципальная управляющая компания, управление многоквартирным домом, финансовая устойчивость, проблемы жилищно-коммунального хозяйства.

Аннотация: В статье исследованы проблемы, препятствующие развитию ЖКХ в г. Кемерово. Цель данного исследования – совершенствовать систему управления многоквартирными домами в городе Кемерово. Объектом исследования является г. Кемерово. Предмет исследования – система управления многоквартирными домами. Для достижения цели применены следующие методы исследования: анализ и синтез, методы сравнения и обобщения, расчетный метод.

Выявлено, что коммерческие управляющие компании г. Кемерово имеют слабую финансовую устойчивость: доля кредиторской задолженности в активах является высокой и составляет более 80 %; ежегодно сокращается стоимость активов (более чем на 20 % за последние 3 года); коэффициенты финансовой устойчивости значительно ниже нормативного значения (0,8–0,9) и составляют не более 0,4. Другими проблемами развития ЖКХ в г. Кемерово являются: значительная доля расходов бюджета города на дотирование ресурсоснабжающих организаций, многочисленные административные правонарушения управляющими компаниями, высокий процент износа уличной канализационной и водопроводной сетей (более 40 %). Отмечено, что муниципальные управляющие организации, созданные в других муниципальных образованиях (г. Москва, г. Красноярск и др.), имеют положительную динамику основных показателей деятельности. Сделан вывод о необходимости создания Муниципального бюджетного учреждения «Муниципальная управляющая компания» города Кемерово.

Для цитирования: Каратаев Е. М. Совершенствование управления многоквартирными домами в муниципальном образовании // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2017. № 2. С. 34–38.

Актуальность исследования вопроса управления многоквартирными домами обусловлена неудовлетворенностью большинства жителей качеством получаемых жилищно-коммунальных услуг. Управляющими организациями зачастую предоставляется только минимальный стандартный набор услуг по содержанию дома. Недоверие населения к коммерческим управляющим компаниям сдерживает участие жителей в решении проблем дома: на многочисленных общих собраниях собственников жилых помещений не обеспечивается кворум, следовательно, проблемы дома решаются в течение длительного периода.

Цель исследования – совершенствовать систему управления многоквартирными домами в городе Кемерово. Объектом исследования является г. Кемерово. Предмет исследования – система управления многоквартирными домами. Для достижения цели применены следующие методы исследования: анализ и синтез, методы сравнения и обобщения, расчетный метод.

Деятельность по управлению многоквартирным домом (МКД) – это деятельность по выполнению стандартов для обеспечения благоприятных и безопасных условий проживания граждан, надлежащего содержания общего имущества в многоквартирном доме, решения вопросов пользования указанным имуществом, обеспечения выполнения целей, определенных решением собственников помещений в МКД, а также предоставления жилищно-коммунальных услуг (ЖКУ) гражданам, проживающим в МКД [1; 2, с. 107; 3, с. 66].

Начиная с 2004 г., статьей 161 Жилищного кодекса РФ определены три способа управления МКД, которые остаются неизменными по настоящее время:

– непосредственное управление (количество квартир в МКД – не более 30),

– управление товариществом собственников жилья либо жилищным кооперативом или иным специализированным потребительским кооперативом;

– управление управляющей организацией [4].

Согласно отраслевой статистике, наиболее распространенным способом управления МКД является управление управляющей организацией (данный способ выбирают на общих собраниях, проводимых в различных городах, примерно в 90 % случаях) [5, с. 182].

До 1992 года в России управление многоквартирными домами осуществлялось государственными и муниципальными предприятиями, а в настоящее время значительная доля управляющих организаций в муниципальных образованиях, в том числе и в Кемерово, – это коммерческие организации, уставной целью деятельности которых является получение прибыли.

Однако финансовое состояние данных организаций не является устойчивым, что подтверждают данные, полученные в результате анализа состояния ЖКХ в г. Кемерово.

Дебиторская задолженность в структуре активов у крупных управляющих компаний ежегодно составляет более 80 % (ООО УК «Жилищный трест Кировского района» (350 домов), ООО «УК «Жилищник» (192 дома), ООО УК «Радуга» (170 домов), ООО «Южный» (156 домов) и др.) (см. рис. 1).

Стоимость активов у ООО УК «Жилищный трест Кировского района» и ООО «УК «Жилищник» сократилась за последние 3 года более чем на 20 % (см. рис. 2).

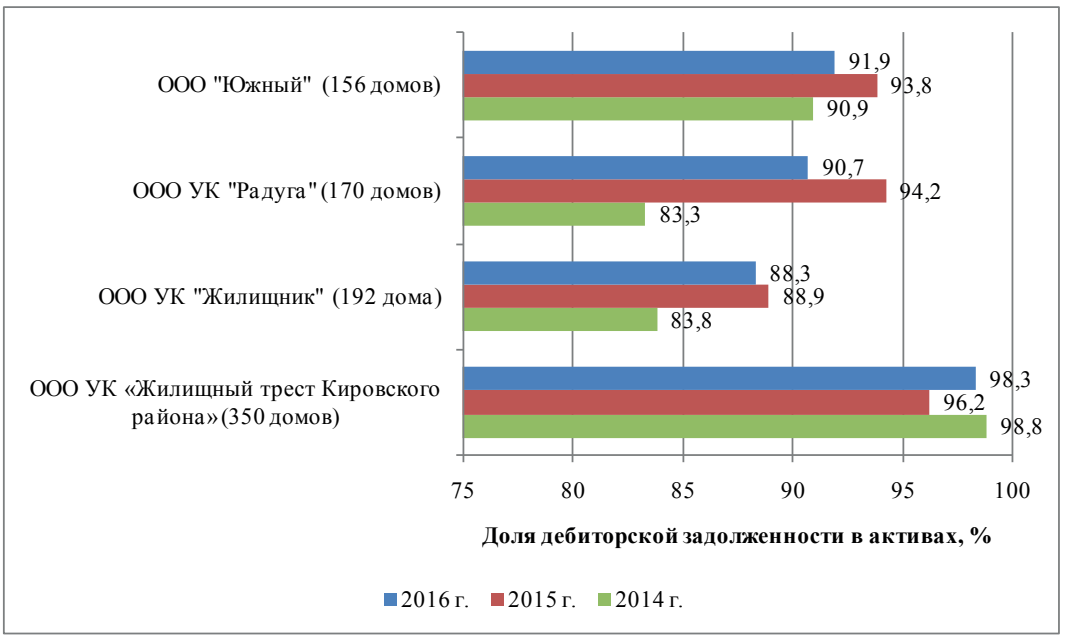

Рис. 1. ***Динамика доли дебиторской задолженности в структуре активов управляющих компаний г. Кемерово***
Fig. 1. ***Dynamics of the share of accounts receivable in the structure of assets of management companies in Kemerovo***

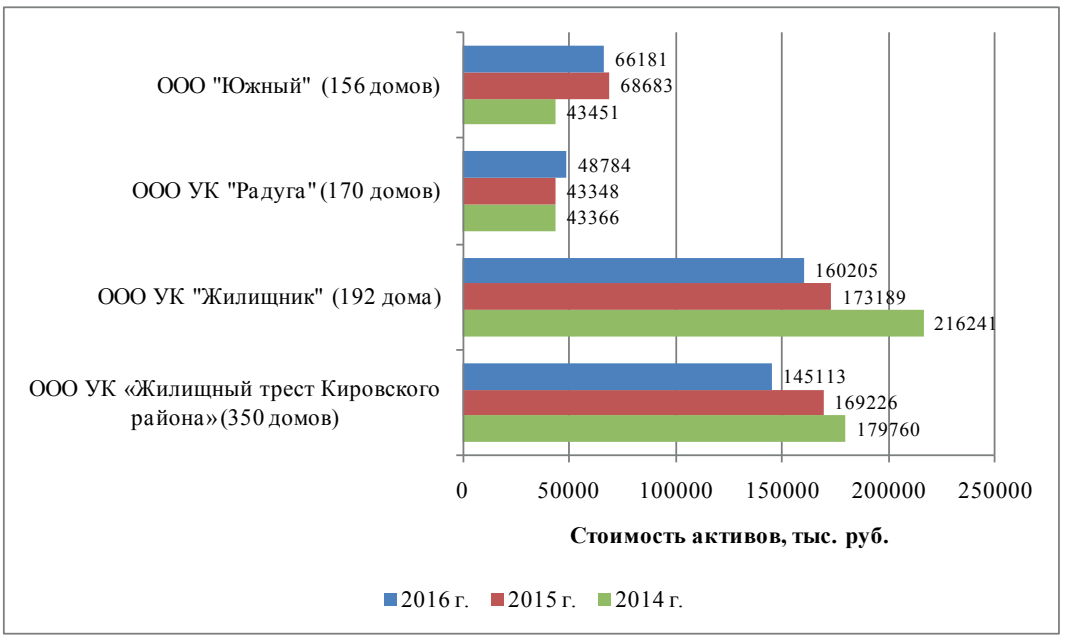

Рис. 2. ***Динамика стоимости активов управляющих компаний г. Кемерово***
Fig. 2. ***Dynamics of the value of assets of management companies in Kemerovo***

Рассчитанные на основании данных бухгалтерских балансов рассматриваемых организаций коэффициенты финансовой устойчивости значительно ниже нормативного значения (см. табл.).

Роль органов местного самоуправления на сегодняшний день заключается только в исполнении полномочий организационного плана, а также в реализации следующих муниципальных программ: «Жилищно-коммунальный комплекс города Кемерово» на 2015–2020 годы»; «Жилищная и соци-

Таблица. **Значения коэффициентов финансовой устойчивости**
Table. **Values of coefficients of financial stability**

Наименование УК	Коэффициент финансовой устойчивости (норма – 0,8 – 0,9)	Комментарий
ООО УК «Жилищный трест Кировского района»	$K_{фин.у} = \frac{стр.1300 + стр.1400}{стр.1700} = \frac{-2979+0}{145113} = -0,02$	Отсутствует собственный капитал, что свидетельствует о финансовой зависимости организации от потребителей ЖКУ
ООО «УК «Жилищник»	$K_{фин.у} = \frac{58426+0}{160205} = 0,4$	Доля собственного капитала организации в общей сумме источников доходов является низкой (ниже нормативного значения в 2 раза)
ООО УК «Радуга»	$K_{фин.у} = \frac{-4824+0}{48784} = -0,1$	Отсутствует собственный капитал, что свидетельствует о финансовой зависимости организации от потребителей ЖКУ
ООО «Южный»	$K_{фин.у} = \frac{6525+1805}{66181} = 0,1$	Доля собственного капитала организации в общей сумме источников доходов является очень низкой

альная инфраструктура города Кемерово» на 2015–2019 годы»; «Обеспечение жилыми помещениями отдельных категорий граждан на территории города Кемерово» на 2015–2019 годы»; «Переселение граждан города Кемерово из домов, признанных в установленном порядке аварийными и подлежащими сносу» на 2013– 2017 годы».

В структуре расходов бюджета на ЖКХ наибольшая доля приходится на коммунальные расходы и составляет ежегодно более 65 %, наибольшая часть которых – это расходы на дотирование ресурсоснабжающих организаций, т. е. те расходы, которые сложились в результате применения мер социальной поддержки населению при оплате ими коммунальных услуг [6–8].

Состояние ЖКХ в Кемерово в целом характеризуется положительной динамикой основных показателей, характеризующих развитие отрасли:

– ежегодно в г. Кемерово вводится более 200 тыс. м^2 многоквартирных жилых домов. В 2016 г. введено 291,2 тыс.м^2 многоквартирных жилых домов, что на 81,8 тыс. м^2 или на 40 % больше, чем в 2012 г.;

– удельный вес ветхого и аварийного жилищного фонда в общей площади всего жилищного фонда в 2015–2016 гг. составил 0,1 % и значительно сократился по сравнению с 2012–2013 гг. (1,9 %);

– полностью отремонтирована уличная газовая сеть.

Однако, несмотря на проводимую органами власти работу, имеют место следующие проблемы, препятствующие развитию отрасли в городе:

– значительная доля расходов бюджета города на дотирование ресурсоснабжающих организаций;

– низкая эффективность деятельности управляющих компаний и ТСЖ;

– многочисленные административные правонарушения со стороны управляющих компаний;

– несистемность работы с обращениями граждан по вопросам ЖКХ;

– ежегодно износ уличной канализационной и водопроводной сетей составляет более 40 %.

Подводя итог вышеизложенному, сделаем вывод, что переход к рыночным отношениям при сложившихся обстоятельствах не позволяет достигнуть стратегических целей развития г. Кемерово.

Решить данные проблемы представляется возможным только совершенствованием системы управления ЖКХ в городе. Одним из направлений совершенствования является создание муниципального бюджетного учреждения, выполняющего функции управляющей компании [9, с. 259]. Опыт других муниципальных образований является положительным: имеется практика создания как муниципальных учреждений и предприятий, так и организаций в форме ООО и ОАО со 100%-ной долей акций у муниципального образования (МУП «Муниципальная управляющая компания» (г. Березовский Кемеровской области), МП «Муниципальная управляющая компания Красноярская», муниципальное предприятие «Муниципальная управляющая компания «Правобережная» (г. Красноярск), МУП г. Рыбинск «Управляющая компания «Муниципальная», ГБУ «Жилищник» районов города Москвы, ОАО «Жилищник» (г. Смоленск), ООО «Муниципальная управляющая компания жилищно-коммунального хозяйства Кировского района» (г. Волгоград) и др.). Также имеется практика создания управляющих организаций, единственным учредителем которых являются муниципальные учреждения или предприятия: ООО «Чайковская муниципальная управляющая компания» в г. Чайковский Пермского края (учредитель – МУП Чайковского городского поселения «Чайковский коммунальные тепловые сети»), ООО «Управляющая компания Кемеровского рай-

она» (учредитель – МУП «Жилищно-коммунальное управление Кемеровского района») и др. [10].

Если в 2014 г. в г. Москва было создано 36 ГБУ «Жилищник» районов города, то на конец 2016 г. их количество составило 127 учреждений.

Увеличивается не только количество таких учреждений, но и количество домов, находящихся в их управлении. Например, за 3 года деятельности муниципальным предприятием «Муниципальная управляющая компания Красноярская» набрано в управление 245 домов общей площадью более 1 млн м^2.

Для создания МБУ «Муниципальная управляющая компания» города Кемерово необходимо не более 1,5 млн руб. на приобретение организационной техники и мебели, инвентаря для работников и оплату текущих расходов. Для осуществления деятельности данной организации могут быть использованы помещения, находящиеся в муниципальной собственности г. Кемерово. В качестве источника финансирования предлагается использовать средства резервного фонда местного бюджета.

Срок окупаемости зависит от ежемесячного дохода на 1 м^2, который, в свою очередь, зависит от технических характеристик дома и его территории. Оптимальный срок окупаемости управляющей организации – 10 мес.

Создание МБУ «Муниципальная управляющая компания» города Кемерово позволит обеспечить:

– систематизацию работы с обращениями граждан по вопросам предоставления ЖКУ;

– положительную динамику показателей деятельности учреждения;

– максимальную открытость и прозрачность деятельности учреждения;

– повышение качества ЖКУ.

Таким образом, создание МБУ «Муниципальная управляющая компания» города Кемерово является одним из способов достижения целей реформ в отрасли ЖКХ.

Литература

1. О порядке осуществления деятельности по управлению многоквартирными домами. Постановление Правительства РФ от 15.05.2013 № 416 (ред. от 25.12.2015) // Собрание законодательства РФ. 2013. № 21. Ст. 2652.

2. Косинский П. Д., Меркурьев В. В. Муниципальное управление и местное самоуправление: учебное пособие. Кемерово: КузГТУ, 2016. 265 с.

3. Лейбутина Е. В. К вопросу устойчивого развития сельских территорий промышленного региона // Современное общество, образование и наука: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции: в 9 ч. Тамбов: Консалтинговая компания Юком, 2014. Ч. 8. С. 65–69.

4. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ (ред. от 29.07.2017) (с изм. и доп., вступающими в силу с 01.01.2017) // Собрание законодательства РФ. 2005. № 1 (часть 1). Ст. 14.

5. Кирсанов С. А., Кюрджиев С. П., Хрипун В. И. Повышение эффективности предоставления жилищных и коммунальных услуг в России. Ростов-на-Дону: Издательство ЮРИФ РАНХИГС, 2013. 279 с.

6. Об исполнении бюджета города Кемерово за 2014 год. Решение Кемеровского городского Совета народных депутатов от 29 мая 2015 г. № 410 // Приложение «Официально» к газете «Кемерово». 2015. № 43.

7. Об исполнении бюджета города Кемерово за 2015 год. Решение Кемеровского городского Совета народных депутатов от 27 мая 2016 г. № 493 // Приложение «Официально» к газете «Кемерово». 2016. № 43.

8. Об исполнении бюджета города Кемерово за 2016 год. Решение Кемеровского городского Совета народных депутатов от 26 мая 2017 г. № 69 // Приложение «Официально» к газете «Кемерово». 2017. № 43.

9. Каратаев Е. М., Меркурьев В. В. Создание межмуниципальных учреждений в агломерациях городов как инструмент развития жилищно-коммунального хозяйства // Экономика и предпринимательство. 2016. № 12-2(77-2). С. 259–262.

10. Федеральная налоговая служба: сайт. Режим доступа: https://egrul.nalog.ru/ (дата обращения: 20.06.2016).

IMPROVING THE MANAGEMENT OF APARTMENT BUILDINGS IN THE MUNICIPALITY

***Eugene M. Karataev*[1, @1]**

[1] *T. F. Gorbachev Kuzbass State Technical University, 28, Vesennyaya St., Kemerovo, Russia, 650000*
[@] *mamin_sibiryk@rambler.ru*

Received 04.08.2017. Accepted 20.09.2017.

Keywords: budgetary institutions, municipal management company, apartment building management, financial stability, the problems of housing and communal services.

Abstract: The article explores the problems that interfere with the development of housing and communal services in Kemerovo.

The purpose of this study is to improve the system of management of apartment houses in the city of Kemerovo. The subject of the study is the city of Kemerovo and its system of apartment house management. To achieve the goal the following research methods have been used: analysis, synthesis, methods of comparison and generalization, computational method.

It was revealed that the commercial management companies of Kemerovo lack financial stability: the share of accounts payable in assets is high and amounts to more than 80 %, the value of assets has been reduced by more than 20 % over the last 3 years, the financial

stability coefficients are significantly lower than the normative value 0,8–0,9) and make no more than 0,4. Other problems in the development of housing and communal services in Kemerovo are: a significant share of the city budget expenditures for subsidizing resource-supplying organizations, numerous administrative offenses by management companies, and a high percentage of depreciation of street sewage and water supply networks (more than 40 %). It is noted that municipal management organizations established in other municipalities (Moscow, Krasnoyarsk, etc.) have a positive dynamics of the main performance indicators. The conclusion is made on the need to create a municipal budgetary institution «Municipal property management company» in Kemerovo.

For citation: Karataev E. M. Sovershenstvovanie upravlenija mnogokvartirnymi domami v municipal'nom obrazovanii [Improving the management of apartment buildings in the municipality]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences,* no. 2 (2017): 34–38.

References

1. O poriadke osushchestvleniia deiatel'nosti po upravleniiu mnogokvartirnymi domami [On the exercise of the activities of management of apartment houses]. Decree of the Government of the Russian Federation No. 416 of May 15, 2013 (as amended on December 25, 2015). *Sobranie zakonodatel'stva RF = Collected legislation of the Russian Federation*, no. 21 (2013): art. 2652.
2. Kosinskiy P. D., Merkuryev V. V. *Munitsipal'noe upravlenie i mestnoe samoupravlenie* [Municipal management and local government]. Kemerovo: KuzGTU, 2016, 265.
3. Leibutina E. V. K voprosu ustoichivogo razvitiia sel'skikh territorii promyshlennogo regiona [On the issue of sustainable development of rural areas in the industrial region]. *Sovremennoe obshchestvo, obrazovanie i nauka: sbornik nauchnykh trudov po materialam Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Modern society, education and science: Proc. Intern. Sc.-Prac. Conf.]. Tambov: Konsaltingovaia kompaniia Iukom, part 8 (2014): 65–69.
4. Zhilishchnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii ot 29.12.2004 № 188-FZ (red. ot 29.07.2017) (s izm. i dop., vstupaiushchimi v silu s 01.01.2017) [Housing Code of the Russian Federation No. 188-FZ of December 29, 2004 (as amended on July 29, 2012) (as amended and supplemented, effective from 01.01.2017)]. *Sobranie zakonodatel'stva RF = Collected legislation of the Russian Federation,* no. 1 (part 1) (2005): art. 14.
5. Kirsanov S. A., Kiurdzhiev S. P., Khripun V. I. *Povyshenie effektivnosti predostavleniia zhilishchnykh i kommunal'nykh uslug v Rossii* [Improving the efficiency of housing and communal services in Russia]. Rostov-on-Don: Izdatel'stvo IuRIF RANKhIGS, 2013, 279.
6. *Ob ispolnenii biudzheta* goroda Kemerovo za 2014 god [On the budget of the city of Kemerovo during 2014]. Decision of the Kemerovo City Council of People's Deputies of May 29, 2015 No. 410. *Prilozhenie «Ofitsial'no» k gazete «Kemerovo» = The app «Officially» to the newspaper «Kemerovo»,* no. 43 (2015).
7. Ob ispolnenii biudzheta goroda Kemerovo za 2015 god [On the budget of the city of Kemerovo during 2015]. Decision of the Kemerovo City Council of People's Deputies of May 27, 2016 No. 493. *Prilozhenie «Ofitsial'no» k gazete «Kemerovo» = The app «Officially» to the newspaper «Kemerovo»*, no. 43 (2016).
8. Ob ispolnenii biudzheta goroda Kemerovo za 2016 god [On the budget of the city of Kemerovo during 2016]. Decision of the Kemerovo City Council of People's Deputies of May 26, 2017 No. 69. P*rilozhenie «Ofitsial'no» k gazete «Kemerovo» = The app «Officially» to the newspaper «Kemerovo»*, no. 43 (2017).
9. Karataev E. M., Merkuryev V. V. Sozdanie mezhmunitsipal'nykh uchrezhdenii v aglomeratsiiakh gorodov kak instrument razvitiia zhilishchno-kommunal'nogo khoziaistva [The creation of inter-municipal institutions in Metropolitan areas of the cities as a tool for development of housing and communal services]. *Ekonomika i predprinimatel'stvo = Journal of Economy and entrepreneurship*, no. 12-2(77-2) (2016): 259–262.
10. *Federal'naia nalogovaia sluzhba* [The Federal tax service]. Available at: https://egrul.nalog.ru/ (accessed 20.06.2016).

УДК 338.242.4

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ КЛАСТЕРНОЙ ПОЛИТИКИ РЕГИОНА (НА ПРИМЕРЕ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ)

Альбина М. Киселева[1, @1], Анна Г. Бреусова[1, @2], Кирилл А. Самодинский[1, 2, @3]

[1] Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Россия, 644077, г. Омск, пр-т Мира, 55-а
[2] Министерство экономики Омской области, Россия, 644099, г. Омск, ул. Красный путь, 5
[@1] albkis@mail.ru
[@2] annabreusova@yandex.ru
[@3] kirillsamodi@gmail.com

Поступила в редакцию 01.09.2017. Принята к печати 05.10.2017.

Ключевые слова: кластер, кластерная политика, государственное регулирование, экономическая политика, Омская область.

**** Работа проводилась при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, Правительства Омской области, проекта № 17-12-55010 а(р).***

Аннотация: В качестве цели и задач исследования в статье было положено системное обоснование необходимости формирования структурной и содержательной базы кластерной политики в рамках движения регионов к кластероориентированной модели регионального экономического роста для обеспечения своей рыночной конкурентоспособности. В статье предложена структура и содержание концептуальных основ региональной кластерной политики, позволяющие выстроить алгоритм ее реализации. Авторы считают, что нормативно-правовое оформление концептуальных основ кластерной политики позволит обеспечить логичность и легитимность ее проведения. Структура концепции кластерной политики включает в себя направления, цели и задачи ее проведения, принципы и конечные показатели оценки эффективности, а также собственно механизм ее реализации. Механизм проведения региональной кластерной политики представлен в виде пяти элементов, логика выделения которых позволяет отразить единство концепции кластерной политики. Предложенные авторами концептуальные основы могут носить универсальный характер в практике применения региональными органами власти к разработке и проведению региональной кластерной политики.

Для цитирования: Киселева А. М., Бреусова А. Г., Самодинский К. А. Концептуальные основы кластерной политики региона (на примере Омской области) // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2017. № 2. С. 39–44.

Увеличение роли экономической интеграции и усиление конкурентной борьбы регионов за привлечение инвестиций на свою территорию, поиск новых эффективных подходов к организации территориальных экономических систем становятся важнейшей задачей органов власти субъектов РФ. Одним из таких процессов, активно внедряющихся в настоящее время в России, является выявление и стимулирование роста региональных кластеров как основных источников повышения конкурентоспособности региональной экономической системы.

Кластерный подход находит свое применение при анализе конкурентоспособности государства, региона, отрасли; как основа общегосударственной промышленной политики; при разработке программ регионального развития; как основа стимулирования инновационной деятельности; как основа взаимодействия большого и малого бизнеса [1]. P. G. Galvin считает, что кластерный подход должен рассматриваться как основа не только инновационной политики, но и политики экономического развития, политики процветания, конкурентной и промышленной политик [2, с. 281–285]. Поэтому переход от собственно промышленной и инвестиционной политик региона к их комплексному представлению на основе единой кластерной политики является актуальным шагом в формировании и развитии инновационной стратегии любого субъекта РФ и обеспечении его экономического роста.

В Омской области переход к кластероориентированной модели организации региональной экономики определен Стратегией социально-экономического развития Омской области до 2025 года, утвержденной Указом Губернатора Омской области от 24.06.2013 № 93. Развитие приоритетных кластеров обозначено как одно из основных направлений роста конкурентоспособности экономики Омской области [3]. Стратегия заложила активизацию работы по содействию формированию и развитию следующих приоритетных кластеров: нефтехимического, агробиотехнологического; высокотехнологичных компонентов и систем; лесопромышленного. В конце 2016 г. было заявлено о создании первого в России научно-промышленного кластера по использованию и переработке золошлаковых отходов [4], а в 2107 г. был презентован проект кластера социальных инноваций Омской области [5].

Процесс постепенного включения кластеров в инновационно-экономическую практику управления территорией требует концептуального оформления в виде кластерной политики. Такая потребность в концептуализации кластерной политики обусловлена необходимостью определения порядка взаимодействия основных акторов кластерной политики, интенсификации механизма государственно-частного партнерства, идентификации особенностей государственной поддержки кластеров как наиболее инвестиционно-привлекательных точек опережающего экономического роста. Разработка концептуальных основ должна быть обусловлена формированием базовых основ осуществления региональной кластерной политики в целях повышения конкурентоспособности экономики

Омской области и должна соотноситься со сроками реализации Стратегии социально-экономического развития региона. Концепция кластерной политики Омской области может выступить как единый нормативно-правовой акт, регулирующий отношения в сфере реализации кластероориентированного подхода к управлению региональной экономикой, определяющий цели и задачи кластерной политики, а также ее принципы, механизмы, сроки и этапы осуществления, прогноз ожидаемых результатов.

Изначально в рамках формирования концептуальных основ региональной кластерной политики необходимо определяться с направлениями ее реализации, которые найдут свое выражение в конкретных практических процедурах.

В качестве первого направления следует использовать идентификацию региональных кластеров. Это направление позволит определять комплексы отраслей с высокой степенью агрегации и с высоким уровнем межрегиональной специализации, выявлять кластеры и агломерации с признаками кластеров при помощи метода «снизу» (состав предприятий отрасли, межотраслевые связи и т. д.). Второе направление должно быть связано с обеспечением дружественной среды для формирования и развития кластеров, что включает в себя: систему стимулирования инноваций (в рамках национальной и региональной стратегии инновационного развития) и совершенствование инфраструктуры под нужды кластеров (особенно кадрового и научного обеспечения). Третье направление подразумевает меры по стимулированию спроса с одновременным поддержанием высокого уровня конкуренции между предприятиями-участниками кластера. Здесь следует говорить об организации выставок и ярмарок, развитии межрегиональных и внешнеэкономических контактов, маркетинговых исследованиях в интересах отрасли (включая территориальный маркетинг), организации независимого тестирования продукции. В качестве четвертого направления можно выделить процедуры стимулирования кооперации между отраслями кластера в рамках создания промышленных парков, организации встреч различного формата для обсуждения межотраслевой кооперации [6, с. 69–74].

В качестве целеполагания кластерной политики Омской области следует определить обеспечение высоких темпов экономического роста, модернизации и диверсификации экономики региона путем содействия формированию и развитию региональной кластерной системы. Для достижения заданной цели сформулированы следующие задачи кластерной политики:

1. Определение приоритетных направлений формирования и развития кластерной системы Омской области.

2. Формирование условий для эффективного развития кластеров Омской области, среди которых: выявление конкурентоспособных кластеров, разработка стратегий их развития, формирование инфраструктуры для повышения конкурентоспособности кластеров.

3. Разработка и совершенствование нормативно-правовой базы создания и эффективного функционирования кластероориентированной экономики региона.

4. Разработка системы мероприятий по оказанию государственной поддержки резидентам региональных кластеров, в том числе финансовой, методической, информационно-консультационной.

5. Формирование институциональных условий реализации кластерной политики Омской области, в частности создание эффективной системы управления ее реализацией.

6. Обеспечение эффективного взаимодействия акторов кластерной политики Омской области в рамках концепции «тройной спирали».

7. Создание благоприятных условий для стимулирования и реализации кластерных проектов и кластерных инициатив.

8. Формирование и реализация программ развития кадрового потенциала руководителей и сотрудников резидентов кластеров Омской области и структур управления реализацией кластерной политики региона.

9. Содействие развитию научного и инновационного потенциала резидентов региональных кластеров.

10. Обеспечение координации органов исполнительной власти Омской области с органами исполнительной власти РФ по вопросам организации кластерной политики региона.

11. Обеспечение взаимодействия органов исполнительной власти Омской области с органами местного самоуправления, бизнес-объединениями, институтами развития и иными заинтересованными организациями региона по вопросам проведения и совершенствования кластерной политики.

12. Проведение регулярного мониторинга качества реализуемой кластерной политики Омской области.

Концептуальные основы региональной кластерной политики должны содержать определенные принципы ее формирования и реализации, которые определят ее организованность и функциональность, зададут условия территориального управления и дальнейшего мониторинга. По мнению авторов, к ним могут быть отнесены следующие:

1. Принцип согласованности, представляющий собой активное взаимодействие структур управления региональной кластерной политикой с органами государственной власти РФ, иными органами государственной и муниципальной власти Омской области, институтами развития, инвесторами и представителями научной общественности региона, а также с резидентами (потенциальными резидентами) кластеров.

2 Принцип системности, отражающий единство и комплексность подходов к проведению кластерной политики с учетом приоритетов социально-экономического развития страны и региона, и в свою очередь интересов резидентов кластеров.

3. Принцип транспарентности, представленный как открытость, полнота и доступность информации об основных направлениях кластерной политики региона, о результатах ее реализации, о мерах государственной поддержки резидентов кластеров и практике их применения, о требованиях к вхождению в состав кластеров и возможностях выхода из состава кластеров, о возможностях и перспективах вложения инвестиций в реализацию кластерных проектов и кластерных инициатив.

4. Принцип демократичности и представительности, включающий в себя соблюдение процедур обеспечения равных прав и возможностей резидентов кластеров при получении мер государственной поддержки, при участии в разработке и корректировке стратегий развития кластеров.

5. Принцип эффективности, представляющий разработку и корректировку мероприятий по реализации кластерной политики Омской области на основании мониторинга качества реализуемой региональной кластерной политики.

6. Принцип добровольности, который подразумевает, что кластерные проекты и кластерные инициативы, как и предложения о создании новых кластеров в регионе, выдвигаются резидентами (потенциальными резидентами) кластеров на условиях инициативности, согласованности, хозяйственной самостоятельности.

7. Принцип конкуренции при получении мер государственной поддержки, учитывающий необходимость процедур конкурсного отбора для получения мер государственной поддержки на основе комплексной оценки кластерных проектов.

8. Принцип научности, отражающий учет последних достижений экономики, науки государственного управления и кластерного менеджмента, мнений авторитетных экспертов в области кластерной политики, научных рекомендаций федеральных и региональных органов государственной власти, институтов развития, научных и образовательных организаций.

Процесс реализации кластерной политики закладывается с учетом требований эффективности, что влечет применение необходимых механизмов, определяющих качественный и количественный аспекты управления кластерной политикой региона. В концептуальные характеристики кластерной политики следует заложить следующие механизмы управления. *Во-первых, механизм нормативно-правового обеспечения реализации кластерной политики на основе ее концептуального оформления.* Как было отмечено, концепция должна представлять собой региональный базовый нормативно-правовой акт, призванный регулировать все взаимоотношения в сфере кластерной политики. Это, в свою очередь, требует разработки и принятия на основе программно-целевого подхода необходимых нормативно-правовых актов, регулирующих отдельные аспекты осуществления кластерной политики в целях комплексного обеспечения ее реализации.

Во-вторых, механизм формирования оптимальной структуры управления реализацией кластерной политики региона. В Омской области существует необходимость в формировании четырехзвенной структуры управления реализацией региональной кластерной политики: органы государственной власти региона и его органы местного самоуправления, территории муниципальных образований которых участвуют в работе кластеров (например, лесопромышленный кластер области и муниципальные районы омского Севера: Усть-Ишимский, Тарский, Большеуковский, Тевризский и т. д.) [7], Центр кластерного развития Омской области, органы управления каждого создаваемого кластера и совещательные органы (советы по развитию кластеров).

Министерство экономики Омской области выступает в качестве органа исполнительной власти, который осуществляет координацию как региональной кластерной политики, так и резидентов кластеров. Для оптимизации взаимодействия всех акторов и непосредственной реализации предусмотренной концепцией мероприятий предполагается создание Центра кластерного развития Омской области как основного институционального субъекта региональной кластерной политики [8, с. 23]. Он должен обеспечить решение следующих задач:

1. Организационные задачи:

– выявление резидентов (потенциальных резидентов) кластеров;

– разработка прогнозов развития предприятий-резидентов кластера с использованием Форсайт-сессии для формирования дорожных карт разработки приоритетных технологий;

– оказание содействия организационному развитию кластеров Омской области;

– мониторинг состояния производственного, научно-инновационного, кадрового потенциала кластерной системы Омской области;

– разработка предложений по совершенствованию нормативно-правового регулирования в сфере деятельности резидентов кластеров Омской области;

– оказание содействия резидентам кластеров Омской области при получении мер государственной поддержки, при взаимодействии с иными акторами кластерной политики, институтами развития.

2. Программно-проектные задачи:

– разработка программ, планов и проектов развития кластеров Омской области, в том числе определение перспективных направлений для развития кластеров на территории региона [9];

– участие в разработке схем размещения производительных сил региональных кластеров;

– определение содержания и оценка совместных проектов резидентов кластера;

– разработка и сопровождение кластерных проектов и кластерных инициатив при активном участии резидентов кластеров Омской области, научных и образовательных организаций, иных заинтересованных лиц.

3. Кадровые задачи: организация подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров в интересах резидентов кластеров Омской области.

4. Информационные задачи:

– осуществление консультационного и информационно-коммуникационного сопровождения деятельности кластеров Омской области;

– организация конференций, семинаров и тренингов в интересах резидентов кластеров региона.

В каждом кластере создаются органы управления кластером (управляющая (специализированная) компания кластера) для организации эффективного управления кластером за счет содействия развитию резидентов кластера, повышению их конкурентоспособности. На этапе формирования кластеров функции управляющей (специализированной) компании кластеров могут выполняться Центром кластерного развития региона. Задачи, которые возлагаются на данную категорию субъекта, как правило, следующие:

а) организация эффективного взаимодействия между резидентами кластера, равно как и между кластером, органами власти и научными и образовательными организациями в рамках концепции «тройной спирали»;

б) усиление кооперации между резидентами кластера в рамках реализации кластерных проектов, разработки кластерных инициатив, формирования проектных команд;

в) сопровождение реализации и продвижения кластерных проектов и кластерных инициатив;

г) содействие продвижению продукции резидентов кластера на национальном и международном рынках;

д) разработка программ развития производственного, научно-инновационного, кадрового потенциала кластера.

В целях укрепления сотрудничества между акторами кластерной политики Омской области, координации кластерного менеджмента, решения оперативных вопросов развития кластеров может быть инициировано создание совещательных органов (советов по развитию кластеров). В состав таких советов могут входить представители региональных органов исполнительной власти, Центра кластерного развития региона, резидентов кластеров и иные заинтересованные лица.

В-третьих, механизм активизации внешних связей в рамках реализации кластерной политики Омской области, поскольку эффективная реализация региональной кластерной политики предполагает не только активное сотрудничество акторов кластерной политики, но и взаимодействие с внешними по отношению к кластерной системе контрагентами.

В первую очередь предполагается активизация взаимодействия по вопросам повышения эффективности проводимой кластерной политики с органами государственной власти РФ (Министерством экономического развития РФ, Министерством промышленности и торговли РФ и иными заинтересованными федеральными органами государственной власти), а также с институтами развития (ГК «Внешэкономбанк», ОАО «Российская Венчурная Компания», Фондом содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере, Российским фондом технологического развития, НИУ «Высшая школа экономики», Ассоциацией инновационных регионов России и другими).

Кроме того, приоритетным направлением развития кластерной системы является расширение присутствия продукции региональных кластеров на национальном и международном рынках. В связи с этим ставится задача по активизации международного и межрегионального сотрудничества Омской области в целях продвижения продукции региональных кластеров, что предполагает:

а) содействие налаживанию двусторонних связей как на уровне регионов, так и на уровне кластеров путем подписания документов о сотрудничестве (соглашений, меморандумов, протоколов), заключения договоров и контрактов, разработки совместных инвестиционных проектов в рамках задач развития кластерной системы Омской области;

б) реализацию мер экспортной поддержки для резидентов кластера;

в) разработку маркетинговых концепций кластеров Омской области, активизацию выставочно-ярмарочной и конгрессной деятельности в целях продвижения брендов кластеров Омской области.

В плане обмена опытом лучших практик важным направлением сотрудничества в рамках развития кластерной системы Омской области является организация межкластерного взаимодействия как в рамках Омской области, так и с кластерами других регионов РФ и иностранных государств. В рамках задачи повышения эффективности использования преимуществ географического положения с целью рассмотрения вопроса об организации трансграничных межрегиональных кластерных систем и формирования соответствующей совместной инфраструктуры (в частности, транспортно-логистической) для развития региональных кластеров особое внимание будет уделено сотрудничеству по вопросам реализации кластерной политики Омской области с граничащими регионами (Новосибирской, Тюменской и Томской областями, Павлодарской и Северо-Казахстанской областями Республики Казахстан).

В-четвертых, механизм финансово-инвестиционного, инфраструктурного и кадрового обеспечения реализации кластерной политики. В основе финансово-инвестиционного обеспечения реализации кластерной политики заложена активизация института государственно-частного партнерства в соответствии с Законом Омской области от 25.12.2014 № 1698-ОЗ «О государственно-частном партнерстве в Омской области» [10]. Инфраструктурное обеспечение должно обеспечивать решение таких задач, как создание и модернизацию инженерной, транспортно-логистической, энергетической, жилищной инфраструктуры с учетом задач развития кластерной системы Омской области; создание и оптимизацию деятельности объектов инновационной инфраструктуры: индустриальных парков, технопарков, центров прототипирования, центров коллективного пользования, бизнес-инкубаторов, центров коммерциализации знаний и трансфера технологий.

Стоит отметить, что в эпоху формирования экономики знаний человеческий капитал рассматривается в качестве одного из важнейших ресурсов, поэтому управление развитием кадрового потенциала имеет решающее значение для устойчивого роста кластеров. В связи с этим особое внимание в концептуальных основах кластерной политики региона должно уделяться программам развития кадрового потенциала, что предполагает решение следующих задач:

а) активное вовлечение образовательных организаций, расположенных на территории Омской области, в разработку и реализацию программ развития кадрового потенциала в соответствии с потребностями резидентов кластеров Омской области; участие образовательных организаций в заключении трехсторонних договоров на подготовку специалистов, прохождение ими практики и обязательную работу в течение определенного договором срока в организации, с которой заключен договор;

б) организация доступного и качественного непрерывного профессионального образования в сфере кластерной политики, регулярных программ повышения квалификации по кластерному менеджменту, широкое внедрение программ обучения в сфере кластерной политики в дистанционном режиме без отрыва от работы для руководителей и сотрудников структур управления кластерной политикой Омской области;

в) активизация задействования ресурса Президентской Программы подготовки управленческих кадров для организаций народного хозяйства РФ в целях развития кадрового потенциала кластерной системы региона;

г) привлечение ведущих специалистов в сфере кластерной политики к разработке и реализации образовательных программ и внедрение инновационных образовательных компонентов в практику обучения в сфере кластерной политики;

д) содействие развитию креативного потенциала кластерной системы Омской области.

В-пятых, механизм обратной связи, предполагающий решение задачи обеспечения коммуникационной и инфор-

мационной открытости проводимой кластерной политики Омской области за счет разработки коммуникационной платформы, проведения встреч представителей акторов кластерной политики региона, обеспечения новостной рассылки, создания базы данных о резидентах и внешних партнерах кластеров, веб-страниц кластеров Омской области.

Определение основных направлений и корректировка кластерной политики Омской области осуществляется с участием всех заинтересованных лиц в рамках цели, задач и принципов, которые закладываются концептуальной основой. Для оценки эффективности реализации концепции кластерной политики на основе кластероориентированной модели развития региональной экономики возможно выделить следующие основные индикаторы:

1. Количество реализованных в Омской области кластерных проектов.

2. Рост объемов производства продукции (выполнения работ, оказания услуг) резидентов кластеров Омской области.

3. Рост поступлений в региональный консолидированный бюджет от резидентов кластеров Омской области.

4. Увеличение удельного веса инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, работ, услуг, производимых резидентами кластеров региона.

5. Рост доли затрат на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы в общем объеме затрат резидентов кластеров Омской области.

6. Рост количества поданных резидентами кластеров региона заявок на патенты, полученных патентов, заключенных лицензионных соглашений.

7. Рост количества коммерциализированных технологий на основе совместных исследований, проведенных резидентами кластеров Омской области.

8. Рост объемов несырьевого и высокотехнологичного экспорта резидентов кластеров региона.

9. Рост объемов прямых российских и иностранных инвестиций в основной капитал резидентов кластеров Омской области, а также в кластерную инфраструктуру.

10. Увеличение стоимости основных фондов резидентов региональных кластеров.

11. Рост количества введенных в эксплуатацию объектов кластерной инфраструктуры.

12. Рост производительности труда резидентов региональных кластеров.

13. Увеличение доли внебюджетных источников финансирования реализации кластерных проектов.

Таким образом, реализация мероприятий, определяемых концепцией кластерной политикой, позволит экономике региона обеспечить:

– рост конкурентоспособности продукции резидентов региональных кластеров;

– увеличение присутствия продукции резидентов кластеров Омской области на национальном и международном рынках;

– развитие инновационного сектора экономики Омской области;

– стимулирование увеличения количества и повышения эффективности деятельности малых и средних предприятий в регионе;

– обеспечение комплексного социально-экономического развития и инвестиционной привлекательности региона.

В рамках универсальности предлагаемых индикаторов для оценки эффективности они могут быть использованы в любом субъекте РФ, который реализует кластероориентированный подход к развитию своей региональной экономики и проводит соответствующую кластерную политику.

Литература

1. Цихан Т. В. Кластерная теория экономического развития // Теория и практика управления. 2003. № 5. Режим доступа: http://subcontract.ru/docum/documshow_documid_168.html (дата обращения: 19.08.2017).

2. Galvin P. J. Local Government and Cluster-Related Innovation Policy: Two Industry Clusters in the City of Toronto. Thesis of dissertation. University of Exeter. 2011. 328 p. Режим доступа: http://hdl.handle.net/10036/3468 (дата обращения: 02.08.2017).

3. О Стратегии социально-экономического развития Омской области до 2025 года. Указ Губернатора Омской области от 24.06.2013 № 93 (ред. от 24.09.2015). Режим доступа: http://docs.pravo.ru/document/view/39743320/ (дата обращения: 02.08.2017).

4. Первый в России кластер по переработке золошлаков может появиться в Омске // Национальная ассоциация производителей и потребителей золошлаковых материалов. 09.12.2016. Режим доступа: http://zoloshlaki.ru/news/pervyj-v-rossii-klaster-po-pererabotke-zoloshlakov-mozhet-poyavitsya-v-omske/ (дата обращения: 10.05.2017).

5. В Омской области в 2017 году начнет действовать пилотный кластер социальных инноваций // Портал Правительства Омской области. 17.11.2016. Режим доступа: http://omskportal.ru/ru/government/News/2016/11/17/1479376522445.html (дата обращения: 06.09.2017).

6. Костенко О. В. Региональная кластерная политика: монография. Киров: ФГБОУ ВО Вятская ГСХА, 2016. 162 с.

7. Об утверждении Лесного плана Омской области. Указ Губернатора Омской области от 26.01.2009 № 10 (ред. от 18.11.2013). Режим доступа: http://docs.cntd.ru/document/943030113 (дата обращения: 02.08.2017).

8. Киселева А. В., Самодинский К. А. Кластерный подход в основе реализации стратегии социально-экономического развития муниципального района: перспективы и алгоритм внедрения // Ars Administrandi. 2014. № 2. С. 13–26.

9. Бреусова А. Г. Программный подход к формированию и развитию кластеров в Омской области // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. 2017. № 3. С. 34–39.

10. О государственно-частном партнерстве в Омской области. Закон Омской области от 25.12.2014 № 1698-ОЗ. Режим доступа: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/5500201412290011?index=0 (дата обращения: 02.08.2017).

THE CONCEPTUAL FRAMEWORK OF THE CLUSTER POLICY IN THE OMSK REGION

Albina M. Kiseleva[1, @1], Anna G. Breusova[1, @2], Kirill A. Samodinskiy[1, 2, @3]

[1] Dostoevsky Omsk State University, 55a, Mira Ave., Omsk, Russia, 644077
[2] Ministry of Economic Affairs of the Omsk Region, 5, Krasny Put St., Omsk, Russia, 644099
[@1] albkis@mail.ru
[@2] annabreusova@yandex.ru
[@3] kirillsamodi@gmail.com

Received 01.09.2017. Accepted 05.10.2017.

Keywords: cluster, cluster policy, government regulation, economic policy, Omsk region.

**** The work was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research, the Government of the Omsk Region, project No. 17-12-55010 a(p).***

Abstract: As the goal and the objectives of the study, the article features a systemic rationale for the need to form a structural and substantive basis for cluster policy within the framework of the movement of regions to a cluster-oriented model of regional economic growth to ensure their market competitiveness. The article defines a structure and content of the conceptual foundations of regional cluster policy, which makes it possible to build an algorithm for its implementation. The authors believe that the legal and regulatory framework for the conceptual basis of cluster policy will ensure the consistency and legitimacy of its conduct. The structure of the concept of cluster policy includes the directions, goals and objectives of its implementation, the principles and final indicators of the effectiveness evaluation, as well as the actual mechanism for its implementation. The mechanism for implementing regional cluster policy is presented in the form of five elements, the logic of which reflects the unity of the concept of cluster policy. The conceptual framework proposed by the authors may be universal in the practice of applying regional authorities to the development and implementation of regional cluster policy.

For citation: Kiseleva A. M., Breusova A. G., Samodinskiy K. A. Kontseptual'nye osnovy klasternoi politiki regiona (na primere Omskoi oblasti) [The Conceptual Framework of the Cluster Policy in the Omsk Region)]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences,* no. 2 (2017): 39–44.

References

1. Tsikhan T. V. Klasternaia teoriia ekonomicheskogo razvitiia [The cluster theory of economic development]. *Teoriia i praktika upravleniia = Theory and practice of management,* no. 5 (2003). Available at: http://subcontract.ru/docum/documshow_documid_168.html (accessed 19.08.2017).
2. Galvin P. J. *Local Government and Cluster-Related Innovation Policy: Two Industry Clusters in the City of Toronto.* Thesis of dissertation. University of Exeter. 2011, 328. Available at: http://hdl.handle.net/10036/3468 (accessed 02.08.2017).
3. *O Strategii sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia Omskoi oblasti do 2025 goda* [Strategy of socio-economic development of the Omsk region until 2025]. Decree of the Governor of the Omsk region of June 24, 2013 № 93 (Edited on September 24, 2015). Available at: http://docs.pravo.ru/document/view/39743320/ (accessed 02.08.2017).
4. *Pervyi v Rossii klaster po pererabotke zoloshlakov mozhet poiavit'sia v Omske* [The first cluster in Russia to process ash and slag can appear in Omsk]. 09.12.2016. Available at: http://zoloshlaki.ru/news/pervyj-v-rossii-klaster-po-pererabotke-zoloshlakov-mozhet-poyavitsya-v-omske/ (accessed 10.05.2017).
5. *V Omskoi oblasti v 2017 godu nachnet deistvovat' pilotnyi klaster sotsial'nykh innovatsii* [In the Omsk region in 2017, a pilot cluster of social innovations will start operating]. Available at: http://omskportal.ru/ru/government/News/2016/11/17/1479376522445.html (accessed 06.09.2017).
6. Kostenko O. V. *Regional'naia klasternaia politika* [Regional cluster policy]. Kirov: FGBOU VO Vyatskaya GSHA, 2016, 162.
7. *Ob utverzhdenii Lesnogo plana Omskoi oblasti* [On approval of the Forest plan Omsk region]. Decree of the Governor of the Omsk region of 26.01.2009 № 10 (Edited on 18.11.2013). Available at: http://docs.cntd.ru/document/943030113 (accessed 02.08.2017).
8. Kiseleva A. V., Samodinskiy K. A. *Klasternyi podkhod v osnove realizatsii strategii sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia munitsipal'nogo raiona: perspektivy i algoritm vnedreniia* [Cluster approach in the basis of realization of strategy of socio-economic development of municipal district: perspectives and algorithm implementation]. Ars Administrandi, no. 2 (2014): 13–26.
9. Breusova A. G. Programmnyi podkhod k formirovaniiu i razvitiiu klasterov v Omskoi oblasti [The programmatic approach to the formation and development of clusters in Omsk region]. V*estnik Omskogo universiteta. Seriia: Ekonomika = Herald of Omsk University. Series «Economy»*, no. 3 (2017): 34–39.
10. *O gosudarstvenno-chastnom partnerstve v Omskoi oblasti* [On public-private partnership in the Omsk region]. The law of the Omsk region of December 25, 2014 No. 1698-OZ. Available at: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/5500201412290011?index=0 (accessed 02.08.2017).

УДК 336.63

К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ ПОНЯТИЯ «СБЕРЕГАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ДОМАШНИХ ХОЗЯЙСТВ»: СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД

***Ирина В. Маратканова*[1, @]**

[1] *Новосибирский государственный университет экономики и управления, Россия, 630099, г. Новосибирск, ул. Каменская, 56*
[@] *maratkanova@inbox.ru*

Поступила в редакцию 30.09.2017. Принята к печати 24.10.2017.

Ключевые слова: сбережения, домашнее хозяйство, сберегательный потенциал домашних хозяйств, системный подход, системные свойства.

Аннотация: *Предмет.* Предметом исследования выступает сберегательный потенциал домашних хозяйств. Относительно малоисследованным и вместе с тем наболевшим как с академической, так и с практической точки зрения является вопрос о сущности сберегательного потенциала домашних хозяйств. Данный предмет является актуальным, поскольку сбережения домашних хозяйств, во-первых, выступают важным долгосрочным инвестиционным ресурсом для подъема реального сектора экономики, а во-вторых, являются индикатором материального благополучия домашних хозяйств и экономического роста региональной экономики в целом. Вследствие этого исследование теоретических аспектов сберегательного потенциала домашних хозяйств приобретает особую актуальность. *Цель работы.* Целью исследования является попытка раскрыть сущность сберегательного потенциала домашних хозяйств с позиций системного подхода. *Методология.* Применение системного подхода в комбинации с методами общенаучного познания и специальных методов (сравнительного анализа, структурирования, систематизации, классификации, сопоставления) позволило раскрыть теоретические аспекты сберегательного потенциала домашних хозяйств. *Результаты работы.* Проанализированы подходы к определению содержания понятия «сберегательный потенциал домашних хозяйств». Обоснована необходимость использования системного подхода к понятию мм«сберегательный потенциал домашних хозяйств». Раскрывается системная методология формирования сберегательного потенциала домашних хозяйств. Выработано авторское определение сберегательного потенциала домашних хозяйств с позиций системного подхода. *Выводы.* Проведенный анализ методологических подходов к исследованию содержания понятия «сберегательный потенциал домашних хозяйств» позволил выделить наряду с ресурсно-процессным и институциональным подходом – системный подход. Системный подход при исследовании сберегательного потенциала домашних хозяйств позволяет структурировать взаимосвязанные элементы системы. Эта взаимосвязь должна быть учтена при формировании мероприятий государственного регулирования экономики региона.

Для цитирования: Маратканова И.В. К вопросу о сущности понятия «сберегательный потенциал домашних хозяйств»: системный подход // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2017. № 2. С. 45–51.

В настоящий момент в регионах России наблюдается диспропорция между сбережениями домашних хозяйств и их реальном использовании в инвестиционной сфере. Согласно данным ВЦИОМ, в 2016 г. лишь 64 % членов домашних хозяйств осуществляли сбережения, но еще меньше могли их инвестировать [1]. Таким образом, значительная часть сбережений домашних хозяйств не вовлечена в процесс формирования инвестиционного капитала и не доходит до реального сектора экономики, а оседает на счетах банков или остается на руках у членов домашних хозяйств. Одна из причин данной проблемы – отсутствие комплексного методологического исследования в области оценки и управления сберегательным потенциалом домашних хозяйств (далее СПДХ), поэтому теоретическое исследование СПДХ является актуальной задачей. В этой статье мы остановимся на понятии и структуре СПДХ.

Проблемам сбережений уделяли внимание многие зарубежные ученые, среди которых: Дж. М. Кейнс, А. Маршалл, Д. Рикардо, А. Смит, И. Фишер, Дж. Хикс и др. Внимание отечественной науки к сбережениям домашних хозяйств было обращено сравнительно недавно. Так, научные исследования по вопросам теории и практики сбережений домашних хозяйств отражены в исследованиях: Г. В. Белеховой [2], Н. П. Боголюбовой [3–4], А. Я. Будряк [5], А. А. Каплун [6], И. В. Маратковой [7–9], М. И. Сабанеева [10], М. Ю. Сазыкиной [11–12], Ю. В. Седовой [13], Н. А. Чумаковой [14–15] и др. Проблемы «СПДХ» освещены в литературе значительно меньше: Т. Н. Даниловой и М. Н. Даниловой [16], Е. А. Калачевой [17], Т. С. Колесниковой [18], О. Г. Семенюта и Т. В. Гончаренко [19].

Заметим, что проблемы СПДХ затрагиваются многими исследователями и специалистами практиками, однако категориальный аппарат практически не находит отражения в научной литературе и научных исследованиях как в нашей стране, так и за рубежом. Выделим отечественные

работы, в которых данная проблема в какой-либо степени находила свое отражение.

Например, Е. А. Калачева под СПДХ понимает «сумму временно свободных или резервных денежных средств домашних хозяйств, которая включена или потенциально может быть вовлечена в процесс формирования инвестиционного капитала» [17, с. 15].

Примечательна позиция Т. С. Колесниковой, которая рассматривает СПДХ через синтез двух категорий: «финансовый потенциал» и «емкость рынка сбережений». Автор отмечает, что «синтезируя данные категории, можно ввести в оборот понятие СПДХ. Под ним понимается объем денежных средств, которые при существующих условиях домашнее хозяйство способно и склонно инвестировать в региональную экономическую систему» [18, с. 35].

Исследуя СПДХ, Т. Н. и М. Н. Даниловы предлагают рассматривать данное понятие с точки зрения институциональной теории и трактуют как «совокупность условий, влияющих на принятие сберегательных решений домохозяйством, направленных на повышение их благосостояния» [16, с. 19]. При этом авторы акцентируют свое внимание на то, что эффективность сберегательных решений домохозяйств в значительной степени определяется проводимой в стране сберегательной политикой» [16, с. 23].

Заслуживают внимания подходы О. Г. Семенюта и Т. В. Гончаренко. Исследуя данное понятие, они придерживаются точки зрения, что для определения СПДХ необходимо провести сравнение толкования двух категорий: «экономический» и «рыночный» потенциалы. В результате чего авторы приходят к выводу, что СПДХ «можно определить как совокупность всех средств, запасов, источников, которые могут быть использованы в виде сберегательных ресурсов для какой либо цели» [19, с. 73]. Однако далее авторы, подчеркивают, что такое определение не отвечает системному подходу и предлагают следующее экономическое содержание исследуемого понятия: «экономические отношения в части формирования и использования объемов денежных средств, которые при соответствующих условиях домашнее хозяйство способно и склонно инвестировать в экономическую систему» [19, с. 74]. Но авторами лишь упоминается о системном подходе, а описание фактического применения данного подхода к исследуемому понятию не приводится.

Подводя итог проведенному анализу, можно констатировать, что в настоящее время отсутствует общепринятый подход к содержанию понятия «СПДХ». Все имеющиеся подходы в научной литературе к раскрытию понятия «СПДХ» условно разделим на три основных подхода (рис. 1).

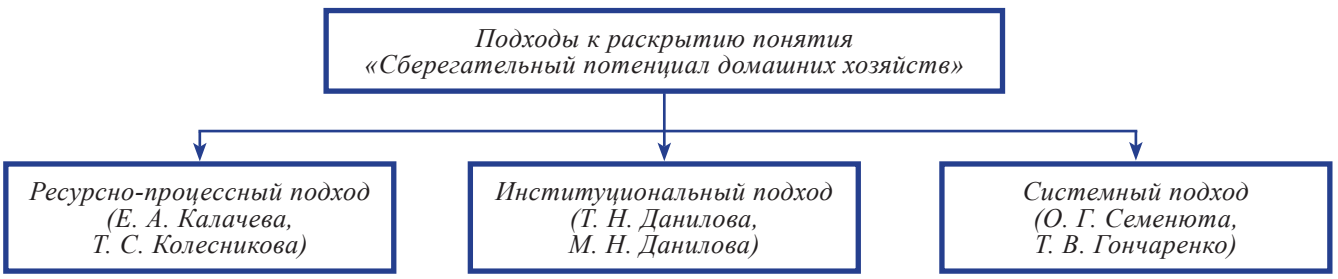

Рис. 1. ***Подходы к раскрытию понятия «Сберегательный потенциал домашних хозяйств»***
Fig. 1. ***Approaches to the concept of savings potential of households»***

Следует отметить, что ресурсно-процессный и институциональный подходы рассматривают СПДХ с какой-то определенной стороны, что также имеет рациональную основу и право на существование. Кроме того, ресурсная база является основой СПДХ, а количество ресурсов и эффективность их использования являются главными предпосылками развития СПДХ. Данные подходы позволяют рассматривать изучаемый объект только в плоскости единого измерения и не учитывается взаимосвязь между составляющими СПДХ, обеспечивающая синергетический эффект.

Серьезного внимания заслуживает системный подход, который позволит исследовать сущность и тенденции развития СПДХ, с множеством элементов, связей и отношений, выявить интегральные качества, как на уровне региона, так и всей страны. В итоге используя методику системного подхода можно всесторонне и целостно рассмотреть теоретический образ СПДХ.

Системный подход – это методологическое направление научного познания [20, с. 77], которое базируется на целостном видении исследуемых объектов, явлений или процессов.

Специфика системного подхода заключается в том, что мысль движется от целого к составным частям, от системы – к элементам, от сложного – к простому, и затем – к целому, определяя характер и специфику элементов и частей, входящих в состав данного целого [21, с. 22].

Таким образом, системный подход позволит раскрыть целостность объекта, выявить существенные элементы и многообразие связей между элементами, а также свести всю совокупность элементов в единую модель. Более того, рассматриваемый подход сегодня является общепризнанным, адекватным, действующим методом анализа и исследования любых сложных технических, политических, правовых, экономических, социальных, психологических и других систем. Системный подход способствует выявлению сущности, структуры и выполнению поиска новых концепций управления.

Под системой СПДХ мы будем понимать множество элементов, которые взаимодействуют и функционируют как единое целое. При этом каждый элемент СПДХ работает ради цели, стоящей перед системой в целом. Исследуемая система будет рассматриваться как единство внутренних связей между элементами и внешних связей с другими различными объектами или системами.

Вместе с тем под элементом в нашей системе мы будем понимать части (составляющие) системы, а под связью – то, что объединяет элементы и свойства в целое. При этом с системных позиций решающими являются не все связи

(отношения), а только значимые, которые определяют интегративные свойства системы. В свою очередь, интегративное свойство – это то новое качество, которое складывается при согласованном взаимодействии элементов связанных в структуру и которым элементы до этого не обладали. Совокупность связей и отношений между частичными элементами образуют структуру системы СПДХ.

С позиции системного подхода СПДХ можно представить в виде модели. Построение модели – наша следующая задача системного исследования СПДХ (рис. 2).

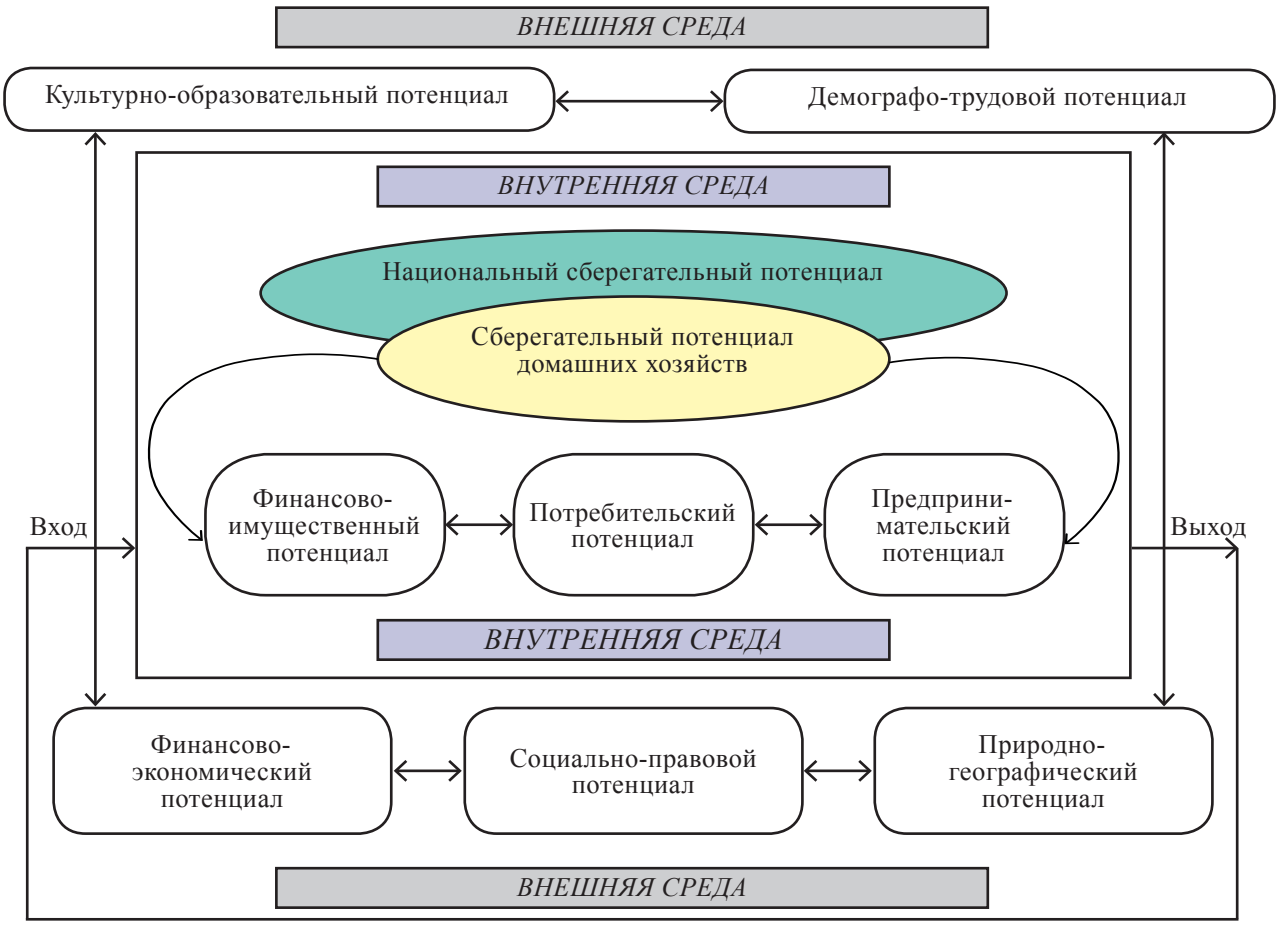

Рис. 2. ***Модель сберегательного потенциала домашних хозяйств***
Fig. 2. ***Model the saving potential of households***

В соответствии с методологией системного подхода первый шаг традиционно начинается с параметров «выхода» – это результат преобразования и взаимодействия входных параметров (увеличение СПДХ и инвестиций и, как следствие, рост производства, увеличение рабочих мест, повышение дохода от трудовой деятельности, расширение рынка товаров и услуг и, соответственно, экономический рост экономики региона).

На следующем шаге рассматривается система со стороны внешней среды, где она функционирует, т. е. условия, которые формируют непосредственные предпосылки готовности реализации СПДХ (например финансово-экономические или социально-правовые условия, такие как доходность финансового рынка, инфляция, налогообложение, развитие потребительского кредита, уровень жизни и др., оказывающие непосредственное влияние на СПДХ). Все факторы внешней среды системы СПДХ мы разделили на пять основных подсистем. Для нормального функционирования СПДХ как системе необходимо вовремя реагировать на изменения экономической, политической обстановки в регионе.

На третьем шаге рассматриваются компоненты «входа», т. е. исходный СПДХ. Затем устанавливаются параметры обратной связи – это показатели непосредственной ответной реакции домашних хозяйств и элементов системы на управляющие воздействия со стороны властей, которые могут быть воплощены в виде документации, информационных потоков и др. Завершающим шагом является исследование «внутренней структуры», где мы выделили три основные подсистемы. Внутренняя среда домашних хозяйств оказывает существенное влияние на СПДХ (например материальное положение семьи, уровень текущего потребления, демографические характеристики, опыт финансового поведения, социально-психологические установки членов домашних хозяйств). Зачастую домашние хозяйства со схожими ресурсами, функционирующими в одинаковых условиях внешней среды, получают различный конечный результат. Сравнение уровней СПДХ на «входе» и «выходе» позволяет судить о направленности и устойчивости развития СПДХ региона и об эффективности регионального управления.

Заметим, что в связи с неодинаковой степенью участия подсистем в деятельности системы необходимо заботиться о модернизации системы в целом и ее частей. Система СПДХ, как и любая другая система, имеет свой жизненный цикл, который переходит от стадии зарождения, через стадию становления и зрелости к своему преобразованию. Упущение момента своевременной модернизации системы приводит к нарастанию противоречий, которые ведут ее к кризису; другими словами, если система не развивается, она погибает, ее уничтожает среда.

При проектировании системы особое значение уделяется структуре, которая объединяет элементы в систему. Рассмотрим подходы авторов к структуре СПДХ.

Так, Е. А. Калачева отмечает, что «структура сберегательного потенциала может быть представлена совокупностью различных форм денежных сбережений домашних хозяйств (как организованных, так и неорганизованных)» [17, с. 15]. На наш взгляд, такая структура не соответствует сути СПДХ, т. к. это лишь формы денежных сбережений.

Несколько иных позиций на классификацию структурных элементов СПДХ, придерживаются М. Н. и Т. Н. Даниловы, которые в своей работе выделяют следующие составляющие [16, с. 19]: трудовой, институциональный, финансовый и потребительский потенциалы. Такая структура весьма полезна, потому что все представленные элементы в структуре СПДХ отражают сущность рассматриваемой категории.

Считаем, что при включении элементов в структуру СПДХ необходимо исходить из анализа факторов внутренней и внешней среды, а также учитывать взаимосвязь потенциалов, которые отличаются между собой теснотой связи (рис. 2).

Следовательно, при анализе факторов оказывающих влияние на СПДХ региона, и опираясь на опыт отечественных исследователей, мы выделили следующие укрупненные элементы (подсистемы):

1) внутренняя среда: финансово-имущественный потенциал (уровень доходов, накопленные активы и др.); потребительский потенциал (соотношение между потреблением и сбережением, кредиторская задолженность и др.); предпринимательский потенциал (уровень доходов от предпринимательской активности и др.);

2) внешняя среда: культурно-образовательный потенциал (образовательно-интеллектуальный уровень, уровень финансовой грамотности и т. д); демографо-трудовой потенциал (состав и возраст членов домашних хозяйств, наличие детей и пенсионеров, миграционное поведение, профессиональные знания, уровень квалификации, стаж работы); финансово-экономический потенциал (стабильность и устойчивость национальной денежной единицы, доходность финансового рынка, уровень развития финансовых рынков, институтов и инструментов); социально-правовой потенциал (обеспеченность домашних хозяйств региона благоустроенным жильем, уровень жизни домашних хозяйств); природно-географический потенциал (географическое положение, природно-климатические особенности, отраслевая направленность и специализация региона).

Каждый из представленных элементов определяет в какой-либо степени внутреннюю организацию всей целостной системы СПДХ региона. При этом элементы находятся в состоянии внутренней взаимосвязи друг с другом и изъятие любого из составляющих элементов влечет за собой существенные сбои. По мнению исследователя, в совокупности эти потенциалы больше суммы потенциалов всех составляющих элементов и характеризуют возможности региона в области развития СПДХ.

В связи с этим мы считаем целесообразным скорректировать определение данного понятия. СПДХ как экономическая категория – это система, интегрирующая сберегательные потенциалы всех имеющихся ресурсов и резервов домашних хозяйств (культурно-образовательных, демографо-трудовых, социально-правовых, финансово-имущественных, предпринимательских, потребительских и др.), эмерджентность которых обеспечивает вовлечение их в инвестиционный процесс с целью повышения благосостояния домашнего хозяйства и общества в целом.

При этом под экономическими ресурсами мы будем понимать возможности трансформации имеющихся средств и их источников в другие для повышения полезности их использования при достижении установленных целей, а резервы – это процесс накопления средств для достижения поставленной цели.

Таким образом, проведенный анализ методологических подходов к исследованию сущности СПДХ позволил выделить наряду с ресурсно-процессным и институциональным подходом – системный подход. Система СПДХ складывается под влиянием внутренних и внешних факторов, обладает интегративным свойством по отношению к составляющим элементам. Свойства системы СПДХ не присущи ее элементам в отдельности, а возникают благодаря интеграции этих элементов в единую, целостную систему. Управление системой СПДХ осуществляется государством с помощью налоговой, кредитной, правовой, инвестиционной, социальной институциональной и др. политик, вследствие которых изменяется величина СПДХ.

Литература

1. Рубль укрепляет тылы // ВЦИОМ. № 3174. 12.08.2016. Режим доступа: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115813 (дата обращения: 27.02.2017).

2. Белехова Г. В. О методологических подходах к исследованию сберегательного поведения населения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2015. № 1. С. 246–263.

3. Боголюбова Н. П. Сберегательное поведение домашних хозяйств: модели и факторы принятия решений // Вестник Поволжского государственного технологического университета. Серия: Экономика и управление. 2012. № 1. С. 32–44.

4. Боголюбова Н. П. Факторы распределения дохода домашних хозяйств на цели потребления и сбережений в условиях современной России: теоретический анализ // Фундаментальные исследования. 2016. № 3-3. С. 547–551.

5. Будряк А. Я. Денежные сбережения домашних хозяйств на разных этапах жизненного цикла // Научно-исследовательский финансовый институт. Финансовый журнал. 2014. № 1. С. 129–140.

6. Каплун А. А. Роль сбережений домашних хозяйств в развитии инвестиционного потенциала региона // Современные тенденции регионального развития: материалы II Международной научно-практической конференции. Ростов-на-Дону: Научно-исследовательский центр Экономики, математики и менеджмента, 2015. С. 31–37.

7. Маратканова И. В. Экономическая сущность и содержание сбережений домашних хозяйств // Наука сегодня: проблемы и перспективы развития: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции: в 3-х ч. / Научный центр «Диспут». Вологда: Маркер, 2015. Ч. 2. С. 75–81.

8. Маратканова И. В. Сбережения домашних хозяйств как источник инвестиций: тенденции и перспективы // Финансы и кредит. 2016. № 43. С. 28–45.

9. Маратканова И. В. Эволюция взглядов на сбережения: от первых представлений до А. Смита // Вестник Югорского государственного университета. 2016. № 4(43). С. 23–28.

10. Сабанеева М. И. Сбережения домашних хозяйств – внутренний источник инвестиций // Проблемы и перспективы развития финансов в условиях глобализации: сборник научных трудов по материалам международной очно-заочной научно-практической конференции / под общ. ред. Л. В. Вороновой. Ярославль: Ярославская государственная сельскохозяйственная академия, 2014. С. 36–40.

11. Сазыкина М. Ю. Роль сбережений домашних хозяйств в Российской экономике // Научное обозрение. 2014. № 12-1. С. 296–299.

12. Сазыкина М. Ю. Инвестиционный потенциал сбережений домашних хозяйств в условиях нестабильной внешней среды // Инновационные технологии управления социально-экономическим развитием регионов России: материалы VII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. В 2-х ч. Уфа: Институт социально-экономических исследований УНЦ РАН, 2015. Ч. 1. С. 225–230.

13. Седова Ю. В. Механизм трансформации сбережений в инвестиции // Российское предпринимательство. 2016. Т. 17. № 4. С. 555–572.

14. Чумакова Н. А., Мисютина А. И., Кобелева А. А. Сберегательное поведение домашних хозяйств в современных условиях развития экономики России // Теоретические и практические вопросы развития научной мысли в современном мире: сборник статей Международной научно-практической конференции / отв. ред. А. А. Сукиасян. Уфа: Аэтерна, 2015. С. 148–150.

15. Чумакова Н. А. Формирование сбережений домашними хозяйствами // Международная научно-практическая конференция по актуальным вопросам экономики и гуманитарных наук в 2015 году: материалы научно-практической конференции. 2015. С. 310–314.

16. Данилова Т. Н., Данилова М. Н. Институциональный аспект сберегательных решений населения // Финансы и кредит. 2006. № 12. С. 14–23.

17. Калачева Е. А. Формирование и функционирование регионального рынка индивидуальных сбережений: автореф. дис. … канд. экон. наук. Кемерово, 2005. 24 с.

18. Колесникова Т. С. Сберегательный потенциал населения региона: дис. … канд. экон. наук. Уфа, 2005. 160 с.

19. Семенюта О. Г., Гончаренко Т. В. Сберегательный потенциал и потенциал сбережений населения: анализ дефиниций // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2011. Т. 18. № 7-1. С. 72–76.

20. Блауберг И. В., Юдин Э. Г. Становление и сущность системного подхода. М.: Наука, 1973. 270 с.

21. Прангишвили И. В. Системный подход и общесистемные закономерности. М: СИНТЕГ, 2000. 528 с.

THE MATTER OF THE ESSENCE OF THE CONCEPT «THE SAVING POTENTIAL OF HOUSEHOLDS»: SYSTEM APPROACH

***Irina V. Maratkanova*[1, @]**

[1] *Novosibirsk State University of Economy and Management, 56, Kamenskaya St., Novosibirsk, Russia, 630099*
[@] *maratkanova@inbox.ru*

Received 30.09.2017. Accepted 24.10.2017.

Keywords: savings, household, savings capacity of households, system approach, system properties.

Abstract: *Subject.* The subject of the current research is the saving potential of households. The matter of the essence of the saving potential of households is relatively underexplored. At the same time, it remains a topical issue from the academic as well as from the practical point of view. The matter maintains its current importance because (1) household savings are an important long-term investment resource for the uplift of the real economy sector; (2) household savings are an indicator of material well-being of households and economic growth of the regional economy in general. As a result, the investigation of theoretic aspects of the saving potential of households acquires a special actuality.

Objectives. The purpose of the research work is the attempt to reveal the essence of the saving

potential of households from positions of system approach.
Methods. The appliance of the system approach in combination with methods of general scientific perception and special methods (comparative analysis, structuring, systematization, classification, comparison) allowed revealing the theoretic aspects of the saving potential of households.
Results. The paper analyses approaches to the definition of the concept «saving potential of households» available in scientific literature. It proves the need for a system approach to the concept «saving potential of households». The article also reveals a system methodology of formation of household saving potential. It demonstrates the system properties of household saving potential and offers a structure of the system of saving potential of households. The paper features the author's definition of household saving potential from positions of the system approach.
Conclusions. The analysis of the methodological approaches to the investigation of the content of the concept «saving potential of households» makes it possible to accentuate the system approach, alongside with the resource-process and institutional approach. The system approach to saving potential of households allows one to structure the interrelated elements of the system. This interrelation must be taken into consideration while shaping the state regulation measures of the regional economy.

For citation: Maratkanova I. V. K voprosu o sushchnosti poniatiia «sberegatel'nyi potentsial domashnikh khoziaistv»: sistemnyi podkhod [The Matter of the Essence of the Concept «The Saving Potential of Households»: System Approach]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences,* no. 2 (2017): 45–51.

References

1. Rubl' ukrepliaet tyly [Ruble strengthens the rear]. *VTsIOM = Russian Public Opinion Research Center*, no. 3174 (12.08.2016). Available at: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115813 (accessed 27.02.2017).
2. Belekhova G. V. O metodologicheskikh podkhodakh k issledovaniiu sberegatel'nogo povedeniia naseleniia [On methodological approaches to the study of savings behavior of the population]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz = Economic and social changes: facts, trends, forecast*, no. 1 (2015): 246–263.
3. Bogoliubova N. P. Sberegatel'noe povedenie domashnikh khoziaistv: modeli i faktory priniatiia reshenii [Savings behavior of households: models and decision-making factors]. *Vestnik Povolzhskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta. Seriia: Ekonomika i upravlenie = Bulletin of the Volga state University of technology. Series: Economy and management*, no. 1 (2012): 32–44.
4. Bogoliubova N. P. Faktory raspredeleniia dokhoda domashnikh khoziaistv na tseli potrebleniia i sberezhenii v usloviiakh sovremennoi Rossii: teoreticheskii analiz [Factors of income distribution of households on consumption and savings in modern Russia: theoretical analysis]. *Fundamental'nye issledovaniia = Fundamental research*, no. 3-3 (2016): 547–551.
5. Budriak A. Ia. Denezhnye sberezheniia domashnikh khoziaistv na raznykh etapakh zhiznennogo tsikla [Cash savings of households at different stages of the life cycle]. *Nauchno-issledovatel'skii finansovyi institut. Finansovyi zhurnal = Scientific-research financial Institute. Financial journal,* no. 1 (2014): 129–140.
6. Kaplun A. A. Rol' sberezhenii domashnikh khoziaistv v razvitii investitsionnogo potentsiala regiona [The Role of household savings in the development of investment potential of the region]. *Sovremennye tendentsii regional'nogo razvitiia: materialy II Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Current trends in regional development: Proc. II Intern. Sc.-Prac. Conf.]. Rostov-on-Don: Nauchno-issledovatel'skii tsentr Ekonomiki, matematiki i menedzhmenta, 2015, 31–37.
7. Maratkanova I. V. Ekonomicheskaia sushchnost' i soderzhanie sberezhenii domashnikh khoziaistv [The economic essence and content of household savings]. *Nauka segodnia: problemy i perspektivy razvitiia: sbornik nauchnykh trudov po materialam Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Science today: problems and development prospects: Proc. Intern. Sc.-Prac. Conf.]. Vologda: Marker, part 2 (2015): 75–81.
8. Maratkanova I. V. Sberezheniia domashnikh khoziaistv kak istochnik investitsii: tendentsii i perspektivy [Households savings as a source of investment: trends and prospects]. *Finansy i kredit = Finance and credit*, no. 43 (2016): 28–45.
9. Maratkanova I. V. Evoliutsiia vzgliadov na sberezheniia: ot pervykh predstavlenii do A. Smita [The evolution of views on savings: from the first ideas to Adam Smith]. *Vestnik Iugorskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Ugra state University*, no. 4(43) (2016): 23–28.
10. Sabaneeva M. I. Sberezheniia domashnikh khoziaistv – vnutrennii istochnik investitsii [Household Saving as an internal source of investment]. *Problemy i perspektivy razvitiia finansov v usloviiakh globalizatsii: sbornik nauchnykh trudov po materialam mezhdunarodnoi ochno-zaochnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Problems and prospects for the development of finance in the context of globalization: Proc. Intern. internally-correspondence Sc.-Prac. Conf.]. Ed. Voronova L V. Iaroslavl': Iaroslavskaia gosudarstvennaia sel'skokhoziaistvennaia akademiia, 2014, 36–40.
11. Sazykina M. Iu. Rol' sberezhenii domashnikh khoziaistv v Rossiiskoi ekonomike [The role of household savings in the Russian economy]. *Nauchnoe obozrenie = Scientific review*, no. 12-1 (2014): 296–299.
12. Sazykina M. Iu. Investitsionnyi potentsial sberezhenii domashnikh khoziaistv v usloviiakh nestabil'noi vneshnei sredy [Investment potential of household savings in the conditions of unstable external environment]. *Innovatsionnye tekhnologii*

upravleniia sotsial'no-ekonomicheskim razvitiem regionov Rossii: materialy VII Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem [Innovative technologies of management of socio-economic development of Russian regions: Proc. VII All-Russian Sc.-Prac. Conf. with Intern. participation]. Ufa: Institut sotsial'no-ekonomicheskikh issledovanii UNTs RAN, Part 1 (2015): 225–230.

13. Sedova Iu. V. Mekhanizm transformatsii sberezhenii v investitsii [The mechanism of transformation of savings into investments]. *Rossiiskoe predprinimatel'stvo = Russian Entrepreneurship,* 17, no. 4 (2016): 555–572.

14. Chumakova N. A., Misiutina A. I., Kobeleva A. A. Sberegatel'noe povedenie domashnikh khoziaistv v sovremennykh usloviiakh razvitiia ekonomiki Rossii [Savings behavior of households in modern conditions of development of Russian economy]. *Teoreticheskie i prakticheskie voprosy razvitiia nauchnoi mysli v sovremennom mire: sbornik statei Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Theoretical and practical issues of the development of scientific thought in the modern world: Proc. Intern. Sc.-Prac. Conf.]. Ed. Sukiasian A. A. Ufa: Aeterna, 2015, 148–150.

15. Chumakova N. A. Formirovanie sberezhenii domashnimi khoziaistvami [The formation of savings by households]. *Mezhdunarodnaia nauchno-prakticheskaia konferentsiia po aktual'nym voprosam ekonomiki i gumanitarnykh nauk v 2015 godu: materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii* [International scientific-practical conference on topical issues of economics and humanities in 2015: Proc. Sc.-prac. Conf.]. 2015, 310–314.

16. Danilova T. N., Danilova M. N. Institutsional'nyi aspekt sberegatel'nykh reshenii naseleniia [The institutional aspect of the savings decisions of the population]. *Finansy i kredit = Finance and credit*, no. 12 (2006):14–23.

17. Kalacheva E. A. *Formirovanie i funktsionirovanie regional'nogo rynka individual'nykh sberezhenii.* Avtoref. diss. kand. ekon. nauk [The Formation and functioning of the regional market individual savings. Cand. ekon. Sci. Diss. Abstr.]. Kemerovo, 2005, 24.

18. Kolesnikova T. S. *Sberegatel'nyi potentsial naseleniia regiona.* Diss. kand. ekon. nauk [Savings potential of the population of the region. Cand. ekon. Sci. Diss.]. Ufa, 2005, 160.

19. Semenyuta O. G., Goncharenko T. V. Sberegatel'nyi potentsial i potentsial sberezhenii naseleniia: analiz definitsii [Savings and potential savings: analysis of definitions]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Istoriia. Politologiia = Bulletin of Belgorod state University. Series: History. Political science*, 8, no. 7-1 (2011): 72–76.

20. Blauberg I. V., Yudin E. G. *Stanovlenie i sushchnost' sistemnogo podkhoda* [Formation and essence of system approach]. Moscow: Nauka, 1973, 270.

21. Prangishvili I. V. *Sistemnyi podkhod i obshchesistemnye zakonomernosti* [System approach and system-wide patterns]. Moscow: SINTEG, 2000, 258.

УДК 331.5

КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД К ОЦЕНКЕ СИТУАЦИИ НА РЫНКЕ ТРУДА

Лариса Г. Миляева[1, @]

[1] *Бийский технологический институт (филиал) ФГБОУ ВО «Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова», Россия, 659305, г. Бийск, ул. им. Героя Советского Союза Трофимова, 27*
[@] *Lgm17@mail.ru*

Поступила в редакцию 04.09.2017. Принята к печати 13.10.2017.

Ключевые слова: локальный рынок труда, социально-статистическая оценка, интегральный подход, методический инструментарий.

Аннотация: В статье акцентирована социально-экономическая значимость адекватной диагностики ситуации на рынке труда, выступающей индикатором напряженности/благополучности в обществе; обозначены недостатки имеющихся подходов к оценке ситуации, не отличающихся комплексностью, как правило, ограничивающихся либо анализом статистических показателей, либо типологическим анализом безработных клиентов государственных и/или частных служб занятости. Предложена оригинальная методика комплексной социально-статистической оценки ситуации на рынке труда, информационную базу которой формируют два типа источников: отчетно-статистическая информация центра занятости населения и материалы выборочного социологического опроса ищущих работу. Ключевым диагностируемым показателем предложенной методики выступает уровень ситуации на рынке труда, гипотетически меняющийся в нормированном диапазоне от 0,20 до 1,00, позволяющий диагностировать пять типов ситуаций: идеальную, благополучную, нормальную, проблемную, критическую. В статье предложена карта экспертных оценок параметров, характеризующих ситуацию на локальном рынке труда; представлен пошаговый алгоритм реализации методики, проиллюстрированный на условном примере. Акцентирован инновационный характер представленной методики; обоснована правомерность ее тиражирования в профильных изданиях.

Для цитирования: Миляева Л. Г. Комплексный подход к оценке ситуации на рынке труда // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2017. № 2. С. 52–57.

Не секрет, что одним из индикаторов социально-экономической напряженности/благополучности в обществе выступает ситуация на рынке труда. На уровне муниципалитетов она фиксируется городскими службами занятости населения (СЗН) в форме типовой статистической отчетности, аккумулирующей ряд известных показателей, таких как: уровень регистрируемой безработицы, половозрастной и/или профессионально-квалификационный состав клиентов, коэффициент напряженности и т.д. Представляется, что основными недостатками отмеченного подхода выступают: 1) разобщенность анализируемых показателей, затрудняющая комплексную оценку ситуации (например, уровень безработицы может снижаться, а коэффициент напряженности расти или наоборот и т. д.); 2) отсутствие показателя, отражающего социально-психологический настрой безработных и в итоге формирующего социально-психологический климат на локальном (городском) рынке труда. Исследования ученых также не отличаются комплексностью, поскольку либо сводятся к диагностике ситуации по результатам анализа отмеченных выше статистических показателей, либо ограничиваются типологическим анализом безработных, базирующимся на обобщении результатов целевых опросов клиентов государственных и/или частных служб занятости. При этом слагаемыми портрета «типового клиента», как правило, выступают: пол; возраст; уровень образования; склонность к переобучению; трудовой стаж; функциональная гибкость; межпрофессиональная мобильность; причина увольнения с последнего места работы; приоритетные условия возобновления трудоустройства; приемлемый уровень заработной платы (по отношению к величине прожиточного минимума); приоритетные сферы (области) профессиональной деятельности; индивидуальный трудовой потенциал (по самооценке); уровень требований, предъявляемых к вакансиям; отличительные поведенческие признаки на рынке труда и т. д. [1, с. 36].

По результатам анализа профильной литературы, посвященной исследованию проблематики российского рынка труда, правомерно заключить, что усилия ученых были сконцентрированы на таких аспектах, как:

– уточнение сущностных аспектов и понятийного аппарата [2–4];

– анализ тенденций и прогнозирование ситуации [5–10];

– анализ частных аспектов функционирования рынка труда [11–13];

– анализ причинно-следственных связей безработицы [14–15].

К сожалению, проблематика усовершенствования методического инструментария анализа ситуации на локальном рынке труда осталась без внимания исследователей. Даже немногочисленные тематические публикации, например [7], ограничивались прикладными вопросами.

Отмеченные обстоятельства подчеркивают настоятельную потребность в разработке профильной методики, ориентированной на комплексный социально-статистический подход к диагностике ситуации на рынке труда.

Попыткой внести посильную лепту в решение обозначенной проблемы выступает методика интегральной социально-статистической оценки ситуации на локальном рынке труда, визитная карточка которой представлена в таблице 1.

Таблица 1. **Визитная карточка методики комплексной социально-статистической оценки ситуации на рынке труда**
Table 1. **The business card of the technique of complex social and statistical labor market assessment**

Параметры	Характеристики параметров
Вид методики	Универсальная (для любого локального рынка труда)
Тип методики	Количественного типа
Информационная база	Отчетно-статистическая информация ЦЗН, материалы выборочного социологического опроса безработных клиентов ЦЗН
Диагностируемый показатель	Уровень ситуации на рынке труда ($У_{РТ}$), гипотетически меняющийся в диапазоне от 0,20 до 1,00, позволяющий диагностировать: *идеальную ситуацию при $У_{РТ}$: от 0,95 до 1,00;* *благополучную ситуацию при $У_{РТ}$: от 0,80 до 0,95;* *нормальную ситуацию при $У_{РТ}$: от 0,63 до 0,80;* *проблемную ситуацию при $У_{РТ}$: от 0,37 до 0,63;* *критическую ситуацию при $У_{РТ}$: от 0,20 до 0,37.*

Алгоритм интегральной социально-статистической оценки ситуации на локальном рынке труда предполагает последовательное выполнение 6 этапов.

1. ***Первый этап*** – обоснование перечня параметров, в совокупности характеризующих ситуацию на локальном (городском) рынке труда.

Для комплексной оценки ситуации предлагается перечень из 5 параметров:

– неструктурированный коэффициент напряженности на рынке труда ( );

– коэффициент напряженности на рынке труда, структурированный по профессионально-квалификационному составу безработных ($K_H^{ПК}$);

– уровень регистрируемой безработицы ($У_Б^{РЕГ}$);

– уровень безработицы по методологии МОТ – международной организации труда ($У_Б^{МОТ}$);

– уровень социально-психологического состояния безработных клиентов государственных служб занятости ($У_Б^{СПС}$).

Представляется, что несколько диагностируемых показателей ($K_H^{НС}$, $K_H^{ПК}$, $У_Б^{СПС}$) требуют пояснения.

Неструктурированный коэффициент напряженности на рынке труда ($K_H^{НС}$), показывающий, какое число незанятых трудовой деятельностью граждан, состоящих на учёте в службе занятости, приходится на одну заявленную предприятиями вакансию, по сути, определяющий соотношение совокупного спроса и совокупного предложения на рабочую силу, относится к числу отчетно-статистических показателей СЗН. Данный коэффициент имеет весьма формализованный характер, поскольку не учитывает профильного спроса и профильного предложения на рабочую силу. Для устранения отмеченного недостатка и повышения объективности (достоверности) оценки предлагается использовать второй (структурированный) коэффициент напряженности.

В контексте с последним из отмеченных обстоятельств правомерно подчеркнуть, что принятая в службах занятости населения укрупненная классификация безработных клиентов включает 9 профессионально-квалификационному групп:

– руководители (представители) органов власти и управления всех уровней, включая руководителей учреждений, организаций и предприятий;

– специалисты высшего уровня квалификации;

– специалисты среднего уровня квалификации;

– служащие, занятые подготовкой информации, оформлением документации, учетом и обслуживанием;

– работники сферы обслуживания, жилищно-коммунального хозяйства, торговли и родственных видов деятельности;

– квалифицированные работники сельского, лесного, охотничьего хозяйств, рыбоводства и рыболовства;

– квалифицированные рабочие крупных и мелких промышленных предприятий, художественных промыслов, строительства, транспорта, связи, геологии и разведки недр;

– операторы, аппаратчики, машинисты установок и машин и слесари-сборщики;

– неквалифицированные рабочие.

Структурированный коэффициент напряженности на рынке труда ($K_H^{ПК}$) представляет средневзвешенное значение частных (по конкретным ПКГ – профессионально-квалификационным группам) коэффициентов напряженности:

$$K_H^{НС} = \sum_{i=1}^{n} (K_{H,i}^{ПК} \times d_1),$$

где $K_{H,i}^{ПК}$ – частный, по конкретной (i-й) профессионально-квалификационной, коэффициент напряженности;

d_1 – относительная значимость частных коэффициентов напряженности (в долях единицы), определяемая экспертным путем (ведущими специалистами СЗН).

Уровень социально-психологического самочувствия безработных ($У_Б^{СПС}$) предлагается оценивать по совокупности трех критериев, выявляемых по результатам социологического опроса (выборочного анкетирования):

1) конкурентоспособность на рынке труда (К);
2) самочувствие на рынке труда (С);
3) ожидание трудоустройства (ОТ).

Безусловно, предлагаемый подход носит субъективный характер, поскольку каждый из параметров диагностируется по самоощущению респондентов посредством выбора соответствующего варианта ответа.

Приведем фрагмент анкеты безработного клиента службы занятости населения: «Отметьте вариант ответа, в большей степени соответствующий Вашему социально-психологическому самочувствию на рынке труда (если затрудняетесь в выборе между двумя соседними вариантами, отметьте оба)»:

А) конкурентоспособность (К) – высокая; самочувствие на рынке труда (С) – уверенное; ожидание трудоустройства (ОЖ) – в ближайшее время;

Б) конкурентоспособность (К) – средняя; самочувствие на рынке труда (С) – уверенное; ожидание трудоустройства (ОЖ) – в ближайшее время;

В) конкурентоспособность (К) – средняя; самочувствие на рынке труда (С) – удовлетворительное; ожидание трудоустройства (ОЖ) – в приемлемые сроки;

Г) конкурентоспособность (К) – средняя; самочувствие на рынке труда (С) – неуверенное; ожидание трудоустройства (ОЖ) – в приемлемые сроки;

Д) конкурентоспособность (К) – низкая; самочувствие на рынке труда (С) – неуверенное; ожидание трудоустройства (ОЖ) – в неопределенные сроки.

Подчеркнем, что идентификация по описательным характеристикам обозначенных вариантов (от «А» до «Д») представлена в таблице 2.

2. ***Второй этап*** – разработка карты экспертных оценок параметров диагностики ситуации на локальном рынке труда, базирующаяся на использовании пяти уровневых градаций номограммы Харрингтона (табл. 2). К экспертизе, как правило, привлекаются наиболее квалифицированные и опытные работники службы занятости населения, владеющие достоверной информацией об исследуемом локальном рынке труда.

Таблица 2. **Карта экспертных оценок параметров, характеризующих ситуацию на локальном рынке труда (условный пример)**
Table 2. **The card of expert estimates of the parameters characterizing a local labor market situation (a tentative example)**

Параметры (условное обозначение)	Относительная значимость параметров (d_i)	Уровень ситуации на рынке труда ($У_{РТ}$)				
		0,20	0,37	0,63	0,80	1,00
$К_Н^{НС}$	0,15	3,5	2,5	1,5	1,0	0,2
$К_Н^{ПК}$	0,30	4,0	3,2	2,5	1,7	1,0
$У_Б^{РЕГ}$	0,20	4,0	2,5	1,7	0,7	0,1
$У_Б^{МОТ}$	0,25	4,7	4,0	3,5	2,2	1,5
$У_Б^{СПС}$	0,10	«Д»	«Г»	«В»	«Б»	«А»

3. ***Третий этап*** – сбор анализируемой информации (табл. 3).

4. ***Четвертый этап*** – расчет частных (по диагностируемым параметрам) и интегрального уровня ситуации на локальном рынке труда (табл. 3).

5. Пятый этап – идентификация ситуации на рынке труда (табл. 1).

Представляется, что сложившуюся ситуацию (=0,73) правомерно позиционировать как нормальную.

6. Шестой этап – выявление проблемных моментов и обоснование адресных рекомендаций, нацеленных на их нормализацию.

Очевидно, что в условном иллюстрационном примере (табл. 3) все выявленные параметры находятся в пределах допустимого интервала (табл. 1), не требующего экстренной корректировки. Между тем для выявления причин недостаточно благополучного социально-психологического климата СЗН правомерно рекомендовать проведение дополнительных социологических исследований безработных клиентов с использованием специальных методик [16–18].

В заключение необходимо подчеркнуть, что представленная методика, безусловно, отличающаяся инновационным подходом к оценке ситуации на локальном рынке труда, заслуживает тиражирования в профильных изданиях.

Таблица 3. **Комплексная социально-статистическая оценка ситуации на локальном рынке труда (условный пример)**
Table 3. **Complex social and statistical assessment of the local labor market situation (a tentative example)**

Условное обозначение показателей	Тип показателя	Относительная значимость (d_1)	Значение показателя	Уровни ситуации на рынке труда
$К_{Н}^{НС}$	отчетно-статистический	0,15	1,5	0,63
$К_{Н}^{ПК}$	статистический	0,30	1,7	0,80
$У_{Б}^{РЕГ}$	отчетно-статистический	0,20	0,7	0,80
$У_{Б}^{МОТ}$	статистический	0,25	3,5	0,63
$У_{Б}^{СПС}$	социальный	0,10	«Б-В»	0,72
Итого	–	1,00	–	0,73

Интегральный уровень ситуации на рынке труда:

$У_{РТ}$ = 0,63 x 0,15 + 0,80 x 0,30 + 0,80 x 0,20 0,63 x 0,25 + 0,72 x 0,10 = 0,73.

Литература

1. Миляева Л. Г., Подольная Н. П. Государственные и частные структуры, содействующие занятости на локальном рынке труда // Человек и труд. 2003. № 5. С. 33–36.
2. Цветкова Г. С. К вопросу о позиционировании локального рынка // Вестник Оренбургского государственного университета. 2010. № 8. С. 148–153.
3. Змияк С. С. Современные представления о рынке труда // Труд и социальные отношения. 2011. № 9. С. 24–32.
4. Хаматханова М. А. Сущностные характеристики и механизм построения современного рынка труда // Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2012. № 11-12. С. 3–6.
5. Некрестьянова С. Социально-экономические условия, влияющие на общероссийский и региональные рынки труда // Предпринимательство. 2008. № 5. С. 51–55.
6. Маслова И. Прогнозы безработицы и корректировка политики занятости // Человек и труд. 2010. № 6. С. 29–31.
7. Биксина Н. А. Проблемы оценки ситуации на рынке труда // Аграрная наука Евро-Северо-Востока. 2012. № 3. С. 7–80.
8. Ушакова Н. Б. Российский рынок труда: проблемы и тенденции // Вестник орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. 2014. № 6. С. 378–381.
9. Тимачева Е. В. Российский рынок труда: тенденции и перспективы // Труд и социальные отношения. 2015. № 3. С. 68–81.
10. Крекова М. М., Киселева Е. М. Тенденции развития новых рынков труда // Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2017. № 3. С. 22–24.
11. Лайкам К. Структурный анализ занятости и безработицы // Человек и труд. 2010. № 8. С. 14–17.
12. Гневашева В. А. Миграционные процессы рынка труда // Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2017. № 5. С. 10–14.
13. Царенко И. В. Методическое обеспечение оценки влияния рынка труда на экономику региона (на примере Пермского края) // Экономика труда. 2016. № 4. С. 315–324.
14. Макунина И. В., Миронцева А. В. Безработица как негативный фактор влияния на рынок труда // Дайджест-финансы. 2012. № 5. С. 56–61.
15. Семеньков А. В. Кривая Филипса как инструмент исследования рынка труда в России // Труд и социальные отношения. 2014. № 11-12. С. 32–41.
16. Миляева Л. Г. Прогнозирование профессиональной мобильности на рынке труда // Интеграция наук. 2017. № 4. С. 137–140.
17. Миляева Л. Г. Типологический анализ безработных на локальном рынке труда // Интеграция наук. 2017. № 4. С. 141–143.
18. Миляева Л. Г. Прогнозирование ситуации на рынке труда с использованием макета межпрофессиональной мобильности // Современные научные исследования и разработки. 2017. № 4. С. 430–434.

AN INTEGRATED APPROACH TO LABOUR MARKET SITUATION ASSESSMENT

***Larisa G. Milyaeva*[1, @]**

[1] *Biysk Technological Institute (branch) of Polzunov Altai State Technical University, 27, Hero of the Soviet Union Trofimov St., Biysk, Russia, 659305*
[@] *Lgm17@mail.ru*

Received 04.09.2017. Accepted 13.10.2017.

Keywords: local labor market, social and statistical assessment, integrated approach, methodical tools.

Abstract: The current paper highlights the social and economic importance of adequate diagnostics of labor market situation acting as the tension/well-being indicator in society. It lists the shortcomings of the currently available mono-approaches, which are mostly limited to either a statistic analysis or a typological analysis the unemployed registered by state and/or private employment services. The study offers an original technique of complex social and statistical assessment of the situation in labor market whose information base is formed by two types of sources: reports and statistical information from job centers and materials provided by selective sociological surveys among the unemployed. The key indicator of the technique in question is the level of the labor market situation, with the hypothetical range varying from 0.20 to 1.00. It allows one to diagnose five types of situations: ideal, safe, normal, problematic and critical. The research offers a card of expert estimates of the parameters characterizing a situation in local labor market. The paper provides a step-by-step algorithm of the technique illustrated by a tentative example. The author puts special stress on the innovative character of the method and proves the need to replicate the technique in profile editions.

For citation: Milyaeva L. G. Kompleksnyi podkhod k otsenke situatsii na rynke truda [An Integrated Approach to Labor Market Situation Assessment]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences,* no. 2 (2017): 52–57.

References

1. Milyaeva L. G., Podolnaya N. P. Gosudarstvennye i chastnye struktury, sodeistvuiushchie zaniatosti na lokal'nom rynke truda [The government and private institutions promoting employment in local labor market]. *Chelovek i trud = Person and work*, no. 5 (2005): 33–36.
2. Tsvetkova G. S. K voprosu o pozitsionirovanii lokal'nogo rynka [The matter of local market positioning]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta = Vestnik of the Orenburg State University*, no. 8 (2010): 148–153.
3. Zmiyak S. S. Sovremennye predstavleniia o rynke truda [Modern ideas of labor market]. T*rud i sotsial'nye otnosheniia = Labor and Social Relations Journal*, no. 9 (2011): 24–32.
4. Hamathanova M.A. Sushchnostnye kharakteristiki i mekhanizm postroeniia sovremennogo rynka truda // [Intrinsic characteristics and mechanism of creation of modern labor market]. *Sovremennaia nauka: Aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriia: Ekonomika i pravo = Modern Science: actual problems of theory and practice. Series: Law and Economics,* no. 11-12 (2012): 3–6.
5. Nekrest'ianova S. Sotsial'no-ekonomicheskie usloviia, vliiaiushchie na obshcherossiiskii i regional'nye rynki truda [The social and economic conditions affecting all-Russian and regional labor markets]. *Predprinimatel'stvo = Entrepreneurship*, no. 5 (2008): 51–55.
6. Maslova I. Prognozy bezrabotitsy i korrektirovka politiki zaniatosti [Forecasts of unemployment and correction of policy of employment]. *Chelovek i trud = Person and work*, no. 6 (2010): 29–31.
7. Biksina N.A. Problemy otsenki situatsii na rynke truda [Problems of labor market situation assessment]. *Agrarnaia nauka Evro-Severo-Vostoka = Agrarian science of the Euro-northeast*, no. 3 (2012): 77–80.
8. Ushakova N. B. Rossiiskii rynok truda: problemy i tendentsii [Russian labor market: problems and tendencies]. *Vestnik orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Novye gumanitarnye issledovaniia = Bulletin of the Oryol state university. Series: new humanitarian researches*, no. 6 (2014): 378–381.
9. Timacheva E. V. Rossiiskii rynok truda: tendentsii i perspektivy [Russian labor market: tendencies and prospects]. *Trud i sotsial'nye otnosheniia = Labor and Social Relations Journal*, no. 3 (2015): 68–81.
10. Krekova M. M., Kiseleva E. M. Tendentsii razvitiia novykh rynkov truda [Tendencies of development of new labor markets]. *Sovremennaia nauka: Aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriia: Ekonomika i pravo = Modern Science: actual problems of theory and practice. Series: Law and Economics*, no. 3 (2017): 22–24.
11. Laikam K. Strukturnyi analiz zaniatosti i bezrabotitsy [Structural analysis of employment and unemployment]. *Chelovek i trud = Person and work,* no. 8 (2010): 14–17.
12. Gnevasheva V.A. Migratsionnye protsessy rynka truda [Migration processes on labor market]. S*ovremennaia nauka: Aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriia: Ekonomika i pravo = Modern Science: actual problems of theory and practice. Series: Law and Economics*, no. 5 (2017): 10–14.

13. Tsarenko I. V. Metodicheskoe obespechenie otsenki vliianiia rynka truda na ekonomiku regiona (na primere Permskogo kraia) [Methodical providing assessment of labor market influence on region economy]. *Ekonomika truda = Labour economics,* no. 4 (2016): 315–324.

14. Makunina I. V., Mirontseva A. V. Bezrabotitsa kak negativnyi faktor vliianiia na rynok truda [Unemployment as negative factor of influence on labor market]. *Daidzhest-finansy = Digest finance*, no. 5 (2012): 56–61.

15. Semenkov A. V. Krivaia Filipsa kak instrument issledovaniia rynka truda v Rossii [Phillips's curve as the labor market research tool in Russia]. *Trud i sotsial'nye otnosheniia = Labor and Social Relations Journal,* no. 11-12 (2014): 32–41.

16. Milyaeva L. G. Prognozirovanie professional'noi mobil'nosti na rynke truda [Forecasting of professional mobility in labor market]. *Integratsiia nauk = Integration of sciences,* no. 4 (2017): 137–140.

17. Milyaeva L. G. Tipologicheskii analiz bezrabotnykh na lokal'nom rynke truda [The typological analysis of the unemployed on local labor market]. *Integratsiia nauk = Integration of sciences,* no. 4 (2017): 141–143.

18. Milyaeva L. G. Prognozirovanie situatsii na rynke truda s ispol'zovaniem maketa mezhprofessional'noi mobil'nosti [Forecasting of a situation on labor market with the use of interprofessional mobility model]. *Sovremennye nauchnye issledovaniia i razrabotki = Modern research and developmen*t, no. 4 (2017): 430–434.

УДК 331.1

РАЗЛИЧИЯ В МОТИВАЦИОННЫХ ПРОФИЛЯХ РУКОВОДЯЩИХ И РЯДОВЫХ СОТРУДНИКОВ

***Анна В. Мухачёва*[1, @]**

[1] *Кемеровский государственный университет, Россия, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6*
[@] *Oblakkko@mail.ru*

Поступила в редакцию 28.03.2017. Принята к печати 25.07.2017.

Ключевые слова: трудовая мотивация, мотивация труда руководителя, мотивация труда наемного работника, мотивационный профиль, факторы мотивации труда.

Аннотация: Предметом данной статьи является мотивационный профиль руководящих сотрудников, целью – изучение его специфики, подходов к анализу и оценке, отличий от мотивационного профиля рядовых сотрудников. Сопоставление результатов различных исследований позволило автору выявить основные черты мотивационного профиля руководителей. Преимущественно речь идет о преобладании внутренней мотивации над внешней (особенно – внешней негативной), активной творческой самореализации, развитой потребности в успехе по сравнению с потребностью во власти (данная тенденция усиливается со стажем работы руководителя), удовлетворении всего спектра потребностей, а, следовательно, более позитивном отношении к будущему. Проведение собственного исследования посредством опроса руководителей г. Кемерово обеспечило автору возможность разведения мотивационных профилей наемных менеджеров и руководителей-собственников. Полученные результаты позволили выявить различия по мотивам свободы (главный мотив предпринимателей отвергается наемными руководителями), мотивам состояния.

Для цитирования: Мухачёва А. В. Различия в мотивационных профилях руководящих и рядовых сотрудников // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2017. № 2. С. 58–64.

В настоящее время малоизученными остаются вопросы мотивации отдельных профессиональных и должностных групп, в частности руководителей. Управленческая деятельность по своей природе мыслительна, связана с анализом показателей, происходящих событий, прогнозированием, расчетами. Доля умственной деятельности в управленческом труде отражает степень его интеллектуализации, содержательности, творчества, сложно формализуемыми и поддающимися тренировке. Вопросы управления и мотивации волновали людей по всему миру во все времена, однако менеджмент и управление персоналом как научные направления начали свое активное развитие только во второй половине XX века. В связи с этим вопросы мотивации труда руководителей, сопряженной со сложностью ее измерения и оценки, сохраняют высокую актуальность и по сей день.

Обратимся к рассмотрению дефиниционных основ анализируемого понятия. Мотивация – это сложный процесс смыслообразования поведения человека, представляющий собой взаимодействие объективных и субъективных моментов, в той или иной степени изменяющих и формирующих поведение [1, с. 23]; совокупность и процесс образования мотивов поведения человека в конкретной ситуации [2, с. 27]. Основа стратегии мотивации трудовой деятельности руководителей базируется на следующих субстанциях: адекватная оценка трудового вклада руководителя и его подчиненных; создание условий, необходимых для высокопроизводительных руководителей; защита прав высокомотивированных руководителей, организующих собственный высокоэффективный труд и труд своих подчиненных [3].

Проведем обзор наиболее известных исследований в области мотивации руководящих сотрудников. По инициативе Е. М. Макота было проведено исследование трудовой мотивации руководителей на примере предприятий различных видов деятельности: банка «АК Барс» (г. Барнаул), Алтайского краевого суда, Барнаульского филиала Дорожного научно-исследовательского института ГИПРОДОРНИИ, Алтайской краевой универсальной научной библиотеки имени В. Я. Шишкова. Исследованию подверглись 123 руководителя в возрасте от 26 до 63 лет. Методами изучения мотивации стали опросник «Словарь» И. Г. Кокурина, опросник изучения мотивации успеха и избегания неудач (А. А. Реан), методика мотива власти (Е. П. Ильин), методика изучения мотивации профессиональной деятельности (К. Замфир) в модификации А. А. Реана [4].

Согласно опроснику А. А. Реана, необходимо было оценить 4 критерия: идеального руководителя, реального руководителя, реального «Я», коллег – все это в мотивационной сфере. По первым трем критериям и интегральному показателю выявлена следующая взаимосвязь: внутренняя мотивация оказалась больше внешней положительной мотивации, а та, в свою очередь, больше внешней отрицательной мотивации. Как видим, самым значимым фактором мотивации для руководителей является удовольствие от самой деятельности, на втором месте – внешние стимулы (заработная плата, продвижение по карьере и т. д.), а на третьем – страх санкций за ненадлежащее выполнение работы.

По третьему критерию соотношение факторов оказалось иным: мотивация коллег по работе, по мнению большинства руководителей, построена в основном на внешних стимулах и только затем – на стремлении к самореа-

лизации. Мотивация идеального руководителя должна, на взгляд респондентов, базироваться на внутренних факторах. Кроме того, выяснилось, что чем выше стаж руководителей, тем чаще он приписывает себе, идеальному руководителю, коллегам по работе внутреннюю мотивацию. Кроме того, обнаружилось, что с возрастом значение внешней положительной мотивации для руководителей снижается.

Эксперимент был призван проверить действие теории Д. МакКлелланда, согласно которой руководители в большей степени имеют потребность в успехе и во власти [5]. В целом данные эмпирического анализа подтвердили данную теорию, но потребность в успехе у руководителей была выражена сильнее, чем потребность во власти. С возрастом властные притязания еще более снижались у руководителей.

И. Г. Кокурина выделяет 6 базовых смыслов деятельности человека: преобразование, коммуникацию, прагматику, кооперацию, конкуренцию и достижение, при этом каждый существует в разрезе процессуальной и результирующей ориентации. По мнению И. Г. Кокуриной, смыслообразующий мотив формируется из одного из них [6]. Анализ преобладающих смыслов у руководителей проводился по трем параметрам: деньги, труд и коллектив. Первый вывод касался преобладания результирующей направленности над процессуальной по всем критериям. Однако по параметру «Деньги» в кооперативном аспекте важнее оказался процесс. По параметру «Коллектив» и «Труд» на первый план выходит кооперативная результирующая мотивация, т. е. руководитель воспринимает коллектив как единую систему, призванную выдавать результат.

Е. М. Макота делает следующие основные выводы исследования: руководители ориентированы на внутреннюю мотивацию, причем с возрастом и стажем работы эта ориентация усиливается; руководители движимы мотивами достижения, демонстрируют самостоятельность и инициативность; результирующая ориентация преобладает над процессуальной [4].

Также Л. С. Колмогорова и Е. М. Макота [7] указывают на связь трудовой мотивации руководителей с уровнем их психологической зрелости. Авторы провели исследование, целью которого было подтвердить данную гипотезу. Использовалась следующая методическая база, которая частично пересекается с методической базой предыдущего исследования: тестирование по методикам «Субъективная локализация контроля» (Дж. Роттер, С. Р. Пантелеев, В. В. Столин), «Смысложизненные ориентации» (Д. А. Леонтьев), опросник «Словарь» (И. Г. Кокурина), опросники мотивации успеха и избегания неудач (А. А. Реан), методика мотива власти (Е. П. Ильин), методика изучения мотивации профессиональной деятельности (К. Замфир), корреляционный и однофакторный дисперсионный анализы данных.

Результаты исследования показали смежные с предыдущим исследованием выводы: руководители с высокой степенью психологической зрелости ориентированы на внутреннюю мотивацию, практически не характеризуются внешней отрицательной мотивацией, мотивированы на успех и не стремятся к власти и превосходству над окружающими. Они расценивают деньги лишь как сопутствующий результат деятельности, облегчающий им жизнь, при этом коллектив рассматривается ими как необходимое условие достижения успеха; конкурентная направленность выражена минимально.

Еще одним интересным выводом исследования явились результаты сравнения руководителей некоммерческих и коммерческих организаций. Для первых скорее характерна внутренняя мотивация и отрицательная внешняя мотивация, т. е. руководители некоммерческих организаций проявляют интерес к труду, но сильнее опасаются ухудшения отношений с коллегами или санкций со стороны вышестоящего начальства. Руководители коммерческих организаций в большей степени движимы мотивом власти, любят работать в одиночку, не советуются с другими по поводу принятия того или иного решения [7].

А. А. Аракелов [8] проводил исследование системы мотивации менеджмента угледобывающих предприятий Кузнецкого бассейна. Автор выделяет три доминирующих подхода к мотивации руководителей: оплата труда менеджера жестко фиксирована; оплата труда менеджера зависит от оплаты труда персонала его подразделения, которая, в свою очередь, имеет связь с производственными показателями; оплата труда менеджера зависит от его управленческих функций и показателей эффективности их реализации.

Исследователь указывает: на угледобывающих предприятиях Кузбасса практикуется второй подход, что имеет под собой ориентацию на большую заинтересованность руководителя в результатах групповой работы. Однако имеется и ряд недостатков: не учитывается различие в квалификации между руководителями, стаж; оплата не связана с показателями эффективности управления; руководитель имеет соблазн завышать показатели деятельности, т. к. от этого напрямую зависит заработная плата коллектива, а следовательно, и его самого, что и привело к необходимости проведения данного исследования.

Эмпирической базой для исследования послужили следующие данные: распределение среднемесячного фонда оплаты труда по начальникам основных подразделений; средняя, минимальная и максимальная оплата начальников; динамика средней оплаты начальников по службам за последние 16 месяцев.

В итоге были сформированы следующие предложения: установить связь оплаты труда с уровнем квалификации и стажем работы руководителя (метод определения – ежегодная аттестация); с показателями реализации функций управления и выполнения подразделениями продуктовой функции (выполнение плана по производству, производительности труда, специфическим показателям для отдельных подразделений); с показателями значимости участка (численность, влияние на выпуск основного продукта и т. д.); ввести систему бонусов за внедрение значимых результатов (положительные отклонения от плана); сформировать систему мотивации руководителя, нацеленную на объективное оценивание им труда своих подчиненных. Результат внедрения указанных предложений: рост производительности труда на 10–15 % и сокращение отклонений от плана в 2 раза [8].

В рамках данной тематики проводились также гендерные исследования. Например, В. В. Капранова и С. С. Костыря [9] рассматривали психологические особенности профессиональной карьеры женщин-руководителей биз-

нес-структур. Выборка насчитывала 50 человек предприятий сферы услуг разного управленческого звена. В качестве методов изучения мотивации руководителей женского пола использовались опросник «Мотивация в карьере» (Е. Л. Могилевкин), тест «Якоря карьеры» (Э. Шейн), методика «Стиль саморегуляции поведения» (В. И. Моросанова), тест самоотношения (В. В. Столин). Контрольные группы состояли из руководителей-мужчин и женщин на рядовой должности.

В процессе исследования были получены следующие результаты: женщины-руководители отличаются более высоким уровнем карьерной интуиции, чем женщины, работающие специалистами. Однако нельзя сказать, что их интуиция в работе значимо превышает мужскую – оценки примерно равные. Было доказано, что женщинам на руководящем посту проще начинать новые виды активности, они демонстрируют большую уверенность в неопределенной, незнакомой ситуации, чаще рассчитывают на стабильность успехов в том, в чем хорошо разбираются.

Некоторые различия были выявлены в карьерных ориентациях руководителей разного пола. Например, для мужчин это прежде всего – менеджмент, предпринимательство, компетентность, для женщин – предпринимательство, вызов, служение. В данном случае обращает на себя внимание женская направленность на социум, удовлетворение потребностей общества, феминистский настрой на бросание вызова, стремление доказать себе и окружающим собственные способности; и мужское стремление к самой по себе управленческой деятельности, способности влиять на других людей, конкуренции в предпринимательстве, развитию профессионализма. Гендерные особенности обоих полов находят, на наш взгляд, некоторое выражение в карьерных ориентациях.

Важным фактором мотивации женщин руководителей является наличие или отсутствие семьи (замужний статус), причем сказывается он несколько неожиданно согласно полученным данным. Так, согласно результатам исследования, для незамужних женщин свойственен более высокий уровень самоуважения и самопринятия, аутосимпатии, более интериоризированная «Я-концепция». Незамужние женщины более способны и склонны к самопониманию и саморуководству, чем замужние. Замужние женщины настроены на более положительное к себе отношение со стороны коллег и начальства, а также характеризуются высоким уровнем самоинтереса и самообвинения [9]. Исходя из результатов данного исследования можно сделать вывод о том, что у незамужних женщин больше шансов стать хорошими руководителями, чем у замужних, что мы часто наблюдаем на практике. Если для мужчины семья – «катализатор» карьерного развития, то для женщины чаще – «тормоз».

Еще одно интересное исследование выполнено И. В. Соломиным. Он проводил психосемантическую диагностику мотивации руководителей и специалистов предприятия на основе ООО «Ленсвязь». Методика семантического дифференциала была внедрена в научную практику Ч. Осгудом, который предлагал оценивать различные понятия по 2-балльной шкале с антонимами на полюсах («приятно-противно» и т. д.). В последствии с помощью вращения факторов в ортогональной плоскости Ч. Осгуд пришел к выводу о главенстве трех главных компонент: ценности, силы и активности. Исследователь предложил озаглавить оси семантического пространства названием указанных компонент и разместить в него в виде точек понятия, расстояния между которыми будут предметом анализа для выявления различных личностных закономерностей [10].

И. В. Соломин адаптировал методику Ч. Осгуда для изучения трудовой мотивации. Для оценки факторов трудовой мотивации использовался семантический дифференциал, с помощью которого оценивались различные занятия и виды деятельности («Моя работа», «Моя учеба», «Моя профессия», «Занятия бизнесом»), разные потребности и ценности («Моя заработная плата», «Общение с людьми», «Мое увлечение», «Интересное занятие», «Материальное благополучие», «Личная независимость», «Признание окружающими», «Моя карьера», «Выполнение обязанностей», «Творчество», «Достижение успеха»), разных людей и организации («Сотрудники фирмы», «Руководство фирмы», «Я», «Мои друзья», «Моя семья», «Моя фирма», «Другие фирмы»); различные негативные события и переживания («Неприятности», «Болезнь» «Неудача», «Угроза»); разные этапы жизненного пути («Мое прошлое», «Мое настоящее», «Мое будущее») [11].

Семантическая близость анализируемых понятий выявляется специально разработанной автором компьютерной программой, интерпретируется через эмоциональное отношение к указанным понятиям. В данном случае понятия соотносятся с определенными человеческими потребностями, которые трактуются как мотив деятельности. Дальность или близость расположения определенных понятий к тем или иным потребностям предоставляет основу для ранжирования потребностей человека и составления их иерархии для любого вида деятельности. Например, трудовая мотивация может оцениваться по степени близости понятий «Моя работа», «Интересное занятие», «Успех» и т. д.

Методика И. В. Соломина позволяет определять следующие аспекты трудовой мотивации: базовые потребности (наиболее устойчивые предметы необходимости человека); степень удовлетворения базовых потребностей, актуальность (насущность) той или иной потребности; отношение к будущему (надежды, планы, ожидания); отношение к себе и другим (степень адекватности и высоты самооценки, оценивание успешности себя и других); отношение к различным видам деятельности (побуждения к ним, мотивы, заставляющие заниматься ими); источники стресса (занятия, события, люди, вызывающие наибольшую тревогу), вытесненные из сознания переживания или объекты.

Методика получила обширную апробацию, т. к. с помощью нее изучались: учебная мотивация школьников, абитуриентов; трудовая мотивация персонала Чернобыльской электростанции после аварии; персонала тюрем и заключенных, государственных и коммерческих организаций; причины утраты трудовой мотивации у безработных граждан.

Изучение трудовой мотивации руководителей и служащих ООО «Ленсвязь» проводилось после реорганизации предприятия, в связи с низкими результатами деятельности. В обследовании 2003 г. приняло участие 110 сотрудников. В качестве гипотез выдвигались: 1) отрицательная трудовая мотивация является причиной низких показате-

лей деятельности; 2) существуют различия в мотивации руководителей и специалистов.

Были получены следующие выводы:

1) Мотивация менеджеров компании базируется на широком спектре удовлетворяемых потребностей по сравнению со специалистами, что, предположительно, и обуславливает их руководящие позиции. Помимо потребности в общении, развлечениях и пр. менеджеры имеют более высокие материальные потребности, потребности высшего уровня (в самоактуализации и саморазвитии).

2) Большинство руководителей имеют возможность удовлетворять свои основные потребности незамедлительно, что делает их более жизнерадостными, а их жизнь – более насыщенной. Специалисты же часто испытывают фрустрацию потребностей в настоящем, при этом надежды на улучшение ситуации в будущем не предвидится, поэтому они склонны более негативно оценивать перспективы своей жизни.

3) Жизненная ситуация заставляет рядовых специалистов заботиться о своем текущем материальном состоянии, отношениях с коллегами и начальством, текущих делах, в то время как руководители более позитивно воспринимают действительность.

4) Как руководители, так и специалисты не испытывают особой мотивации к работе, а скорее – к повышению уровня профессионального развития, квалификации, учебе, общению, а специалисты – еще и к свободному времяпрепровождению.

5) Специалисты часто указывают свой статус как «сотрудник фирмы», в большей степени идентифицируя себя с организацией, руководители же называют себя членами семьи и дружеских компаний.

6) Ожидания обеих должностных групп относительно будущего сводятся к нулю, причем руководители не ожидают ничего худшего, а специалисты – никаких радостных перспектив.

7) Трудовая мотивация специалистов сохранила слабую связь с творчеством, успехом, самореализацией, у руководителей же спад трудовой мотивации более выражен, они заинтересованы в работе как в профессиональной деятельности и бизнесе.

8) Руководители склонны невысоко оценивать альтернативные варианты трудоустройства, хотя и в данной организации особых перспектив они не видят. Рядовые специалисты стараются не думать об уходе в другую компанию.

9) Руководители имеют значительное количество вытесненных из собственного сознания комплексов. Они всеми силами пытаются не обращать внимания на неприятности, проблемы со здоровьем, переживания, мысли о других фирмах. Специалисты склонны игнорировать источники опасности, что чревато повышенным риском в поведении.

10) Ни у одной из обследуемых должностных групп не было выявлено скрытых страхов, угроз и пр.

На основе полученных результатов на предприятии ООО «Ленсвязь» И. В. Соломин сделал вывод, что трудовая мотивация коллектива невелика [11]. В особенности это касается руководителей, которые, с одной стороны, в большей степени удовлетворены жизнью и лучше удовлетворяют свои потребности, а с другой – отличаются низкой трудовой мотивацией, ориентированы больше не на работу, а на семью, обучение, развлечения, дружеские компании и пр.

Все приведенные выше исследования в своих результатах подтверждают тезисы, которые можно отнести к специфике мотивационного профиля руководителей: главы компаний и их структурных подразделений имеют выраженную внутреннюю мотивацию и яростно отвергают негативное стимулирование, среди главных мотиваторов в их деятельности преобладают потребность в успехе, результативная ориентация (указанные тенденции усиливаются с годами). Эти выводы подтверждаются современными исследователями [12; 13]. С ростом руководящего стажа все больше оттесняется потребность во власти и желание кому-то что-то доказывать. Однако при этом у своих подчиненных руководители в качестве ведущей отмечают именно внешнюю мотивацию. Кроме того, руководители, в меньшей степени склонны идентифицировать себя с организацией, чем рядовые сотрудники, а больше – с семейными и дружескими кругами. Также они имеют более полное удовлетворение потребностей, в особенности – социальных и духовных, что делает их более жизнерадостными и позитивно настроенными по сравнению со своими подчиненными. Представители женского пола среди руководящего звена обладают развитой карьерной интуицией (наравне с мужчинами), способностью уверенно действовать в новой, неопределенной ситуации. Вместе с тем фактор наличия семьи в данном случае играет не в их пользу – незамужние женщины-руководители добиваются, по результатам приведенных выше исследований, больших результатов, чем замужние.

Автором данной статьи совместно с предпринимателем А. И. Соколовым в 2015 г. была предпринята попытка сформировать мотивационный профиль руководителя-собственника (предпринимателей, стоящих «у руля» своего бизнеса) и выявить его отличия от мотивационного профиля наемного руководителя. В соответствии с данной целью было опрошено 100 руководителей предприятий малого и среднего бизнеса г. Кемерово, одна половина которых являлась наемными менеджерами, а другая – собственниками. Анкетирование осуществлялось несколькими методами: устное, по электронной почте, письменно через Центр поддержки предпринимательства и других руководителей. Обработка данных проводилась в программе SPSS Statistic (версия 17.0).

Нами была сформирована собственная классификация мотивов деятельности руководителей-собственников (предпринимателей), включающая следующие группы:

– экономические мотивы (желание заработать, отсутствие стабильной работы, финансовая независимость);

– мотивы экстернальности (семья и дети (желание обеспечить семье стабильное материальное положение); забота о ближних, окружающих, больных, общества в целом);

– мотивы свободы (сам себе начальник (самостоятельность в принятии решений и способов решать вопросы, способа мыслить); свобода от правил, которые бывают, когда работаешь по найму; отсутствие строгой привязки ко времени когда работать, т. е возможность установить свой график работы; возможность работать дома или дистанционно);

– мотивы состояния (страсть, азарт, острые ощущения);

– мотивы созидания (возможность реализовать свою идею, желание оставить что-то после себя, бег от скуки (заполнение жизни какой-то деятельностью));

– мотивы доминирования над любыми объектами, ситуациями, людьми (чувство собственной значимости, власть, самоутверждение);

– мотивы общественной оценки (признание, известность, уважение).

В целях анализа разнообразия побуждающих к деятельности мотивов для руководителей-собственников и наемных руководителей, в анкете мы просили выбрать 5 главных мотивов из 19, которые имеют место (им присваивается 1 балл) и 5, которые точно не свойственны (данные ответы закодированы со значением «-1»). Рассмотрим обобщенно группы мотивов, средние значения по ним и меры разброса (таблица, рис.).

Таблица. **Мотивы руководителей-собственников и наемных руководителей по группам**
Table. **Motives of managers-owners and hired managers by groups**

	Руководитель-собственник		Наемный руководитель	
	Среднее значение	Стандартное отклонение	Среднее значение	Стандартное отклонение
Экономические мотивы	,92	1,124	,05	,229
Мотивы экстернальности	,37	,786	,05	,229
Мотивы свободы	1,08	1,459	-,05	,524
Мотивы состояния	-1,32	1,254	,05	,229
Мотивы созидания	,63	,751	,05	,229
Мотивы доминирования	-,39	1,128	-,16	,501
Мотивы общественной оценки	,05	,567	,05	,229

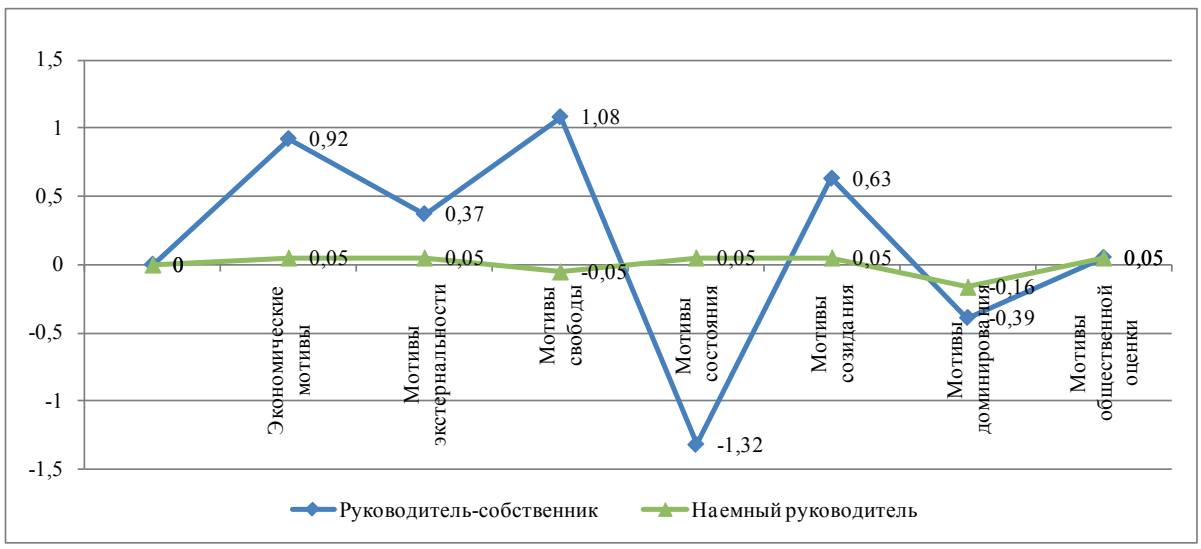

Рис. ***Средние значения групп мотивов руководителей-собственников и наемных руководителей***
Fig. ***The mean values of groups of motives of the managers-owners and hired managers***

Согласно полученным результатам, мотивы руководителей-собственников оказались выражены гораздо ярче, нежели мотивы руководителей найма, при этом по всем мотивам мера разброса значительно выше – предприниматели больше отличаются между собой, чем наемные руководители. Наблюдается незначительная корреляция мотивов руководителей-собственников и наемных руководителей по большинству мотивов, кроме мотивов свободы (главный мотив предпринимателей отвергается наемными руководителями), мотивов состояния (наемные руководители чаще испытывают ощущения страсти и азарта).

Рассмотрим мотивационный профиль среднестатистического руководителя-собственника. На первом месте у предпринимателей, управляющих самостоятельно собственным бизнесом, стоит мотивация свободы (от правил, временных рамок, «сам себе начальник»). На втором месте у руководителей-собственников располагаются экономические мотивы (желание заработать, финансовой независимости, отсутствия стабильной работы), что вполне характерно для предпринимательства как вида деятельности, направленного на извлечение прибыли. На третьем месте располагаются мотивы созидания (возможность самореализации, желание оставить что-то после себя). Самовыражение как значимый мотив деятельности предпринимателей подчеркивался и в других исследованиях. Значимым мотивом для предпринимателей является мотив экстернальности (семья и дети, забота о ближних и обществе). Данный мотив встречается у предпринимателей

значительно чаще, чем у наемных работников. Мотивы общественной оценки для руководителя-собственника имеет невысокое значение, схожее с аналогичными мотивами наемных руководителей. Большинство предпринимателей отрицает мотивы доминирования в своей деятельности (чувства собственной значимости, власти, самоутверждения). Практически все руководители-собственники яростно опровергают наличие мотивов состояния (страсть, азарт, острые ощущения).

Представленный выше мотивационный профиль руководителя-собственника носит обобщенный характер. Предприниматели имеют существенные различия между собой, поэтому отсутствие определенных мотивов в среднем профиле не указывает на отсутствие их в частных случаях.

Таким образом, отличия мотивационного профиля руководителей от аналогичного профиля рядовых сотрудников состоит в преобладании внутренней мотивации над внешней (особенно – внешней негативной), активной творческой самореализации, развитой потребности в успехе по сравнению с потребностью во власти (данная тенденция усиливается со стажем работы руководителя), удовлетворении всего спектра потребностей, а следовательно, более позитивном отношении к будущему. В то же время мотивационный профиль деятельности руководителей-собственников значительно контрастирует с мотивационным профилем наемных менеджеров, однако имеет более высокую вариацию (наемные менеджеры в плане мотивации оказываются более схожими между собой, чем руководители-предприниматели). Вопросы трудовой мотивации руководителей с высокой вероятностью будут сохранять свою актуальность для ученых и практиков в ближайшем будущем, а потому следует ожидать инициирования новых исследований в указанной области научных знаний.

Литература

1. Поварич И. П., Прошкин Б. Г. Стимулирование труда: системный подход. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-е, 1990. 198 с.
2. Прошкин Б. Г. Мотивация труда: Управленческий аспект / отв. ред. И. П. Поварич. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2008. 380 с.
3. Абулханова Г. А. Построение и развитие модели мотивации высокоэффективного трудового поведения руководителей предприятий торговли // Вестник Чувашского университета. 2007. № 3. С. 367–371.
4. Макота Е. М. Мотивация трудовой деятельности современного руководителя // Вестник Алтайской ака-демии экономики и права. 2012. № 4. С. 78–82.
5. МакКлелланд Д. Мотивация человека. СПб.: Питер, 2007. 672 с.
6. Кокурина И. Г. Методика изучения трудовой мотивации. М.: Изд-во Моск.ун-та, 1990. 56 с.
7. Колмогорова Л. С., Макота Е. М. Особенности мотивации трудовой деятельности руководителей с раз-личными типами психологической зрелости // Сибирский педагогический журнал. 2013. № 1. С. 233–239.
8. Аракелов А. А. Совершенствование системы мотивации руководителей среднего звена как механизм управления горнодобывающего предприятия угольной промышленности // Горный информационно-аналитический бюллетень (научно-технический журнал). 2010. № 1. С. 114–118.
9. Капранова М. В., Костыря С. С. Психологические особенности профессиональной карьеры женщин-руководителей бизнес-структур // Современная социальная психология: теоретические подходы и прикладные исследования. 2011. № 3. С. 92–101.
10. Osgood C. E., Suci G. J., Tannenbaum P. H. The measurement of meaning. Urbana: University of Illinois, 1957. 342 p.
11. Соломин И. В. Психосемантическая диагностика трудовой мотивации руководителей и специалистов производственного предприятия // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 76-2. С. 241–246.
12. Мельник Ю. И., Мельник О. Ф. Управленческая мотивация и эмоциональное благополучие руководителей // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. 2016. № 1. С. 6–20.
13. Чупина В. Б., Никитчук А. В. Особенности мотивации трудовой деятельности руководителей и подчиненных // Современные тенденции развития науки и технологий. 2016. № 7-5. С. 143–146.

DIFFERENCES IN MOTIVATION PROFILES OF LEADERS AND SERIES EMPLOYEES

***Anna V. Mukhacheva*[1, @]**

[1] *Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000*
[@] *Oblakkko@mail.ru*

Received 28.03.2017. Accepted 25.07.2017.

Keywords: labor motivation, motivation of the manager's work, motivation of the employee's work, motivation profile, motivation factors of work.

Abstract: The subject of the article is the motivational profile of leading employees, and the goal is to study its specifics, approaches to analysis and evaluation, as well as its differences from the motivational profile of ordinary em-ployees. By comparing the results of various studies, the author managed to identify the main features of the motivational profile of managers. The article mostly features the predominance of internal motivation over the external (external negative, in particular) active creative self-realization, as well as the well-developed need for success as opposed with the need for power (this tendency grows together with experience), the expanded satisfaction of the whole range of needs, and, therefore, a more positive attitude towards the future. An interrogation of Kemerovo senior officials has provided the author with an opportunity to specify two motivational profiles – that of hired managers and that of bosses-proprietors. The results obtained made it possible to identify differences according to freedom grounds (the main motive of entrepreneurs is rejected by hired managers) and state grounds.

For citation: Mukhacheva A. V. Razlichiia v motivatsionnykh profiliakh rukovodiashchikhi riadovykh sotrudnikov [Differences in Motivation Profiles of Leaders and Series Employees]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences,* no. 2 (2017): 58–64.

References

1. Povarich I. P. Proshkin B. G. *Stimulirovanie truda: sistemnyi podkhod* [Stimulation of labor: a systematic ap-proach]. Novosibirsk: Nauka. Sib. otd-e, 1990, 198.
2. Proshkin B. G. *Motivatsiia truda: Upravlencheskii aspekt* [Motivation of Labor: Managerial Aspect]. Ed. Povarich I. P. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, 2008, 380.
3. Abulkhanova G. A. Postroenie i razvitie modeli motivatsii vysokoeffektivnogo trudovogo povedeniia rukovoditelei predpriiatii torgovli [Construction and development of the motivation model for highly effective labor behavior of managers of trade enterprises]. *Vestnik Chuvashskogo Universiteta = Bulletin of the Chuvash University*, no. 3 (2007): 367–371.
4. Makota E. M. Motivatsiia trudovoi deiatel'nosti sovremennogo rukovoditelia [The motivation to work of the modern russian manager]. *Vestnik Altayskoi akademii ekonomiki i prava = Bulletin of the Altai Academy of Economics and Human Rights,* no. 4 (2012): 78–82.
5. McClelland D. *Motivatsiia cheloveka* [Human Motivation]. Saint-Petersburg: Piter, 2007, 672.
6. Kokurina I. G. *Metodika izucheniia trudovoi motivatsii* [Methods of studying labor motivation]. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta, 1990, 56.
7. Kolmogorova L. S., Makota E. M. Osobennosti motivatsii trudovoi deiatel'nosti rukovoditelei s razlichnymi ti-pami psikhologicheskoi zrelosti [Features of the motivation of the work of managers with different types of psychological maturity]. *Sibirskii pedagogicheskii zhurnal = Siberian Pedagogical Journal*, no. 1 (2013): 233–239.
8. Arakelov A. A. Sovershenstvovanie sistemy motivatsii rukovoditelei srednego zvena kak mekhanizm upravle-niia gornodobyvaiushchego predpriiatiia ugol'noi promyshlennosti [Improvement of the motivation system for middle managers as a mechanism for managing the mining enterprise of the coal industry]. *Gornyi informat-sionno-analiticheskii biulleten' (nauchno-tekhnicheskii zhurnal) = Mining Informational and Analytical Bulletin (scientific and technical journal),* no. 1 (2010): 114–118.
9. Kapranova M. V., Kostyirya S. S. Psikhologicheskie osobennosti professional'noi kar'ery zhenshchin-rukovoditelei biznes-struktur [Psychological features of the professional career of female business leaders]. *Sovremennaia sotsial'naia psikhologiia: teoreticheskie podkhody i prikladnye issledovaniia = Modern social psychology: theoretical approaches and applied research*, no. 3 (2011): 92–101.
10. Osgood C. E., Suci G. J., Tannenbaum P. H. *The measurement of meaning. Urbana: University of Illinois,* 1957, 342.
11. Solomin I. V. Psikhosemanticheskaia diagnostika trudovoi motivatsii rukovoditelei i spetsialistov proiz-vodstvennogo predpriiatiia [Psychosemantic diagnosis of labor motivation of managers and specialists of a manufacturing enterprise]. *Izvestiia Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena = Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Science*, no. 76-2 (2008): 241–246
12. Mel'nik Ju. I., Mel'nik O. F. Upravlencheskaia motivatsiia i emotsional'noe blagopoluchie rukovoditelei [Mana-gerial motivation and emotional well-being of managers]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Pedagogika i psikhologiia = Bulletin of Tver State University. Series: Pedagogy and Psychology,* no. 1 (2016): 6–20.
13. Chupina V. B., Nikitchuk A. V. Osobennosti motivatsii trudovoi deiatel'nosti rukovoditelei i podchinennykh [Features of motivation of labor activity of managers and subordinates]. *Sovremennye tendentsii razvitiia nauki i tekhnologii = Modern trends in the development of science and technology*, no. 7-5 (2016): 143–146.

УДК 338.431.2

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Елена А. Федулова[1, @1], Светлана А. Кононова[1, @2], Никита А. Вакутин[1, @3]

[1] Кемеровский государственный университет, Россия, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6
[@1] fedulovaea@mail.ru
[@2] kononovasa@rambler.ru
[@3] vakutinnikita@rambler.ru

Поступила в редакцию 11.09.2017. Принята к печати 05.10.2017.

Ключевые слова: сельское хозяйство, Кемеровская область, сельскохозяйственная продукция, производство, агробизнес, стратегия развития.

Аннотация. *Предмет.* Статья посвящена анализу современного состояния сельского хозяйства Кемеровской области и выявлению перспектив дальнейшего его развития. *Цель и задачи.* В работе рассмотрены тенденции развития сельского хозяйства в Кемеровской области. Оценена роль сельского хозяйства в экономике региона. *Методология.* Методологическую основу исследования составляют общенаучные методы познания (ретроспективный и сравнительный анализы, синтез, индукция, дедукция), что позволило получить достоверные и обоснованные результаты исследования. *Результаты.* Проанализирована структура сельскохозяйственной продукции в разрезе категорий хозяйств и номенклатуры за последние пять лет. Оценена динамика развития сельского хозяйства в регионе, а именно проанализировано производство птицы и скота, размера посевных площадей, поголовья сельскохозяйственных животных. Выделены положительные тенденции развития отрасли, а также проблемы, сдерживающие рост сельского хозяйства в Кузбассе. Охарактеризованы мероприятия, реализуемые в рамках Стратегии социально-экономического развития Кемеровской области до 2025 г. в части управления сельским хозяйством. *Выводы и значимость.* Проведенное исследование позволило выявить ключевые проблемы развития сельского хозяйства Кемеровской области, в том числе проблемы менеджмента в хозяйствах, а также предложить мероприятия по повышению эффективности функционирования сельского хозяйства в регионе.

Для цитирования: Федулова Е. А., Кононова С. А., Вакутин Н. А. Сельское хозяйство Кемеровской области: современное состояние и перспективы развития // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2017. № 2. С. 65–71.

Кемеровская область расположена на юго-востоке Западной Сибири. На достаточно большой части территории сосредоточена Кузнецкая котловина, располагающая значительным объемом угольных запасов, что обусловило второе название региона – Кузбасс. Область граничит на севере с Томской областью, на юге – с Республикой Алтай, на западе – с Новосибирской областью, на востоке – с Красноярским краем, а на юго-западе – с Алтайским краем.

Ключевые природные ресурсы Кузбасса – это медные, железные, полиметаллические и марганцевые руды, доломиты и кварциты, фосфориты и алюминиевое сырье, минеральные воды и минеральные краски. Главным природным богатством Кузбасса, во многом определившим уровень развития экономики и ее структуру, является каменный уголь. Долгое время экспорт высококачественного коксового угля способствовал бурному экономическому росту региона. Однако рынок продолжает развиваться, и уголь в чистом виде в последнее время считается сильным загрязнителем окружающей среды, который пользуется сейчас меньшим спросом, а следовательно приносит меньше доходов в бюджет. Исходя из этого, региону следует задуматься над необходимой обработкой и выпуском более качественного продукта, а также над переориентацией деятельности в другие секторы экономики, например в сельское хозяйство.

Климатические и почвенные ресурсы региона позволяют выращивать в области различные сельскохозяйственные культуры: от зерновых хлебных кондиций до овощей открытого грунта. За счет применения современных технологий и районированных сортов сельхозкультур в сельском хозяйстве сокращаются риски потери урожая в связи с ранними заморозками.

Плотность городского населения Кузбасса является самой высокой за Уралом, что в большей степени обусловливает развитие пригородной специализации сельского хозяйства региона.

Промышленная ориентация области, ее климатические особенности (в частности долговременные дожди во время вегетации и уборки урожая засуха и, как следствие, высокий риск земледелия) предопределили незначительное влияние сельского хозяйства на экономику региона в целом. Однако в то же время сельское хозяйство является той отраслью, от результатов деятельности которой зависит обеспечение населения региона продуктами питания, а также социально-экономическое развитие сельских территорий.

Удельный вес сельскохозяйственной отрасли в структуре кузбасского валового регионального продукта (ВРП) составляет 3,2–3,7 % в разные годы. Для сравнения данный показатель в Сибирском федеральном округе составляет 7,4 %, а в России в целом – 4,9 %. При этом числен-

ность населения региона, занятого в сельском хозяйстве, – 14 193 чел. в 2015 г., что составило 1,03 % от численности экономически активного населения Кузбасса [1].

Кемеровская область стремится к самообеспечению основной сельскохозяйственной продукцией. Таблица 1 [1, с. 26] свидетельствует о том, что с 2012 г. наблюдается динамический рост производства сельскохозяйственной продукции как в растениеводстве, так и в животноводстве.

За период 2011–2015 гг. рост продукции сельского хозяйства составил 147 %, одновременно с этим в животноводстве – 157 %, а в растениеводстве – 138 %, что указывает на относительно равномерное развитие сельского хозяйства по укрупненным видам продукции [2].

Ведущими направлениями сельского хозяйства региона выступают, во-первых, растениеводство с преобладанием производства зерновых и зернобобовых культур, картофеля и прочих овощей, а во-вторых, животноводство с преобладанием молочно-мясного скотоводства, свиноводства и птицеводства (табл. 2) [2].

Таблица 1. **Продукция сельского хозяйства Кемеровской области по хозяйствам всех категорий за период 2011–2015 гг., млн рублей (в фактически действующих ценах)**
Table 1. **Agricultural products of the Kemerovo region on farms of all categories for the period 2011–2015, million rubles (in actual prices)**

	2011	2012	2013	2014	2015
Хозяйства всех категорий					
Сельское хозяйство	38 044	37 388	44 350	49 652	56 168
Растениеводство	19 621	16 793	21 915	24 133	27 121
Животноводство	18 423	20 595	22 445	25 519	29 047

Таблица 2. **Структура продукции сельского хозяйства Кемеровской области по видам за период 2011–2015 гг. (в хозяйствах всех категорий; в фактически действовавших ценах; в процентах к итогу)**
Table 2. **Structure of agricultural output in the Kemerovo Region by types for the period 2011–2015 (in farms of all categories, in actual prices, as a percentage of the total)**

	2011	2012	2013	2014	2015
Сельское хозяйство В том числе:	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**
Растениеводство Из нее:	**51,6**	**44,9**	**49,4**	**48,6**	**48,3**
Зерновые и зернобобовые культуры	33,3	17,1	26,6	23,4	28,6
Семена и плоды масличных культур	2,3	1,7	3,0	2,7	3,4
Картофель	25,6	38,4	36,0	38,7	33,7
Овощи свежие или охлажденные, не включенные в другие группировки	23,6	26,1	21,8	22,3	22,1
Солома и культуры кормовые	4,3	5,5	4,7	4,0	3,5
Фрукты, ягоды, и орехи прочие, виноград	8,9	11,4	8,0	8,1	7,6
Животноводство Из нее:	**48,4**	**55,1**	**50,6**	**51,4**	**51,7**
Скот и птица, в т. ч.:	51,9	50,8	44,6	44,3	46,1
– свинина	23,4	21,8	20,6	19,8	19,8
– мясо птицы	14,8	15,4	13,9	14,2	16,0
Молоко	33,2	34,0	38,5	39,1	36,5
Яйца	9,9	10,1	12,3	12,0	14,2
Шерсть	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0

За счет более динамичного развития животноводства, отмеченного в таблице 1, в особенности за счет увеличения доли животноводства до 51,7 %, в последние пять лет произошло изменение структуры производства продукции сельского хозяйства по видам. На динамику производства продукции сельского хозяйства оказывали влияние различные факторы – это по преимуществу количественные параметры в растениеводстве (рисунок 1) и качественные в животноводстве (рис. 2).

Динамика посевных площадей сельскохозяйственных культур в Кемеровской области за последние пять лет снизилась на 40,1 тыс. га или в относительном выражении на

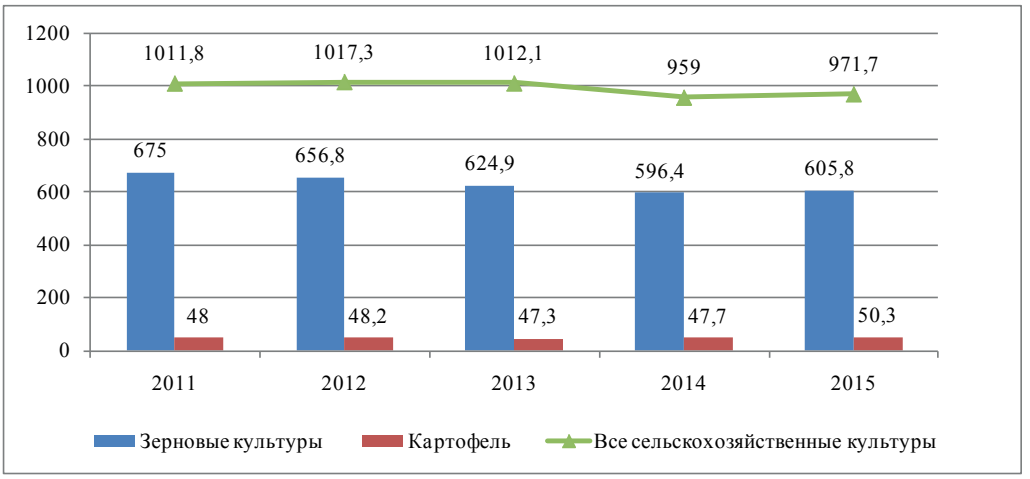

Рис. 1. ***Динамика посевных площадей сельскохозяйственных культур в Кемеровской области за период 2011–2015 гг., тыс. га (в т. ч. посевных площадей зерновых и картофеля)***
Fig. 1. ***Dynamics of acreage of agricultural crops in the Kemerovo region for the period 2011–2015, thousand hectares (including crop areas of cereals and potatoes)***

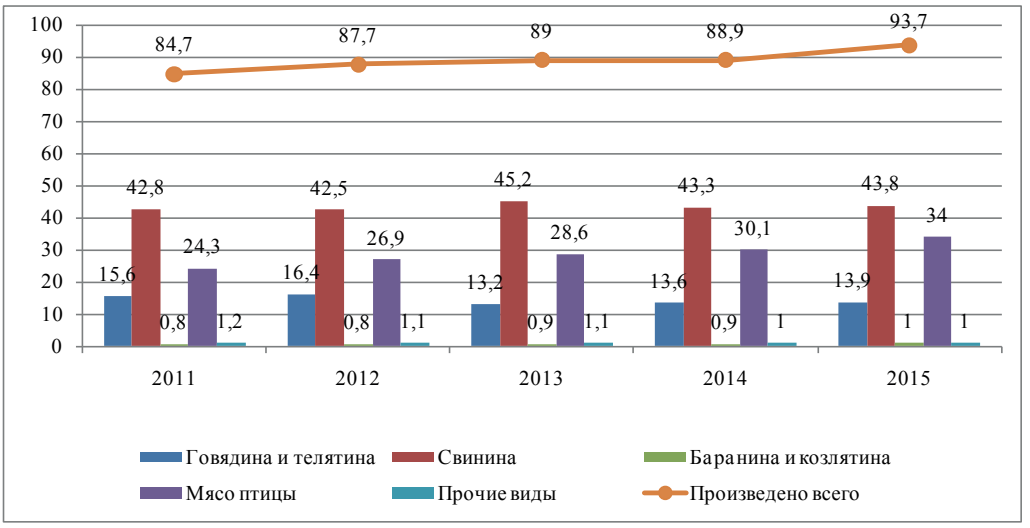

Рис. 2. ***Динамика производства скота и птицы на убой (в убойном весе) за период 2011–2015 гг., тыс. тонн***
Fig. 2. ***Dynamics of production of livestock and poultry for slaughter (slaughter weight) for the period 2011–2015, thousand tons***

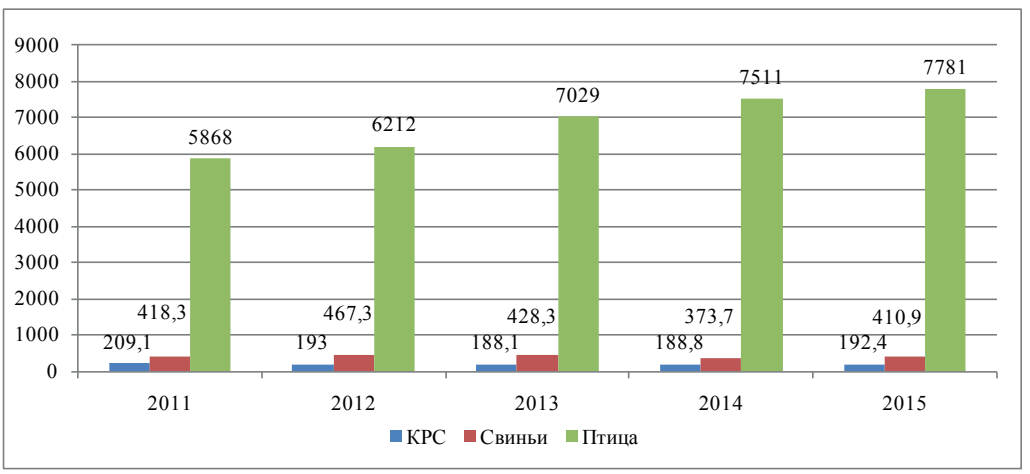

Рис. 3. ***Динамика поголовья сельскохозяйственных животных в Кемеровской области за период 2011–2015 гг., тыс. голов (в т. ч. крупнорогатый скот, свиньи, птица)***
Fig. 3. ***Dynamics of the number of agricultural animals in the Kemerovo region for the period 2011–2015, thousand heads (including cattle, pigs, poultry)***

3,96 %, что привело к снижению валового сбора зерна на 2,8 % с 1 136,2 тыс. тонн до 1 034,1 тыс. тонн зерна [1, с. 63].

При этом стоимость продукции растениеводства возросла с 19 621 млн рублей до 27 121 млн рублей или на 38,22 %, что указывает не на интенсивный характер развития растениеводства в регионе, а прежде всего на рост цен на зерно.

Несмотря на позитивные тенденции развития сельского хозяйства Кемеровской области и его поддержку в рамках государственных программ развития сельского хозяйства, авторами выделен ряд проблем в развитии сельского хозяйства региона.

1. Сокращение посевных площадей. Так, с 1990 г. по 2015 г. наблюдается сокращение земли как фактора производства на 32,8 %: с 1 447 тыс. до 971,7 тыс. га соответственно [4]. Вместе с тем в 2005–2008 гг. ситуация несколько изменилась за счет реализации целевой программы по поддержке сельхозорганизаций, вводивших в оборот брошенные и неиспользуемые земли [2].

2. Необходимость ремонта, модернизации, реконструкции, а также восстановление оросительных систем – 85 % от общей площади орошаемых земель. Наряду с этим остро строит потребность в восстановлении осушительных систем в размере 51 % от общей площади осушенных земель. В связи с неблагоприятным состоянием мелиорированных земель считаем, что целесообразно проводить реконструкцию и восстановление оросительных систем, которые используются в производстве кормов, овощей, а также в утилизации стоков от животноводческой деятельности [3]. В рамках решения данной проблемы в регионе планируется финансирование ремонтно-восстановительных работ на мелиоративных системах, нацеленных на улучшение работоспособности оросительных систем, обеспечение безопасности гидротехнических сооружений, сохранение числа рабочих мест. За счет реализации данных мероприятий возможно проведение реконструкции и восстановления поливных земель на площади 3 тыс. га.

3. Снижение плодородия земель, вынос питательных веществ с урожаем. Ввиду резкого снижения количества используемых минеральных и органических удобрений земельным ресурсам области характерны признаки снижения содержания гумуса, обменного калия. На фоне этого начинается деградация почв. Анализируя состояние земель, находящихся в мелиорации, следует отметить, что необходимо перевести 16,9 тыс. га таких земель в немелиорируемые, в том числе 74 % из них – в орошаемые, а 26 % – в осушенные земли [1].

4. Низкий уровень заработной платы работников сельского хозяйства. По итогам 2015 г. средняя заработная плата в сельском хозяйстве составила 19 192 рубля или 67,9 % от средней заработной платы в регионе [1]. Уровень оплаты труда в сельском хозяйстве обусловливается не только специфическими особенностями труда сельскохозяйственных рабочих, проявляющимися в сезонности, погодно-климатических и других рисках – рынку сельскохозяйственного труда характерны элементы монопсонии. В сельской местности в основном действует один работодатель, который пользуется своим монопольным положением и устанавливает заработную плату ниже, чем она могла бы сложиться в регионе при более развитом рынке труда в части сельского хозяйства.

5. Высокая волатильность числа убыточных организаций сельского хозяйства. В 2012–2014 гг. наблюдался максимальный уровень доли убыточных организаций – 45–48 %; а в 2015 г., после введения продовольственных санкций, доля убыточных организаций снизилась до 26,8 % по причине развития импортозамещения, основная доля которого пришлась именно на сельскохозяйственную отрасль с целью производства отечественной продукции. Сальдированный финансовый результат сельского хозяйства в 2015 г., согласно статистическим данным, составил 1 644 млн рублей [1, с. 22].

6. Невысокая инвестиционная привлекательность регионального сельского хозяйства как фактор, сдерживающий его дальнейшее развитие. Несмотря на промышленную развитость Кемеровской области и на наличие возможностей для инвестиций в сельское хозяйство региона, объем инвестирования в основной капитал в 2011–2014 гг. оставался на уровне 2 621,9–2 030,3 млн рублей соответственно. Однако за 2015 г. объем вложений в основной капитал сократился по сравнению с 2014 г. на 32,9 % [5], что является неблагоприятной ситуацией для экономики региона. Следует подчеркнуть, что объем инвестиций в сельское хозяйство Кемеровской области в 2015 г. составил 1,3 млрд рублей, что в процентном выражении оценивается как 1,12 % от общей величины вложений.

Структура инвестиций в основной капитал по источникам финансирования в 2015 г. изменилась: 66,7 % – собственные средства (в 2014 г. – 41,5 %); 33,3 % – привлеченные средства организаций (в 2014 г. – 58,5 %). В разрезе привлеченных источников доля бюджетных средств составила 11,7 %, в том числе федеральный бюджет – 5,9 % [1]. Данные, характеризующие инвестиционную ситуацию в регионе, зеркально отражают аграрную политику страны в целом к сельскому хозяйству. Однако, несмотря на снижение объема инвестиций, доля вложений, выделяемых из бюджетной системы страны, увеличилась.

Рассматривая инвестиционную ситуацию в кузбасском сельском хозяйстве, отметим, что инвестиционная привлекательность сельскохозяйственной отрасли – это не только экономическая категория, но и в большей степени социально-экономическая, поскольку без притока капитала в сельское хозяйство невозможно решить социальные проблемы сельских населенных пунктов.

Для решения выявленных проблем разработана Стратегия развития Кемеровской области до 2025 г., в которой определены стратегические параметры развития сельского хозяйства [6; 7]. Рассмотрим их.

1. Сохранение растениеводства как основы развития агропромышленного комплекса. Переход к производствам, использующим высокие технологии, позволит решить чрезвычайно важные вопросы хранения продукции и логистики. В большинстве случаев рост будет обусловлен степенью успешности привлечения в регион поставщиков современной техники, удобрений, иных химикатов. Экспортная ориентация сельского хозяйства Кемеровской области вряд ли имеет развитие в будущем ввиду наличия сельскохозяйственных рынков стран более перспективных в этом направлении (государства ЕС, Северной Африки, а также в будущем – страны Северо-Восточной Азии и КНР). При этом в связи с экспортоориентированием растениеводства России (например выращивание зерна) в целом ниша

на внутреннем, локальном рынке создает возможности для кузбасских производителей.

2. В части мясного животноводства целесообразно закончить объединение активов сельскохозяйственных организаций с целью «эффекта масштаба». Свинокомплексы в рамках современных компаний уже строятся с учетом наличия в них десятка тысяч голов. Применительно к мясомолочному животноводству, эксперты Института конъюнктуры аграрного рынка (ИКАР) выдвигают мнение о перспективности дальнейшей концентрации производства в рамках современных и высокопроизводительных мегаферм. При этом производству, растущему быстрыми темпами, необходимо наличие рациональной инфраструктуры, в частности производственных мощностей, использующихся как для транспортировки, хранения, так и для первичной переработки мясного сырья.

Однако, по мнению авторов, ввиду высокой капиталоемкости рассмотренных проектов в сельском хозяйстве больший эффект в ближайшем будущем смогут достичь лишь операторы рынка. При этом, несмотря на возможность у малых и средних организаций получить поддержку, в среднесрочной перспективе этого может быть недостаточно для достижения большей эффективности, если не организовать производство по типу единого кластера, имеющего в качестве центральной единицы достаточно крупный логистическо-производственный модуль, занимающийся переработкой мяса.

Наименьшего эффекта, по мнению крупного отечественного мясного дистрибьютора Meatland, достигнет завод, специализирующийся на убое и обвалке мяса. Его суточная производственная мощность составляет 50 т мяса. Необходимые финансовые ресурсы для реализации такого проекта – 6–7 млн долларов США. В рамках данного предприятия стройку скотобойных подразделений должны осуществлять организации, которые могут в дальнейшем продвигать мясную продукцию, имея рациональную и устоявшуюся дистрибуцию [8, с. 198].

3. Применительно к производству молока, ситуация следующая: в рамках современной пропорции между ценами на сырое молоко и средствами его производства рентабельными и прибыльным являются те хозяйства, которые имеют поголовье дойного стада свыше 2000 голов. По мнению представителей ИКАР, производство качественного молока может оказаться недостаточно рентабельным в силу низкого платежеспособного спроса со стороны переработчиков. В этой связи Кемеровской области необходимо наличие крупного стратегического инвестора, выступающего гарантированным покупателем продукции молочной переработки. Это позволит обеспечивать бережливое производство и переработку продукции, а также рентабельный процесс утилизации продуктов побочного производства [8, с. 198].

Рассматривая ситуацию с молочным производством, отметим, что Кемеровский молочный комбинат, являясь крупнейшим в регионе производителем молочной продукции, поглощен холдинговой компанией «Юнимилк», ведущей в Сибирском федеральном округе конкуренцию за молочный рынок с другим холдингом – «Вимм-Билль-Данн». Участники рынка, оценивая данную ситуацию, отмечают, что в ближайшем будущем на сибирский рынок зайдет ряд следующих компаний молочного производства [9]:

1) группа «Нутритек», специализирующаяся на выпуске молочных продуктов, детского и специального питания;

2) молочный комбинат «Воронежский», занимающийся скупкой молочных заводов по России;

3) московский завод плавленых сыров «Карат», ранее изучавший и рассматривавший возможность покупки алтайских молочных компаний.

Следует отметить, что одной из важных задач в рамках реформирования молочного животноводства, на наш взгляд, является повышение уровня эффективного управления в хозяйствах. Наряду с этим ряд проблем, свойственных молочному животноводству (низкое содержание белка в молоке, невысокие надои, сезонность производства), следует решать на уровне менеджмента и технологий.

При этом в Стратегии отмечается, что своеобразным толчком для роста эффективности и конкурентоспособности сельскохозяйственных организаций послужит применение современных подходов к менеджменту.

Кроме того, проблемы развития сельскохозяйственного менеджмента возникают в связи с ограниченностью методов управления как на муниципальном уровне, так и через государственные органы власти [10]. Департамент сельского хозяйства Кузбасса, реализуя федеральные и региональные программы, использует программно-целевой подход, с точки зрения АПК представляющий собой завершенный в пространстве и времени набор экономических, организационно-технологических, инновационных и других мер, направленных на реализацию целей и задач определенных мероприятий развития агропродовольственной сферы.

В целом для эффективного развития сельского хозяйства и управления сельскохозяйственными организациями Кемеровской области в условиях рыночной экономики необходима такая концепция развития единой системы менеджмента АПК, которая будет включать цели, задачи и функции всех уровней власти. Это, в свою очередь, будет способствовать достижению целей, заявленных в Доктрине продовольственной безопасности России, Государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 гг.

Литература

1. Сельское, лесное и охотничье хозяйство Кемеровской области 2011–2015. Статистический сборник / Кемеровостат. Кемерово, 2016. 140 с.

2. Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство: официальная статистика // Федеральная служба государственной статистики: сайт. Режим доступа: http://kemerovostat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/kemerovostat/ru/statistics/enterprises/agriculture/ (дата обращения: 05.09.2017).

3. Косинский П. Д., Бондарев Н. С., Бондарева Г. С. Продовольственное обеспечение региона: вопросы теории и практики / отв. ред. П. М. Першукевич. Новосибирск: СибНИИЭСХ, 2015. 397 с.

4. Косинский П. Д., Чупрякова А. Г. Роль сельского хозяйства в реализации политики импортозамещения и поддержании продовольственной безопасности региона // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2014. № 12-2. С. 208–211.

5. Ганиева И. А., Ижмулкина Е. А., Шамин А. Е. Разработка инструментов для управления инновационной деятельностью в сельском хозяйстве // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. 2013. № 3(101). С. 116–119.

6. Об утверждении Стратеги социально-экономического развития Кемеровской области до 2025 года. Закон Кемеровской области № 74-ОЗ от 11.07.2008 (ред. от 02.11.2012 № 104-ОЗ). Режим доступа: http://docs.cntd.ru/document/990308346 (дата обращения: 05.09.2017).

7. Вакутин Н. А. Социально-экономическое развитие Кемеровской области до 2025 года: тенденции и перспективы // Россия молодая: сборник материалов VIII Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых с международным участием. 2016. Режим доступа: http://science.kuzstu.ru/wp-content/Events/Conference/RM/2016/RM16/pages/Articles/IEU/37/13.pdf (дата обращения: 03.09.2017).

8. Кононова С. А., Харитонов А. В. Тенденции развития сельского хозяйства Кемеровской области // Проблемы современной экономики. 2016. № 1. С. 196–199.

9. Харитонов А. В. Устойчивое развитие сельского хозяйства региона: теоретические и прикладные аспекты. Томск: НИ ТГУ, 2016. 272 с.

10. Чирков Е. П. Совершенствование организации управления региональным АПК // Вестник Брянской государственной сельскохозяйственной академии. 2013. № 6. С. 30–41.

AGRICULTURAL SECTOR OF THE KEMEROVO REGION: MODERN CONDITION AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT

Elena A. Fedulova[1, @1], Svetlana A. Kononova[1, @2], Nikita A. Vakutin[1, @]

[1] Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000
[@1] fedulovaea@mail.ru
[@2] kononovasa@rambler.ru
[@3] vakutinnikita@rambler.ru

Received 11.09.2017. Accepted 05.10.2017.

Keywords: agriculture, Kemerovo region, agricultural products, production, agribusiness, development strategy.

Abstract: *The subject.* The article is devoted to the analysis of the current state of agriculture as a branch of the economy of the Kemerovo region and to the identification of the prospects for its further development. *The goal and tasks.* The paper features the tendencies of the development of agriculture in the Kemerovo region. It asserts the role of agriculture in the economy of the region. *The methodology.* The research involves scientific methods of obtaining knowledge (retrospective and comparative analysis, synthesis, induction, deduction), allowing one to obtain reliable and valid results of the study. *The results.* The paper analyses the structure of agricultural products in terms of categories of farms and nomenclature over the past five years. It estimates the dynamics of the development of agriculture in the region, namely, the production of poultry and livestock, the size of cultivated areas, and the number of livestock. Positive trends in the development of the industry have been singled out, as well as problems interfering with the development of agriculture in the Kuzbass. The article describes the measures implemented within the framework of the Strategy of Social and Economic Development of the Kemerovo Region until 2025 in the field of agricultural management. *The conclusions and significance.* The study has made it possible to identify the key problems of the development of the Kuzbass agricultural sector, including management problems on the farms, and to propose measures to improve the efficiency of agriculture in the region.

For citation: Fedulova E. A., Kononova S. A., Vakutin N. A. Sel'skoe khoziaistvo Kemerovskoi oblasti: sovremennoe sostoianie i perspektivy razvitiia [Agricultural Sector of the Kemerovo Region: Modern Condition and Prospects of Development]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences,* no. 2 (2017): 65–71.

References

1. *Sel'skoe, lesnoe i okhotnich'e khoziaistvo Kemerovskoi oblasti 2011–2015* [Agriculture, Forestry and Hunting in the Kemerovo Region 2011–2015]. Kemerovo, 2016, 140.

2. *Sel'skoe khoziaistvo, okhota i lesnoe khoziaistvo: ofitsial'naia statistika* [Agriculture, hunting and forestry: official statistics]. Available at: http://kemerovostat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/kemerovostat/ru/statistics/enterprises/agriculture/ (accessed 05.09.2017).

3. Kosinskiy P. D., Bondarev N. S., Bondareva G. S. *Prodovol'stvennoe obespechenie regiona: voprosy teorii i praktiki* [Food provision in the region: theory and practice]. Ed. Pershukevich P. M. Novosibirsk: SibNIIESKh, 2015, 397.

4. Kosinskiy P. D., Chupryakova A. G. Rol' sel'skogo khoziaistva v realizatsii politiki importozameshcheniia i podderzhanii prodovol'stvennoi bezopasnosti regiona [The role of agriculture in the implementation of the policy of import substitution and the maintenance of food security in the region]. *Mezhdunarodnyi zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovanii = International Journal of Applied and Fundamental Research*, no. 12-2 (2014): 208–211.

5. Ganieva I. A., Izhmulkina E. A., Shamin A. E. Razrabotka instrumentov dlia upravleniia innovatsionnoi deiatel'nost'iu v sel'skom khoziaistve [Development of tools for management of innovative activities in agriculture]. *Vestnik Altaiskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta = Bulletin of the Altai State Agrarian University*, no. 3(101) (2013): 116–119.

6. *Ob utverzhdenii Strategi sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia Kemerovskoi oblasti do 2025 goda* [On the Approval of the Strategy of Social and Economic Development of the Kemerovo Region until 2025]. Law of the Kemerovo Region No. 74-OZ of 11.07.2008 (as amended on 02.11.2012 No. 104-OZ). Available at: http://docs.cntd.ru/document/990308346 (accessed 05.09.2017).

7. Vakutin N. A. Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie Kemerovskoi oblasti do 2025 goda: tendentsii i perspektivy [Socio-economic development of the Kemerovo region until 2025: trends and prospects]. *Rossiia molodaia: sbornik materialov VIII Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii molodykh uchenykh s mezhdunarodnym uchastiem* [Young Russia: Proc. VIIIth All-Russian Sc.-Prac. Conf. of young scientists with Intern. participation]. 2016. Available at: http://science.kuzstu.ru/wp-content/Events/Conference/RM/2016/RM16/pages/Articles/IEU/37/13.pdf (accessed 03.09.2017).

8. Kononova S. A., Kharitonov A. V. Tendentsii razvitiia sel'skogo khoziaistva Kemerovskoi oblasti [Trends in the development of agriculture in the Kemerovo Region]. *Problemy sovremennoi ekonomiki = Problems of modern economy,* no. 1 (2016): 196–199.

9. Kharitonov A. V. *Ustoichivoe razvitie sel'skogo khoziaistva regiona: teoreticheskie i prikladnye aspekty* [Sustainable development of regional agriculture: theoretical and applied aspects]. Tomsk: NI TGU, 2016, 272.

10. Chirkov E. P. Sovershenstvovanie organizatsii upravleniia regional'nym APK [Improvement of organization of regional agribusiness management]. *Vestnik Brianskoi gosudarstvennoi sel'skokhoziaistvennoi akademii = Bulletin of Bryansk State Agricultural Academy*, no. 6 (2013): 30–41.

16+

Редакторы выпуска:
Долгих В. П., Митько Н. В., Рабкина Н. В., Старикова Л. С.

Подписано к печати 27.11.2017. Формат А 4.
Дата выхода в свет 21.12.2017.
Печать офсетная. Бумага Sveto Copy. Усл. печ. л. – 9. Уч.-изд. л. – 6,85.
Тираж 500 экз. Заказ № _____
Цена свободная.
ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет».
Россия, Кемеровская область, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6, http://kemsu.ru.

Отпечатано ООО ПК «ОФСЕТ». 650001, Кемерово, ул. Пролетарская, д. 9.